НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ
В СТРАНАХ ЗАПАДА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ
И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Москва

ИМЭМО РАН

2016

УДК 329

ББК 66.6

Парт 187

Серия "Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова"

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор О.П. Иванов
кандидат политических наук Ф.А. Басов

Ответственный редактор – к.п.н. Э.Г. Соловьев

Авторский коллектив:

Е.В.Ананьева, А.С.Бадаева, К.С.Гаджиев, Г.В.Каменская, А.А.Преображенская,
И.Л.Прохоренко, Н.В.Работяжев, Т.Л.Ровинская, А.Н.Смирнов, Э.Г.Соловьев, А.Э.Яшлавский

Парт 187

Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в
начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации / Отв. ред. Э.Г.
Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 127 с.

ISBN 978-5-9535-0493-5

DOI:10.20542/978-5-9535-0493-5

Книга посвящена исследованию трансформации партийно-политических систем в
странах Запада, а также изменений, происходящие с «классическими» (либерализм, консер-
ватизм, социал-демократизм) и «новыми» (энвайронментализм, новые правые, исламизм и
др.) политическими идеологиями под влиянием современного этапа глобализации, послед-
ствий глобального финансово-экономического кризиса и новых трендов ренационализации
политики.

**Political party systems and political ideologies in the Western countries in the early XXIst
century: factors of evolution and trends of transformation / Ed. by E.G. Solovyev. –
Moscow, IMEMO, 2016. – 127 p.**

ISBN 978-5-9535-0493-5

DOI:10.20542/978-5-9535-0493-5

The book is devoted to the study of political party systems transformation in Western coun-
tries as well as researches of changes occurring with the "classical" (liberalism, conservatism, so-
cial democracy) and "new" (environmentalism, New Right, Islamism, etc.) political ideologies under
the influence of modern stage of globalization, the effects of the global financial and economic cri-
sis, the new trends of re-nationalization of politics.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0493-5

© ИМЭМО РАН, 2016

© Коллектив авторов, 2016

Содержание

Предисловие	5
Раздел 1. Политические идеологии в современном мире.....	8
<i>Гаджиев К.С.</i> Метаморфозы идеологий в современной мировой политике.....	8
<i>Каменская Г.В.</i> Современный либерализм – разрыв с классикой.....	15
<i>Прохоренко И.Л.</i> Региональный национализм в Европейском союзе: причины и возможные последствия на примере Испании.....	25
<i>Работяжев Н.В.</i> Эволюция идеологии Лейбористской партии Великобритании: от «новых лейбористов» к «старым левым».....	32
<i>Ровинская Т.Л.</i> Киберлибертарианство – новая альтернативная идеология информационного общества.....	39
<i>Смирнов А.Н.</i> В тисках эмансипации: традиции и нетрадиционные ценности европейского консерватизма.....	44
<i>Соловьев Э.Г.</i> Конец эры либерализма и возвращение истории.....	53
<i>Яшлавский А.Э.</i> ИГИЛ как альтернативный идеологический проект.....	64
Раздел 2. Эволюция современных партийно-политических систем.....	71
<i>Ананьева Е.В.</i> Тенденции трансформации партийно-политической системы Великобритании.....	71
<i>Бадаева А.С.</i> Проблемы «правого поворота» в странах Западной Европы.....	79
<i>Каменская Г.В.</i> Популистская волна – что дальше?.....	88
<i>Преображенская А.А.</i> Эволюция партийно-политического пространства Франции – от биполярного к трехполюсному.....	94
<i>Прохоренко И.Л.</i> Испания в процессах трансформации партийно- политических систем европейских стран.....	102
<i>Работяжев Н.В.</i> Лейбористская партия Великобритании: возврат к традициям?.	108
<i>Ровинская Т.Л.</i> «Пиратские» партии Западной Европы и США: победы и поражения.....	114
<i>Ровинская Т.Л.</i> Экологические партии в Европе: особенности эволюции.....	120

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судя по всему, уходящий 2016 год войдет в историю как время непредсказуемых явлений, которые в совокупности изменили окружающий нас мир или, во всяком случае, мировую политику. На протяжении всего года происходили события, которые не вписывались в расчеты и опрокидывали прогнозы. «Черные лебеди» парили над политической ареной, и на наших глазах оказывалось возможно то, что еще несколько лет назад было трудно представить даже человеку с пылким воображением, не говоря уже о когорте профессиональных политологов и о многочисленных экспертах, которые за последние десятилетия привыкли доверять социологическим опросам и другим рациональным инструментам исследования социальных явлений, не предвещавшим никаких неожиданностей, крутых поворотов и чрезвычайных или знаковых событий. На фоне политических процессов 2016 года стало очевидно, что последствия глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. до сих пор не преодолены. И они оказались гораздо глубже, чем было принято считать до последнего времени, затрагивая не только социально-экономические явления и долгосрочные факторы развития общества, но и политическую, социокультурную и даже духовную сферы жизни.

Значительное влияние на формирование глобальных тенденций оказали и еще окажут Брекзит и неожиданный для большинства аналитиков исход выборов в США. Эти события ясно продемонстрировали, что в мировой политике набирают силу настроения «разгневанных граждан», недовольных господствующим истеблишментом и проводимой им политикой, раздраженных характером текущих политических процессов и выступающих с требованиями серьезных перемен. Но при этом перемен, зачастую понимаемых достаточно парадоксально – прежде всего, как возврата к «светлому прошлому». Отсюда резкий подъем право-консервативного «популизма» в странах Запада.

Кризис вообще ускорил назревавшую трансформацию партийно-политических систем, подтолкнув возникновение новых левых и правых («популистских», «гибридных», как их зачастую именуют аналитики) партий и движений. Модели «картельной» и «всеохватной» (catch all) партий явно дали сбой. Популистские партии и движения набирают силу в странах с очень разными социально-экономическими параметрами развития и в очевидно отличающихся социокультурных контекстах – от процветающих Швеции и Германии до переживающей затяжной кризис Греции. При этом повестка дня «новых» левых напоминает традиционную, хотя и подзабытую уже за последние десятилетия программатику и идейно-политические установки левых сил. Левые популисты просто занимают нишу, которую добровольно расчистили для них социалисты, социал-демократы, лейбористы, резко сдвинувшиеся к центру на рубеже XX-XXI вв. в борьбе за голоса избирателей. А вот правые популистские партии в европейских странах переживают почти беспрецедентный подъем, который требует пристального внимания и всестороннего осмысления.

Представления о структурировании политического пространства в странах Запада до самого последнего времени были основаны на привычном разделении на правых и левых, характерном для политических процессов XIX-XX вв. При этом левые партии устойчиво и предсказуемо ассоциировались с требованиями увеличения госрасходов, развитием институтов социального государства и регулированием бизнеса. Правым приписывалось стремление ограничить роль государства, сократить социальные гарантии и вмешательство в жизнь общества. Одновременно модели электорального поведения, как правило, исходили из предпосылки о том, что политические предпочтения избирателей во многом определяются их экономическим статусом и уровнем дохода. Однако многочисленные исследования последних деся-

тилетий (начиная с новаторских работ Р.Инглхарта) продемонстрировали, что экономический статус уже не определяет в полной мере политические и электоральные предпочтения граждан стран Запада, равно как и существующие в этих странах политические размежевания. Позиция по социальным и культурным (а не экономическим) вопросам, таким как проблемы мультикультурализма, меньшинств, гендера, семьи зачастую становится решающей в обосновании предпочтений избирателей. И эффекты глобализации, информационной революции, демографические проблемы (включая миграционный фактор) только усиливают эти тренды. Как писал в развитие темы Фарид Закария: «Мир трансформировался из-за глобализации товаров, услуг и информации, и все это вызвало болезненную реакцию и отторжение. Но сегодня мы наблюдаем глобализацию людей, которая вызывает более сильную, грубую и эмоциональную реакцию общества. Население западных стран... [в конечном счете – Э.С.] приняло приток иностранных товаров, идей, искусства и кухни, но оно оказалось не готово принять приток самих иностранцев – и сегодня это невозможно не заметить»¹.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг., будучи серьезным испытанием на гибкость и жизнеспособность социальных и политических систем стран Запада, поставил в повестку дня вопрос о том, за счет чего подобная адаптивность может быть достигнута. В период Великой депрессии (1929-33 гг.) интеллектуальный ответ состоял в смене социально-экономической модели (кейнсианство, стимулирование спроса) и трансформации идеологии (социальный либерализм, пришедший на смену либерализму классическому, социал-демократический вариант реформизма и демократического социализма, окончательно утвердившийся в мировой политике уже после второй мировой войны). В кризисные 1970-е гг. имел место неолиберальный переход от «экономики спроса» к «экономике предложения», а по миру прокатилась в конце 1970-х и в 1980-х гг. неоконсервативная идеологическая волна. В ответ на недавний кризис 2008-2010 гг. никаких новых магистральных интеллектуальных и идеологических трендов продемонстрировано не было (если не считать таковыми дальнейшее распространение пресловутых «молекулярных» идеологий, не ориентированных на универсальные идеи или объяснения общественных процессов, а сконцентрированных на достаточно одностороннем, «тоннельном видении» проблем – от напористого феминизма до «воинствующего» энвайронментализма). Учитывая то обстоятельство, что лидерство современного Запада во многом основано на его способности к социальным инновациям, на креативности элит и гибкости институтов, подобная констатация не сулит ничего хорошего. Она явно свидетельствует о снижении адаптивности политической системы, теряющей способность приспосабливаться к вызовам современности и давать на них адекватный системный ответ.

2016 год, похоже, слегка развернул эту тенденцию, обозначив начало подъема право-популистской волны в странах Запада. На гребне волны неожиданно оказался один из самых неидеологических и даже неполитических (в смысле полного отсутствия политического опыта и прочных связей с партийным истеблишментом) президентов США – Д.Трамп. Пока непонятно, насколько широко разойдутся круги от политического землетрясения в Вашингтоне – повлечет ли оно за собой сокрушающее системные основы мировой политики цунами, сильный шторм или «рябь на воде». Проблема в том, что популисты обычно ясно обозначают существующие недостатки, решительно поднимают реальные наболевшие вопросы, но не дают внятных (и рациональных) ответов относительно способов их решения. И избранный американ-

¹ Закария Ф. Популизм на марше // Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Populizm-na-marshe-18482>

ский президент Д.Трамп на данный момент не выглядит исключением из общего правила.

В контексте происходящих в странах Запада трансформаций политических процессов возникает целый ряд вопросов. За счет чего современной западной элите представляется возможным преодоление последствий кризиса? В чем суть «заката идеологий» в политике развитых западных стран? Является ли данная тенденция эпизодом в развитии их политических систем или проявлением более глубоких политических феноменов, свидетельствующих о смене самой модели развития западных обществ? Каковы параметры изменений партийно-политических систем стран Запада и чем эти изменения обусловлены?

Сборник статей призван дать ответы на эти и другие актуальные вопросы современной мировой политики. В его основу положены расширенные и дополненные выступления авторов в ходе двух круглых столов, проходивших в ИМЭМО в декабре 2014 и в декабре 2015 г. Первый из них был посвящен теме «Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции?». В фокусе другого оказалась «Эволюция современных партийно-политических систем: факторы, проблемы, идеологии». Соответствующие названия носят и два раздела представленной вниманию читателей книги. И сами круглые столы, и подготовка статей сотрудниками Сектора теории политики ИМЭМО РАН осуществлены в рамках работы над темой «Эволюция партийно-политических систем и политических идеологий в странах Запада в начале XXI века». Материалы внутри разделов структурированы в алфавитном порядке.

Раздел 1. Политические идеологии в современном мире

ГАДЖИЕВ К.С.

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ*

По-видимому, называя двадцатое столетие «веком идеологии», мы допускаем определенное упрощение реального положения вещей. Дело в том, что любые мифы, верования, религиозные учения (в том числе такие как католицизм, православие, различные деноминации протестантизма) на протяжении столетий выполняли такую же роль, как и идейно-политические и идеологические течения. Как показывает исторический опыт, плюрализм, разнообразие интересов, ориентаций, установок, ценностей, что является основополагающей характеристикой любого сложного и жизнеспособного общества, неизбежно обуславливает разное понимание роли государства, взаимоотношений государства и отдельного индивида и, соответственно, разные социально-философские и идейно-политические установки. Плюрализм интересов, плюрализм источников власти, влияния и авторитета в обществе получает отражение в идеологических конструкциях различных конкурирующих друг с другом групп, социальных слоев, формировавшихся классов. Очевидно, что формирование и институционализация идеологии в собственном смысле слова в качестве одного из определяющих факторов политики государств теснейшим образом связаны с процессами вычленения и автономизации гражданского общества и мира политического как самостоятельных, хотя теснейшим образом взаимосвязанных, взаимозависимых и дополняющих друг друга сфер жизнедеятельности человеческих сообществ. Идеология в современном понимании этого термина возникла в Новое время, когда прежде всего на Западе был осознан дуализм государства и гражданского общества.

Наступил XX век. Ницше называл его веком столкновения и борьбы философий, но на самом деле он оказался веком конфликтов и борьбы различных идеологических течений. Более того, после Второй мировой войны конфликт между двумя военно-политическими блоками в условиях биполярного миропорядка носил системный, всеохватывающий характер. И содержание периода «холодной войны» коротко можно определить как противостояние двух идеологических, а уже потом политических и экономических систем. Тем не менее, парадоксальным образом в условиях фронтальной идеологической борьбы еще во второй половине 50-х – начале 60-х годов XX века выдвинулась теория деидеологизации или «конца идеологии». Однако, как показали последующие тенденции и процессы в этой сфере, идеология отнюдь не исчезла и продолжала играть ключевую роль в политической жизни как отдельных взятых стран, так и мирового сообщества в целом.

Целая плеяда представителей интеллектуальной элиты Запада, таких как Д.Белл, С.М.Липсет, Р.Арон, Э.Тоффлер, Э.Шилс и др. взялись за разработку теорий трансформации индустриального общества в постиндустриальное, а затем в информационное общество с качественно новыми системными характеристиками и закономерностями функционирования и развития. К идее деидеологизации позитивно относились Р.Дарендорф, Э.Фишер, Л.Колаковски и другие европейские исследователи. Всех их

* Гаджиев Камалудин Серажудинович – д.полит.н., профессор, главный научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

объединяла мысль о том, что деидеологизация или конец идеологии стал ключевой составляющей возникшего к тому времени нового общества.

Лозунг «конца идеологий» впервые был выдвинут на международной конференции «Будущее свободы», проходившей в Милане 12-17 сентября 1955 г. под эгидой Конгресса за свободу культуры. Его участники призвали к деидеологизации как своего рода «идеологическому разоружению». В том же году известный французский социолог и политолог Р.Арон опубликовал книгу «Опиум интеллектуалов», одна из глав которой имела заголовок с вопросительным знаком «Конец идеологического века?». В этой главе обосновывался тезис о несостоятельности в создавшихся к тому времени условиях трех основных, по мнению автора книги, идеологических течения – национализма, либерализма и марксизма. Однако вся острота критики была направлена против марксистско-ленинского понимания государства, навязывающего, по его мнению, «одномерное толкование каждодневных событий... толкование всего развития и, в конечном счете, – смысл человеческого бытия. Оно хочет подчинить своей псевдо-истине творчество духа, деятельность общественных групп. Защищая свободу проповеди, неверующий защищает свою собственную свободу»¹. Свою позицию Арон обосновывал утверждением об отсутствии объективных условий для существования в западном обществе идеологии вообще. Он называл идеологию «опиумом», от которого необходимо избавиться.

Наиболее законченное выражение эта совокупность идей получила в книге Д.Белла «Конец идеологии», опубликованной в 1960 г. и получившей широкую популярность. Обосновывая основной тезис своего труда, Белл пытался убедить читателя в том, что процесс деидеологизации начался с переходом западного общества в постиндустриальную стадию развития, в результате чего идеология утратила свое значение в общественно-политической жизни. По его мнению, в основе этого процесса лежало исчезновение классов, на смену которым пришли социальные страты, владеющие уникальными знаниями и информацией. Белл утверждал, что в постиндустриальном обществе отпадает необходимость в традиционных идеологиях и предлагаемых ими приоритетах и ориентирах общественно-политического устройства и развития, поскольку «определенный образ жизни, права, нормы и ценности, стремления, привилегии, культура – все то, что когда-то составляло исключительное достояние высших классов, – распространяется теперь на всех». Как утверждал Белл, под «концом идеологии» он подразумевал, что «прежние политические идеи и радикальные движения истощили себя и не обладают способностью возбуждать страсти или приверженность к себе среди интеллигенции»².

Концепция деидеологизации была так или иначе связана с разного рода идеями и теориями постиндустриального общества и конвергенции социализма и капитализма. Предполагалось, что процессы экономического и технологического развития будут толкать обе системы примерно в одном эволюционном направлении. Одну из наиболее подробно разработанных версий этой теории предложил в своих работах известный экономист и социолог Дж.К.Гэлбрейт. Он в частности предсказывал, что Соединенные Штаты и Советский Союз в будущем будут сближаться друг с другом, конвергировать, в результате чего рынок будет смягчаться планированием, а планирование оживляться рынком³. В результате исчезает конфликт идеологий. Своего рода заключительным аккордом в легитимации теории конвергенции стала совместная монография Дж.К.Гэлбрейта и советского экономиста С.Меньшикова, опубликованная в 1988 году⁴.

¹ Aron R. L'Opium des intellectuels, P., 1955, P. 233.

² Bell D. The End of Ideology. Glenon, 1960, P. 20–23.

³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, С 58-81.

⁴ Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988.

Однако, как показал опыт последующих десятилетий XX и начала XXI вв., идеология неистребима, без нее невозможно представить политику. Поэтому можно согласиться с английским исследователем А.Макинтайром, который не без оснований называл идею конца идеологий ничем иным как «идеологией конца идеологий».

Уже в конце 70-х – первой половине 80-х годов прошлого века по мере развертывания так называемой неоконсервативной волны стало очевидным, что даже консерваторы, которые почти всегда традиционно высказывались против значимой роли идеологии в жизни общества и считали консерватизм как раз наименее идеологичным, активно выступили за реидеологизацию политики. Самое парадоксальное здесь состояло именно в том, что консервативный лагерь до того традиционно выступал против идеологий и всяких политических теорий, утверждал, что человек не может изменить органическое по своей природе общество (общество движется по своим собственным законам и человеку не суждено вмешиваться в этот естественный ход развития). В лице Н.Глейзера, Н.Подгореца и др. неоконсерваторы продвигали тезис о том, что неидеологическая политика – это аморальная политика. И все политические силы, пришедшие к власти в 1980-х годах, руководствовались этой доктриной. И рейганизм, и тэтчеризм были основаны на вновь сформулированной идеологии неоконсерватизма.

Однако окончание холодной войны и крушение двухполюсного миропорядка снова поставили вопрос о месте идеологий в жизни общества. Казалось, положение вещей радикально изменилось. Развалилась политико-идеологическая конструкция двухполюсного миропорядка. Это дало повод некоторым мыслителям провозгласить «конец истории», «конец идеологии» и наступление новой эры прагматического либерализма. На этом фоне рубеж XX-XXI вв. ознаменовался дискуссиями и спорами о статусе, роли и перспективах идеологии в современном мире. Тон и направление этим спорам и дискуссиям задали те представители интеллектуальной и политической элиты, которые заявили об окончательной победе западной демократии и, соответственно, превращении идеологии в реликт прошлого.

Так, Ф.Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории?», опубликованной в 1989 году, утверждал, что распад СССР и прекращение идеологической конфронтации между Востоком и Западом ознаменовали «завершение идеологической эволюции человечества» и возникновение некоего нового «деидеологизированного» мира. Иначе говоря, с прекращением противоборства двух систем пришел конец идеологиям. По его мнению, западный либерализм, западная либеральная демократия одержали полную и окончательную победу и в перспективе развитие современного мира лежит на путях трансформации в либеральную демократию, в общество, основанное на ценностях, принципах и установках либерализма⁵.

Чуть позже С.Хантингтоном было разработано альтернативное прочтение сложившейся ситуации и трендов развития на перспективу. Суть его главного тезиса состояла в формуле «The West against the rest» – «Запад против остального мира». «Основным источником конфликтов, – утверждал он, – будет не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими различным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов»⁶. Таким образом, по мнению Хантингтона, центральной осью мировой политики станет конфликт между передовым Западом, обладающим значительной военной и экономической мощью и стремящимся принести в другие регионы свои основопола-

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С. 134-135, 145.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>.

гающие ценности, и остальным миром, защищающим ценности собственной культуры. На основе подобных рассуждений он сделал вывод о том, что завершился век столкновения идеологий и наступил век столкновения цивилизаций. Однако, как представляется, в этих аргументах и рассуждениях изменились не столько суть рассматриваемой проблемы, а лишь формальная сторона, поскольку, столкновение будь то государств, империй, цивилизаций осуществляется на основе соответствующих парадигм, социокультурных, политико-культурных кодов, в политических реалиях XX-XXI вв. воплощающихся в идеологических системах.

В результате синтеза идей Ф.Фукуямы и С.Хантингтона с идеями либертариизма на политической арене появляются так называемые неокконы – наследники неоконсерватизма начала 1980-х годов. Должен отметить, что неоконсерваторы – это выдающиеся мыслители своего времени, которые придали понятию «консерватизм» блеск, легитимность в интеллектуальных кругах и политической сфере. Достаточно вспомнить такие фигуры, как Дэниэл Белл, Сеймур Липсет, Джин Киркпатрик, Ирвинг Кристол и др. Что касается неокконов, то это люди, которые довели концепции неоконсерваторов до логического конца. А любая самая совершенная идея, доведенная до логического конца, превращается в свою противоположность – в абсурд. Путем слияния идей Фукуямы, Хантингтона и неоконсерваторов были созданы теории «смены режимов» и «экспорта демократической революции». Достаточно вспомнить Джона Болтона, представителя США в ООН, который прямо говорил о том, что Соединенные Штаты имеют право вмешиваться во внутренние дела любого государства, если его политика не соответствует национальным интересам США. Маргиналы часто бывают очень напористыми. Именно так – действуя последовательно и сплоченной группой, пробили себе дорогу к американскому политическому Олимпу неокконы. Но идея попала на хорошо подготовленную почву и прижилась. В результате вскоре уже ведущими представителями политической элиты Запада (не только президентом США Дж.Бушем-мл., но и, в частности, европейским интеллектуалом Т.Блэром в бытность его премьер-министром Британии) в рамках «экспорта демократической революции» предполагалось навязывание остальному миру не только теоретических, идеологических конструкций, но и ценностей. Прямо говорилось о том, что задача «демократической революции» состоит именно в изменении менталитета и ценностей тех стран, которые рассматриваются в качестве объекта такого «экспорта». Мы все знаем, чем этот «экспорт» закончился – «арабской весной», «цветными революциями». «Экспорт революции» обернулся экспортом хаоса, перманентными конфликтами, войнами и т.д.

При оценке характера, направленности и эффективности подобных идей необходимо принять во внимание следующее. При всей примитивности аргументов сторонников концепции «конца истории» с ними можно согласиться в том, что мы действительно являемся свидетелями конца истории, но истории евро-центристского (или евро-американо-центристского) мира, созданного европейцами и американцами в их собственных интересах и интерпретируемого ими по своему усмотрению.

Основные тенденции развития показывают, что всякие рассуждения о смерти идеологии и потере ею роли как важнейшего фактора, оказывающего существенное влияние на характер и направления общественно-исторического развития современного мира, не имеют под собой достаточных оснований. Каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные «-измы», например, собственные либерализм, консерватизм, радикализм и т.д., хотя часто и присовокупляют к ним префикс «нео». В действительности же в большинстве случаев мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реалиями, хотя к ним и применяются названия, заимствованные из прошлого.

Какие же идеологические движения сохраняют на сегодняшний день свою актуальность? Примерно с последней четверти XX века эрозия многих левых, социалисти-

ческих и коммунистических идей и идеологических конструкций стала свершившимся фактом. Дискредитация левого проекта, несомненно, лишает перспективы миф о социалистической трансформации (как вариант – революции) и обществе, основанном на принципах справедливости, свободы, всеобщего социального равенства и материального благополучия. Однако, как убедительно продемонстрировал опыт последних десятилетий, крах какого-либо одного (например, коммунистического) идеала не обязательно означает победу другого, казалось бы, более совершенного (например, либерального) идеала. В этой связи уместно отметить, что неудача левого проекта в его традиционной версии отнюдь не служит свидетельством совершенства и безальтернативности западного либерального пути общественно-исторического развития.

Приходится констатировать тот очевидный факт, что ведущие течения западной общественно-политической мысли, в том числе либерализм, за редкими исключениями продемонстрировали свою неспособность адекватно реагировать на новые вызовы времени, разработать и предложить соответствующие новым реалиям масштабные позитивные идеи, проекты и альтернативы социокультурного и политико-культурного развития современного мира.

В то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики, а некоторые народы – также те или иные институты политической демократии, на самом Западе усиливается интенсивность критики наследия Просвещения и его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма и различных форм авторитаризма. Проблема состоит также в том, что в целом Запад еще не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительный альтернативный миф или идеологическую систему, соответствующую реалиям современного мира. Мир очутился в положении, в котором большинство сообществ, движений, организаций *знают, чего не хотят, но не знают, чего хотят*.

Нынешняя ситуация мирового развития характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Мировые процессы приобретают настолько быстрые темпы, что сама реальность становится как бы эфемерной, неуловимой, теряется ясность очертаний социальных и политических феноменов, их границы становятся все более зыбкими. Возрастает роль событийных начал, индетерминизма. В результате усиливается ощущение неопределенности, непредсказуемости и едва ли не случайности мировых процессов.

При распаде мифологии прогресса и эрозии влияния традиционных религиозных и идеологических систем место коллективных идеалов и мобилизующих мифов, образно говоря, недолго остается вакантным. Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентации, с другой – универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских идей и установок. В этом контексте не случайным представляется всплеск так называемых «возрожденческих» движений и фундаментализма в исламском и индуистском мире, национализма и партикуляризма, разного рода фобий почти во всех регионах земного шара. Кроме того, в информационную эпоху культурные стереотипы, образы действительности, определенные установки, ожидания и т.д., которые создаются средствами массовой информации, становятся неким аналогом светской религии. Причем, эти светские религии лишены отличительных признаков левизны и правизны в традиционном смысле этих понятий. Главное для них эффективность, рейтинг. Создается впечатление, что «технократический императив» приобрел едва ли не прочность аксиомы. А вера в экономический рост, как верно подметил Д.Белл, стала «своего рода новой общемировой метафизической религией».

Классические идеологии претерпевают в этих условиях серьезнейшие трансформации. В чем суть этой трансформации? Я приведу в качестве примера два наиболее мощных идеологических течения, либерализм и консерватизм. Начнем с осевой идеологии Нового времени – либерализма. Что случилось с либеральными партиями? В Европе либеральные партии практически исчезли с политической арены – либо стали маргинальными, либо играют третьестепенную роль⁷. Парадокс состоит в том, что либерализм как идейно-политическое течение и социально-философское учение сохранился и не только не теряет значимость, но и наращивает ее – в силу того, что сейчас подверглись эрозии те линии, которые раньше разделяли идейно-политические течения. Сейчас трудно назвать хоть одно идеологическое направление, которое не позаимствовало у либерализма ту или иную идею. В идеологическом плане либерализм оказался в положении дойной коровы, его идеи «расхватили» все остальные идейно-политические течения.

В современном либерализме существует несколько течений. Современный Запад невозможно представить себе без идей социального либерализма (Джолитти, Ллойд Джорджа, Ф.Рузвельта), без концепции «государства благосостояния». Однако есть и радикальные, даже сверхрадикальные течения – различные варианты либертаризма. Когда у нас подвергают критике «современных либералов», часто не понимают, что те не имеют никакого отношения, например, к социальному либерализму. Либертаризм же – это вообще самостоятельное идеологическое направление, принципиально отличное как от классического, так и социального либерализма. Если коротко – это абсолютизация либеральных принципов, доведение их до логического конца и даже до абсурда, что находит выражение в философии «глюксманизма»⁸ (широко распространенном в Европе интеллектуальном течении).

Что касается консерватизма, здесь противоположная ситуация. Консервативные партии сохранились, более того, они зачастую господствуют на политической сцене различных стран. Однако исчезает консервативная идеология, происходит ее мутация и адаптация к серьезным изменениям социума эпохи глобализации и постмодерна. Возникает «неконсервативный» консерватизм, практически лишенный традиционной основы и черпающий идеи и вдохновение в классических и даже пост-модернистских либеральных политических концепциях (если иметь ввиду готовность консерваторов принять и поддержать, например, кампанию в защиту сексуальных меньшинств и т.д.). Одним словом, сейчас происходит трансформация, на основе либеральных идей, консервативного идейного комплекса. Происходит подрыв ключевых, связанных с духовной инфраструктурой институтов иудеохристианской цивилизации, в том числе и в профессиональной сфере. Это касается и католицизма, и протестантских деноминаций и др. Одним словом, консерваторы становятся радикалами с точки зрения приверженности изменению существующего положения вещей, отказа от статус-кво – краеугольного камня консерватизма. Они уже практически утратили осознание важности традиции, преемственности поколений и принцип охранительности. Как мы помним, Б.Н.Чичерин называл себя охранительным либералом. Первоначальный либерализм был именно патриотическим и охранительным, государственным либерализмом. А сейчас даже консерватизм отказался от своей основополагающей ценности – охранительности, поддержания стабильности социальных и политических институтов. Ф.-И.Штраус еще в

⁷ Особняком стоит Демократическая партия США, которая считается либеральной. На самом деле это одновременно либеральная и традиционно консервативная, а в последнее время даже немного социал-демократическая партия, потому что в ней присутствуют все эти сегменты политического спектра.

⁸ Тренд поверхностного осмысления феноменов современного мира, название которого является производным от фамилии известного французского философа А.Глюксмана.

1972 году говорил, что консерватизм движется на острие прогресса. В результате получается, что консерватизм покидает политическое поле, которое он занимал до настоящего времени, и на это поле выходят новые силы – в лице новых правых или крайне правых, вроде Национального Фронта во Франции, «Альтернативы для Германии», новых течений в скандинавских странах («Истинные финны» и т.п.). Сейчас много говорят, что, например, Марин Ле Пен – это фобии, антисемитизм, враждебность к иммигрантам. На самом деле борьба между дочерью Ле Пен и отцом Ле Пен происходит именно вокруг этого богатого праворадикального наследия. Национальный Фронт отказывается от антисемитизма, осуждает только незаконную иммиграцию. В этой партии появились группы представителей иммигрантов. Есть еврейская группа, никакого антисемитизма в партии Марин Ле Пен больше нет. По сути дела, это новая партия, которая фактически приходит на смену прежним консерваторам. Сегодня мозаичный набор идей, сочетающих противостояние неконтролируемым иммиграционным потокам, поддержку традиционной семьи, национальной культуры, жесткий протекционизм, последовательный евроскептицизм и т.д., рассматривается как противоестественный, противоречащий политико-идеологическому мейнстриму современного Запада. Однако новые идеи всегда возникали как девиация, как отход от устоявшихся шаблонов, но со временем они получали широкое общественное признание. Парадоксально, но именно партия М. Ле Пен выступает за сохранение статус-кво, за сохранение ценностей и институтов иудеохристианской цивилизации. И как показывают социологические исследования, такие (новые правые, крайне правые) партии будут востребованы избирателем в обозримом будущем.

При ведении дискуссии о современных политических идеях и об идеологиях, нельзя не отметить еще один принципиальный момент. С постепенным распадом евро-и шире западоцентристского мира (это целая эпоха, начиная примерно с периода Великих географических открытий) конкуренция идей и идеологий способна приобрести новое измерение. Американская идея, европейская идея, азиатская идея и иные идеи; американская, континентально-европейская, скандинавская, японская, китайская модели экономики – вот некоторые из существующих ныне, взаимодействующих, взаимно дополняющих друг друга и одновременно соперничающих между собой векторов развития современного мира. Они будут оказывать возрастающее влияние как на перспективы развития человечества в целом, так и на судьбы отдельно взятого человека, его место и роль в общественно-исторических процессах.

В заключение хотел бы сделать небольшое отступление и поделиться не итогами анализа, а моим личным восприятием современной ситуации. Я всегда отрицательно относился к правым, но в последнее время у меня возникают сомнения в своей правоте по этому вопросу. Представляется, что возрождение, «новую реформацию» начнут (во всяком случае, в состоянии начать) именно эти новые политические силы, которые выходят на политическую арену под лозунгами так называемой новой правой альтернативы. Проблема современного Запада заключается в том, что произошла «глюксманизация» либерализма, демократии и вообще всего того, на чем в идейно-политическом смысле зиждилась рационалистическая иудеохристианская цивилизация. Разрушение приходит изнутри. Политическая элита стран Запада пытается выстроить консолидирующий общество миф об угрожающей России. Даже если бы дело так и обстояло – проблема не в этом. Римская империя пала не потому, что туда из европейских лесов и азиатских степей пришли готы или гунны. Она пала потому, что изнутри были подорваны основополагающие, базовые институты античного общества, подверглись эрозии его социальная и духовная инфраструктура. И то же самое происходит сейчас на Западе.

КАМЕНСКАЯ Г.В.
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ – РАЗРЫВ С КЛАССИКОЙ*

Первым шагом к непростому, но абсолютно необходимому поиску ответа на вопрос о том, что происходит с современным Западом, является обращение к судьбе либерализма – осевой идеологии Модерна, в отношении которой самоопределялись и консерваторы, и социал-демократы.

В начале XXI вв. сошлись многие факторы, сделавшие это время как нельзя более подходящим для обобщённого ретроспективного взгляда на историю либерализма, понимания его исторического смысла и внутренней логики развития, без чего невозможно выявление специфики современного состояния либеральной идеологии. А его роль несоизмерима с показателями влияния собственно либеральных партий в партийно-политических системах отдельных стран и в прошлом, и сейчас. Каковы бы ни были предпочтения избирателей, ни в современной Европе, ни тем более в США, ни одна партия, рассчитывающая на прочную и долговременную перспективу участия в «большой политике», не рискует сколько-нибудь далеко выходить за пределы концептуального и ценностного поля либеральной идеологии. Предложить своим избирателям программу, несовместимую со «здравым смыслом» идей либерализма, – защиты прав и свобод индивида, выборности власти, правового государства, верховенства закона, разделения властей, – автоматически означает для партии её маргинализацию. Даже политики, чьи взгляды и программные установки оппоненты называют националистическим или праворадикальным, как, скажем, лидер французского Национального фронта Марин Ле Пен, в своей риторике подчёркивают приверженность идеям свободы и равноправия индивидов как традиционным, неотъемлемым нормам западного общества.

Пожалуй, самое заметное имя, которое с начала 90-х гг. XX в. оказалось прочно связано с идеей полной и окончательной победы либерализма, – это имя американского политолога Фрэнсиса Фукуямы. Уверенность Ф.Фукуямы в наступившем торжестве идей либеральной идеологии и практики либеральной демократии основывалась на его концепции «конца истории», которая сразу получила широкое признание в первую очередь потому, что была чрезвычайно созвучна умонастроениям своего времени. Хотя, надо заметить, вскоре Ф.Фукуяма начал высказываться о состоянии и перспективах распространения либеральной демократии гораздо более сдержанно, а на смену терминологии «конца истории» в его публикациях пришло понятие «развитие» – экономическое и политическое. По его словам, «одно дело – сказать, что есть широкая многовековая тенденция к распространению либеральной демократии (что я сам в прошлом горячо доказывал), и совсем другое – утверждать, что демократия и процветание могут возникнуть в определенный момент в конкретном обществе. Здесь есть несколько имеющих критическое значение переменных, так называемых *институтов*, которые должны установиться, прежде чем общество сможет перейти от неопределенной жажды свободы к нормально функционирующей, прочной демократической политической системе с современной экономикой. И если исследование вопроса о переходе к демократии и политическом развитии че-

* Каменская Галина Валентиновна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

му-то учит нас, то именно тому, что становление институтов происходит очень трудно».¹

Едва ли не более радикальную, чем в своё время Ф.Фукуяма, оценку места либерализма в семействе идеологий Модерна дал другой американский исследователь, И.Валлерстайн. В отличие от Ф.Фукуямы, тесно связанного в 1990-е гг. с неоконсерваторами, И.Валлерстайн, один из наиболее известных представителей современной социально-политической мысли левого направления, подвёл итог своему анализу истории либерализма следующим образом: «...С 1789 г. существовала лишь одна истинная идеология – либерализм, которая нашла свои проявления в трёх основных обличьях» (речь идёт о консерватизме, социал-демократии и собственно либерализме или, как пишет сам И.Валлерстайн, о либерализме с буквы Л).² Безусловно, высказывая такую мысль, И.Валлерстайн нисколько не отрицает глубокие разногласия между представителями трёх основных идеологических течений современности. Нет в его рассуждениях и недооценки остроты идейных и партийных столкновений по ключевым социально-политическим и социально-экономическим вопросам, определявшим на всём протяжении XIX и XX вв. повестку дня в различных странах. Но за всей этой напряжённой идеологической полемикой и громкими дебатами в парламентах, нередко получавшими продолжение в череде правительственных кризисов, столкновениях на улицах и смене режимов, И.Валлерстайн в длительной исторической перспективе видит главное, то, что объединяло все ведущие идеологии периода Модерна и определяло рамки самого модерна.

Как полагает И.Валлерстайн, общим было признание или «нормализация» изменений, или, если переходить к более точной терминологии социально-политической и исторической науки, революций. По его словам, «революция знаменовала собой апофеоз ньютоновской науки XVII в. и концепций прогресса XVIII в.; короче говоря, всего того, что мы стали называть современностью».³ Различие же основных идеологий, в конечном счёте, состояло в том, что они выражали «...три типа отношения к современности и «нормализации» изменений: насколько возможного ограничения опасности; достижения счастья человечества наиболее разумным образом; или ускорения развития прогресса за счёт жестокой борьбы с теми силами, которые ему всячески противостояли».⁴ Именно это, при всей дальнейшей и, безусловно, необходимой детализации реальной картины развития идеологических процессов в историческом контексте и применительно к отдельным странам, выражало, по мнению И.Валлерстайна, суть размежевания между консерваторами, собственно либералами и социалистами.

Итак, Ф.Фукуяма и И.Валлерстайн оказались солидарны в признании уникальной роли либерализма. Но если Ф.Фукуяма полагает, что либерализм, в основе которого лежит «неопределённая жажда свободы», – это идеология, не имеющая альтернативы, то И.Валлерстайн в своих работах делает вывод о завершении эпохи либерализма. По его мнению, поражение СССР в холодной войне означало конец периода 1789-1989 гг, «иначе говоря, времени победы и поражения, взлёта и постепенного упадка либерализма как глобальной идеологии».⁵

Какой же из предложенных ответов даёт более адекватное представление о судьбе либерализма в начале XXI в.? Чтобы это понять, следует, прежде всего, обо-

¹ Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007. С.57.

² Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С.90.

³ Там же. С.76.

⁴ Там же. С.79.

⁵ Там же. С.5.

значить ту исходную точку, откуда началось движение к современному состоянию либеральной идеологии и в одном, но предельно важном аспекте, согласиться с И.Валлерстайном. Впрочем, не только с ним – трудно найти крупного исследователя, занимающегося историей социально-политической мысли XIX-XX вв. и не признающего, что нерв идейно-политического противостояния в этот период составляла проблематика изменений, революции, прогресса, в конечном счете, проблематика развития. Именно в соотношении с этой осью позиционировали свои программы, свои идейные принципы все основные идеологии Модерна. Предельно кратко, но согласно с реальной идеологической историей двух столетий, классическое кредо представителей консерваторов, либералов и социал-демократов может быть выражено следующим образом: «развитие и традиция», «развитие и свобода», «развитие и равенство». Все исторические и страновые варианты трёх ведущих идеологий Модерна, по большому счёту, различались «удельным весом» этих ценностей, их соотношением, а также представлениями о способах, средствах и темпах их воплощения в политической и экономической практике. Однако ни консерваторы, ни либералы, ни социалисты не отрицали полностью ни одну из данных ценностей. И «общей платформой» для них неизменно оказывался либерализм: консерваторы могли очень резко выступать против равенства и доказывать «естественный» характер социальных привилегий, а социалисты – заявлять о своей готовности пойти на жёсткие меры по слому традиций, если они закрепляют в обществе политическое или экономическое неравенство. При этом реальная историческая практика нередко складывалась так, что политики консервативной ориентации инициировали создание систем социальной защиты, тем или иным образом направленные на преодоление крайностей имущественного расслоения и их последствий, а радикально настроенные социалисты возрождали в обществе традиционные формы социальной организации в ещё более жёстких формах, чем при «старом режиме». Однако ни консерваторы, ни социалисты в своих программных документах никогда не отрицали идею свободы, вкладывая, разумеется, своё содержание в это понятие.

Свобода – высшая и абсолютная ценность в системе координат либеральной идеологии на всём протяжении её истории. Разделительная линия между классическим либерализмом и современным определяется не пониманием границ свободы, их всё более расширительным толкованием, хотя, несомненно, и этим тоже, но прежде всего – характером связи ценности свободы с ценностью развития: классический либерализм не отделял свободу от развития, современный либерализм разрывает эту связь. Понимание нераздельного характера соединения свободы и развития в классическом либерализме задаётся силовым полем христианства, в котором формировалась новая идеология – неотменяемым фактом истории идейно-политической мысли XIX в. остаётся её укоренённость в той идейной, духовной, смысловой и социальной органике, которая была сформирована в Европе столетиями христианской культуры. За светской, скрытой метафизикой классического либерализма, за выстроенной им системой ценностных координат прочитывается содержание, отсылающее к религиозным истокам и к борьбе за свободу вероисповедания прежде всего. Сказанное в полной мере относится к видению классическим либерализмом ценностей свободы и развития, их сопряжения. Развитие, как и любое движение, невозможно без цели, задающей его направленность, и без системы координат. В классическом либерализме конечные, предельно общие цели развития, вектор движения к ним выводят в сакральное пространство, о чём говорилось с исчерпывающей ясностью. Достаточно обратиться, например, к работам одного из отцов-основателей США, Т.Джефферсона, чтобы увидеть – для него, как и для других теоретиков классического либерализма, вне сакральной вертикали, вне восхождения к цели возвышения человека, преодоления всех ограничений его природы борьба за

свободу, за установление республики, создание, сохранение и развитие демократических институтов, сама история лишены цели и смысла.

Либерализм и движение к постмодерну

Перелом произошёл на рубеже XIX-XX вв., когда классический либерализм, вместе с основными идеологиями Модерна, оказался перед лицом «смерти Бога» – в ситуации разрушения констант мира Модерна, которые составляли общую реальность для всех современников, даже считавших себя атеистами. Существует огромная традиция исследований, посвящённых изучению причин кризиса конца XIX – начала XX вв., его проявлениям в сфере политики, нравственности, искусства, социальной мысли. Общее, что отмечают специалисты различных направлений, – кризис принёс во все сферы ощущение утраты целостности и органического единства мира, непрочности всех сложившихся форм жизнеустройства, неустойчивости любых существующих институтов.

В контексте же темы эволюции идеологий важно то, что со «смертью Бога» сакральная вертикаль рухнула, область идеального, область высших смыслов была отсечена. В классический период либерализм обладал полнотой бытия, имея ценности и цели двух порядков. Во-первых, обращенные к индивиду как к субъекту рациональной деятельности, преследующему вполне земные интересы, связанные с политическими, а затем – во всё большей мере – социально-экономическими правами и свободами. Во-вторых, обращенные к индивиду, как к существу, которое знает о конечности своего бренного существования (неизбежности физической смерти) и поэтому стремится к обретению смысла, служащего утешением и оправданием всех земных усилий. Постепенный переход либерализма полностью в «посюстороннюю» плоскость с неизбежностью направлял поиск утешения в сферу материального благополучия – во всех его составляющих. До программ и реальных мер по созданию «общества благосостояния» оставалось ещё несколько десятилетий, однако внутренняя логика уже направляла либералов к такому решению.

На этом пути не было predeterminedено, согласно каким критериям внутри общества пройдут границы, которые разделят социальные группы по уровню участия в потреблении. Ведь и в отношении политических прав и свобод практики модерна на ранних этапах носили ограничительный характер – расширение избирательного права осуществлялось медленно и постепенно, оно сдерживалось постоянными опасениями властных групп относительно последствий предоставления права голоса малоимущим слоям населения. Можно также обсуждать, что послужило становлению «общества благосостояния» – сочетание череды глобальных потрясений, пережитых миром в XX веке и во многом подорвавших экономические позиции элит, или всё же основной импульс смягчению имущественного неравенства дал реальный социализм. Даже многие западные аналитики признают, что «Советский Союз...сформировал единственную в истории системную альтернативу капитализму и, что весьма важно, создал бедную, но социально вполне привлекательную советскую модель государства всеобщего благоденствия. Многие рядовые европейцы и американцы не подозревали, до какой степени им тогда везло, поскольку одно только существование «советской угрозы» заставляло западные элиты увеличивать социальные пособия и прочие льготы, добавлять новые и гарантировать старые гражданские свободы – короче, делать все возможное, чтобы устранить потенциальную притягательность социалистической, коммунистической модели».⁶

⁶ Дуткевич П. Демократия после...Как поражение альтернативы изменило победителя. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Demokratiya-posle-15402>

Не вовлекаясь в эту дискуссию, можно сказать, что если в классический период либерализм реализовал универсалистский потенциал модерна в постепенном, часто вынужденном движении к всё большему политическому и правовому равенству, то в постклассическом мире определяющим фактором становились ценностные приоритеты системного противника в сочетании с переходом самого либерализма к «посюсторонним» смыслам, что в целом также задавало вектор роста социально-экономического равенства. Расцвет общества благосостояния в его западном варианте пришёлся на послевоенные годы. На протяжении трёх десятилетий после Второй мировой войны в западных странах основные экономические показатели свидетельствовали об одновременном росте медианного дохода, росте реального дохода домохозяйств и относительной равномерности распределения доходов по социальным стратам. Иными словами, от экономического роста в равной мере выигрывали все социальные группы, а государство проводило активную политику перераспределения доходов, направленную на их выравнивание. Причём, как показывает экономическая статистика, разворот в процессах снижения степени социально-экономического неравенства оказался очень резким и быстрым. Известный американский экономист Пол Кругман, которого признают сейчас одним из двух ведущих теоретиков Демократической партии США, наряду с Джозефом Стиглицем, констатирует, что ни о какой обусловленности процесса имущественного выравнивания, или, как принято говорить у американских историков, «великого сжатия», факторами экономического порядка не может быть и речи. Ключевую роль в формировании среднего класса в США, как и в европейских странах, играла политическая воля и базовый консенсус основных политических сил.⁷ При этом, несомненно, рамки консенсуса, конфигурация партийно-политической жизни и степень сопротивления имущих слоёв тем или иным мерам по перераспределению доходов были в каждой стране различны.

Разворот в процессах роста равенства, доминировавших в целом в политической, а затем и социально-экономической жизни современных западных обществ на протяжении почти трёх столетий, произошёл в точке, приходящейся на конец 60-х – начало 70-х гг. XX в., и нашёл своё полное выражение в 1980-е гг. Причём, надо подчеркнуть особо, речь идёт не только о кардинальной смене траектории процесса расширения рядов среднего класса и увеличения его реальных доходов, но и о резком изменении социально-культурной политики государства, всей социально-политической риторики при внешнем сохранении всех существующих политических прав и свобод. По стремительности перемен и глубине разворота время от 1968 г. до кризиса 1973-1975 гг. с ещё большим основанием может быть названо периодом «великого сжатия» (только с обратным знаком), чем переход к политике наращивания потребительского спроса и формирования массового среднего класса. Здесь, в этом десятилетии, соединяются события, которые определили основные тенденции, с наибольшей отчётливостью проявляющиеся в либерализме начала XXI века.

Для начала приведём некоторые цифры, которые позволяют составить представление о социальной направленности процессов, происходивших в западной экономике с 70-х гг. XX в, когда после нескольких лет кризиса и нестабильности в США и европейских странах возобновился экономический рост. Уже упомянутый Пол Кругман показывает в своих исследованиях, что в отношении распределения среди социальных групп выигрыша от улучшения общих экономических показателей новый период роста имел принципиально иной характер, чем все три десятилетия послевоенного процветания. В эти годы у 90% населения произошло резкое замедление темпов роста доходов – фактически реальные располагаемые доходы домохозяйств

⁷ Кругман П. Кредо либерала. М., 2009. С. 13-14.

остановились на уровне начала – середины 70-х гг., – и с тех пор продолжается их стагнация. В то же время наиболее состоятельные 10% начали наращивать свои прибыли темпами, значительно превышающими скорость прироста национального богатства, таким образом, перераспределяя его в свою пользу. Но и эта картина неполна – среди верхних 10% населения в последние десятилетия XX в., в свою очередь, выявилась резкая дифференциация по доступу к возможностям быстрого обогащения. Как и общество в целом, самые обеспеченные группы отчётливо разделились на победителей и аутсайдеров.⁸ Такая же картина наблюдалась и в западноевропейских странах, где она имела смягченные формы (за исключением Великобритании времён Маргарет Тэтчер), но общие контуры процесса также просматривались с полной определённой. В США, где процесс разворота социально-экономической политики приобрёл наиболее радикальный характер, пропорции распределения доходов и степень их концентрации в руках представителей очень узкого верхнего слоя общества вернулись к показателям 1920-х гг., ко временам олигархии.⁹ Число миллиардеров, сократившееся в период «великого сжатия», вновь стало непрерывно расти вне зависимости от экономической конъюнктуры. Одновременно разрыв в средних доходах наёмных рабочих и служащих, с одной стороны, и руководителей высшего звена, с другой, не превышавший долгие годы планку примерно 1:30, увеличился на порядок – 1:170, 1:300 и даже, по некоторым оценкам, 1:500.¹⁰ Что касается механизмов, позволивших остановить, а затем и резко развернуть в противоположном направлении процессы снижения экономического неравенства, то основную роль здесь сыграли, прежде всего, меры по дерегулированию финансовых рынков и отмена ограничений по выплатам топ-менеджменту крупных компаний.

В идеологическом отношении политика замораживания доходов большинства населения и предоставления преференций бизнесу была оформлена в концепции неолиберализма – совокупности требований снижения роли государства в экономике и предоставления максимальной свободы действия силам рынка ради стимулирования экономического роста как цели *per se*, вне его соподчиненности каким-либо иным социальным, политическим или моральным императивам. Фактически, по оценке отечественных исследователей, экономика западных стран, включая США, никогда не являлась, и тем более не является со времён Великой депрессии, либеральной или неолиберальной, если подразумевать под этим невмешательство или минимальное вмешательство государства в экономические процессы. После того, как возможности экстенсивного развития рыночных сил оказались достигнуты, государство стало осуществлять свои функции регулирования на постоянной основе и во всё возрастающих масштабах, что было теоретически осмыслено Джоном Мейнардом Кейнсом. Как заключает А.И. Дейкин, несмотря на то, что, например, в США сменявшиеся в Белом доме администрации демократов и республиканцев принимали в качестве программных ориентиров в экономике последовательно концепции неокейнсианства, неоклассики и неолиберализма, на практике «успехи в экономике и хозяйственной политике вплоть до 2007 г. базировались на прочном следовании грамотно прочитанным принципам Д.Кейнса».¹¹ Продолжая схожую мысль, другой отечественный экономист, В.С. Васильев, проанализировавший идеологические постулаты неолиберализма и факты экономической истории США времён Р.Рейгана, заключает, что «самое поразительное в проводившейся республиканской админи-

⁸ Там же. С. 136-137.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. URL: www.vusnet.ru/biblio

¹¹ Дейкин А.И. Кейнсианское лицо либеральной экономики США // США-Канада. Экономика. Политика. Культура. №11, 2011, С. 62.

страцией Рейгана неокейнсианской фискальной политике было то, что она подавалась как реализация идей разгосударствления и свободного рыночного хозяйства»!¹²

Иными словами, неолиберальная идеология, если отвлечься от сюжетов в мировой экономике, и в первую очередь в финансовой системе, не являлась, по крайней мере, в США, основой принятия решений в сфере экономической политики - она призвана была главным образом легитимировать резкий разворот, произошедший за очень короткий временной интервал в политике перераспределения доходов и стимулирования роста среднего класса, его численности и уровня потребления. Этот разворот не мог стать следствием действия экономических факторов – так же, как и предыдущий переход к политике быстрого выравнивания доходов, он, несомненно, явился порождением политической воли правящих групп. Устойчивость процессов роста социально-экономического неравенства, их сохранение на протяжении более трех десятилетий, убеждают, что, как и в золотые для западного среднего класса послевоенные годы, партии, чередующиеся у власти, проводят в этой сфере согласованный курс, заданный рамками базового консенсуса. О завершении его формирования наиболее ярко свидетельствовал опубликованный в 1975 г. доклад М Крозье, С. Хантингтона и Дж. Ватануки «Кризис демократии». Чётко и жёстко в тексте, являющемся своего рода аналитической запиской, подготовленной по заказу Трёхсторонней комиссии, было сказано, что «успех существующих структур власти в деле включения значительной части населения в ряды среднего класса, как это ни парадоксально, усилил именно те группы, которые готовы бросить вызов этим структурам».¹³

Собственно, такой вызов и был брошен в 1968 году, в ходе событий, которые И.Валлерстайн, как и многие исследователи, называет мировой революцией. И.Валлерстайн полагает, что тогда «...впервые в истории его развития в качестве господствующей идеологии с 1848 г., либерализм, составляющий суть самого понятия «современность», вновь был поставлен в своей основе под вопрос».¹⁴ Однако с таким выводом трудно согласиться. Политологи, изучавшие причины явлений, именуемых «дисфункцией демократии», были более точны в своих оценках: под вопрос оказались поставлены именно существующие структуры власти и, добавим, отношения собственности. Как уже говорилось, своей основы, лежавшей в сфере высших смыслов, либерализм лишился задолго до волны молодёжных протестов 1960-х гг.

В логике социального либерализма ответ на «вызов 1968 года» предполагал дальнейшее следование по пути выравнивания доходов и удовлетворения растущих материальных требований со стороны среднего класса, а также совершенствование демократических практик, что уже в обозримой перспективе вело к выходу за пределы существующих отношений власти и собственности. Об этом свидетельствовали, скажем, инициативы, подобные плану Ренна-Мейднера в Швеции, о чём, в частности, пишет Д.Харви в своей «Краткой истории неолиберализма». Речь шла о выкупе доли владельцев в предприятиях и постепенном переходе к системе своего рода «народного капитализма» в скандинавском варианте. В США столь радикальные инициативы не были популярны, но и здесь за три десятилетия «великого сжатия»

¹² Васильев В.С. Конец эры академических экономистов // США-Канада. Экономика. Политика. Культура. №7, 2009, С.7.

¹³ Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission. N.Y., 1975. P. 162.

¹⁴ Валлерстайн И. Указ. соч., С. 91.

концентрация национального дохода в руках верхнего 1% населения сократилась вдвое: с 16% до 8%.¹⁵

Однако такой ответ для властвующих групп был неприемлем. В ключевом тезисе известного доклада М Крозье, С. Хантингтон и Дж. Ватануки «Кризис демократии», опубликованного в 1975 г., со всей определённости сказано: «Чего не хватает демократическим обществам сегодня, так это не консенсуса в отношении правил игры, а собственно цели, которую преследует эта игра и которую должен достичь игрок, играющий в неё». ¹⁶ Какую же рекомендацию на основе этого бесспорного тезиса предлагали авторы, привлечённые к подготовке доклада Трёхсторонней комиссии? Зафиксировав «дисфункции» демократии, они прямо сказали, что целью, стоящей перед структурами власти западных обществ, является не совершенствование демократических институтов, а сохранение существующей системы, и в качестве средства её сохранения предложили снижать уровень вовлечённости индивидов и различных групп в политику, поощрять в обществе политическое равнодушие и безразличие, насаждать социальную апатию.¹⁷

На практике эти рекомендации воплотились в максимальное «остужение» идеального как такового, выхолащивание смыслов, переход к постмодернистскому перерформатированию политики в сочетании с обращением вспять процессов выравнивания доходов и ускоренной реализацией программы «великого расслоения». Именно отсюда начинается политика акцентирования мультикультурализма и прав меньшинств, которая к настоящему времени достигла своего апогея в странах Западной Европы и США, причём её наиболее последовательными сторонниками выступают собственно либеральные партии. В новый курс полностью вписывается и резкий поворот истеблишмента, прежде всего либералов, к политике «гомофилии». Надо сказать, что данная социально-политическая и правовая тематика в 1960-е гг. разрабатывалась неомарксистами, преимущественно представителями Франкфуртской школы, а выступления в защиту прав сексуальных меньшинств инициировались активистами левых движений, выступавшими под лозунгами эмансипации, разрушения «господства человека над самим собой», «раскрепощения тела» и «новой чувственности». Однако с середины 1970-х гг. ситуация принципиально изменилась. Уже в 1976 г. тема положения в обществе сексуальных меньшинств, недопустимости их дискриминации в различных сферах жизни была поднята в США на самый высокий политический уровень – она впервые прозвучала в ходе избирательной кампании по выборам президента. В том же году американский Госдепартамент официально отменил ограничения, связанные с запрещением принимать на службу в эту структуру лиц нетрадиционной ориентации – геи и лесбиянки получили право занимать все должности, включая работу в зарубежных представительствах. С этого момента линия на легализацию однополых браков, на моральную и правовую «реабилитацию» сексуальных меньшинств последовательно проводилась американским истеблишментом, находя особенно открытые проявления в политике Демократической партии. Не являлась исключением и администрация Б.Обамы. Так, 6 декабря 2011 г. президент-демократ выступил с важной инициативой в сфере американской внешней политики. Барак Обама объявил, что отныне борьба за права представителей ЛГБТ-сообщества во всём мире является приоритетом внешней политики США, что было подтверждено в соответствующей президентской директиве. Согласно ей в обязанности американских правительственных ведомств, прежде всего Госдепартамента США, вменяется реагирование на все случаи нарушения прав лиц нетрадици-

¹⁵ Харви Д. Указ. соч.

¹⁶ Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. Op. cit. P.159.

¹⁷ Ibid. P.114.

онной ориентации в зарубежных странах, включая, в случае необходимости, предоставление политического убежища жертвам преследований. Ситуация с правами представителей сексуальных меньшинства отныне официально стала одной из важнейших составляющих мониторинга за состоянием демократических свобод и соблюдением прав человека во всём мире, которое ведут ведомства США, публикуя по результатам своей работы ежегодные отчёты. В 1995 г. ООН включила права сексуальных меньшинств в категорию основных прав человека.

Как констатирует С. Хантингтон, «культы мультикультурализма и многообразия заняли место культов левизны, социалистической и пролетарской идеологии».¹⁸ В результате импульсы эмансипации, оформленные в идеях неомарксистов, были перестроены в либерально-постмодернистском ключе гей-парадов, а также масштабной и медийно-зрелищной кампании за «эмансипацию», новое прочтение свободы и, в конечном счете, за признание однополых браков и равенство их прав с гетеросексуальными парами, включая право на заключение церковного брака, усыновление детей и наследование имущества.

К настоящему времени успех этой кампании несомненен. По сути, тот этап развёртывания движения за права ЛГБТ, который мы наблюдаем в настоящее время, – это очередная стадия последовательного выявления логики либерально-постмодернистской идеологии, кардинально отличной от классического либерализма. И главное отличие состоит в том, что понятие свободы в классическом либерализме было проблематизировано – сакральная вертикаль и моральные права, обеспеченные ею, не гарантировали свободу, но позволяли каждому индивиду совершать восхождение к ней. Современный постмодернистский либерализм отказался не только от понятия греха, но и нормы – за всеми типами поведения признаётся равное право на существование, если они являются результатом свободного выбора индивида и не нарушают прав других членов общества.

Ещё более явно постмодернистская обусловленность современной либеральной идеологии раскрывается в политике мультикультурализма, которая до сих пор остаётся в числе программных установок идеологии современного либерализма. О признании лидерами ведущих западноевропейских стран провала политики мультикультурализма уже многое сказано. В контексте данного исследования важно подчеркнуть мысль о том, что смысл признания сторонниками мультикультурализма равноценности всех культур, фактического поощрения иммиграции и создания районов обособленного, компактного проживания инокультурного населения, где не действуют нормы права или, точнее, действуют нормы иного права, введение в школах программ, трактующих историю с точки зрения различных меньшинств объективно было направлено на отрицание единства истории, её устремленности к определённой цели, на отрицание идеи прогресса. Свобода меньшинств, трактуемая с позиций мультикультурализма, оборачивается свободой от смысла истории. И попытками найти новый смысл и объединяющее начало на основе единой «гражданской религии» демократии.

Схожая постмодернистская траектория прослеживается и в экономической политике современного либерализма. После завершения периода «великого сжатия» многие страны Запада столкнулись в 1973-1975 гг. с серьезными экономическими трудностями, однако пойти на значительное снижение уровня доходов и потребления среднего класса было невозможно по причинам политического характера – до окончания «холодной войны» и роспуска СССР оставалось ещё более полутора десятилетий. Выходом из этой ситуации стала кредитная накачка экономики, т.е. стимулирование потребления за счёт увеличения государственных расходов, удешев-

¹⁸ Хантингтон С. Кто мы: вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С.226.

ления кредита и обеспечения частным домохозяйствам возможности погашения полученных кредитов за счёт предоставления новых. В основе экономической политики, ориентированной на переход к потреблению в кредит, лежала та же либерально-постмодернистская шкала ценностей, что просматривается в решениях, принимаемых в социально-культурной сфере. Как и проявление спонтанности, следование импульсам свободной чувственности, отказ от самоограничения в межличностных отношениях, наращивание кредита также означало продолжение и поощрение эмансипации гедонистических устремлений среднего класса. Жизненные стратегии лишались временной перспективы – длительное целеполагание приносилось в жертву стремлению к немедленному обладанию, которое культивируется рекламой и образцами поведения, тиражируемыми СМИ.

«Моментом истины» для политики стимулирования спроса, а также для рецептов поддержания экономического роста в условиях растущего социального и экономического неравенства, предлагавшихся в течение нескольких десятилетий неолибералами, должен был стать глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 году. Идеология современных американских либералов в сфере экономической политики, как её определяют в своих работах П. Кругман и Дж. Стиглиц, – это попытка доказать, что в условиях нарастания долгового кризиса во всех ведущих странах Запада возможно возвращение к прежней политике поддержания и увеличения доходов среднего класса, снижения безработицы и сокращения неравенства, к политике, называемой Дж. Стиглицем «новым демократическим идеализмом», который предполагает некий средний путь «...между теми, кто видит государство играющим доминирующую роль в экономике, и теми, кто стоит за его минимальную роль; и в то же время между теми, кто считает капитализм насквозь прогнившей системой, и теми, кому рыночная экономика представляется безупречным и чудесным изобретением человека, обеспечивающим невиданное процветание для всех».¹⁹ Степень реалистичности подобного рода концептуальных построений, однако, вызывает большие сомнения даже у её авторов.

Тем не менее, либеральная классика пока не утрачена окончательно – она очень глубоко и прочно укоренена в западной политической традиции, способной дать энергию сопротивления и затормозить наступление антигуманизма. Собственно, на этом основана вся история нынешних и будущих электоральных успехов партий традиционалистской ориентации, набирающих вес в ведущих странах Запада. Однако это история успеха в обороне, а не в наступлении.

¹⁹ Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М., 2005. С. 334.

ПРОХОРЕНКО И.Л.
РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:
ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ*

Феномен регионализма в Европейском союзе (ЕС) и в Европе в целом довольно широко распространен и не уникален в отношении каких-то конкретных стран. Региональные различия свойственны практически всем (даже относительно небольшим, как Бельгия, например) европейским государствам, и причины этих территориальных различий, на которых строится региональный национализм, изначально имеют природный и исторический характер, что было связано с особенностями становления монархий и империи на европейском континенте. Несколько столетий назад, еще в период позднего средневековья и развитого европейского феодализма природно обусловленные различия между различными регионами внутри той или иной страны были закреплены благодаря системе вассалитета, территориальной и юридической сеньории, традициям городского и местного самоуправления. Со становлением политических институтов абсолютизма, а затем и с развитием капитализма территориальные различия приобрели структурный характер.

Если анализировать динамику идеологии регионального национализма в Европе, то можно утверждать, что в самом общем плане он эволюционирует от автономизма (проектов политической автономии) к фискальному национализму и требованиям финансовой автономии, а иногда и далее – к сепаратизму (сецессии), угрожая единству и целостности национально-территориального государства.

Исследователи – прежде всего политологи – проявляют интерес к феномену регионального национализма в государствах–членах Евросоюза с различных точек зрения: в плане влияния фактора европейской интеграции на региональный национализм и касательно обратного воздействия данной разновидности национализма на сам европейский интеграционный проект, его динамику.

Испания занимает особое место в формировании идеологии регионального национализма. Территориальное разнообразие сыграло особую роль в истории Испании, в самосознании и самоидентификации испанцев, которые издавна чувствовали и продолжают ощущать до сих пор сильную привязанность к местности, где родились, – к своей малой родине. Исторически Испания складывалась как сообщество христианских королевств на Пиренейском полуострове (*Las Españas*), каждое из которых отличалось своеобразием, имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии – одному из наиболее крупных и влиятельных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии и управлении ею.

Однако регионализм, основанный на средневековом фюральном праве и традициях старинных вольностей фуэро¹, не удалось победить ни испанским Габсбургам, ни новой династии испанских Бурбонов. Централизаторская политика во многом сводилась к ограничению, запретам и насилию, а задачи по сбалансированному разви-

* Прохоренко Ирина Львовна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Фуэро, аналогичные португальским форалам и французским кутюмам, являлись документами обычного права, которые регламентировали правовые отношения населения с центральной властью. В конце XII в. Испании (в Леоне) зародились, а с середины XIII в. во всех христианских королевствах Полуострова стали функционировать кортесы – первые сословно-представительные институты в Европе. В их состав входили представители знати, церковной элиты и горожан. Кортесы следили за соблюдением порядка престолонаследия, принимали клятву короля относительно фуэро, решали вопрос о субсидиях, выражали жалобы населения.

тию территории страны оказывались на втором плане. Первостепенным для Короны долгое время был грандиозный по своим замыслам и масштабам имперский проект. Его реализация требовала значительных людских и финансовых ресурсов.

Когда же, потеряв в 1898 г. остатки заокеанских владений, Испания возвращается к осознанию своего собственного национального «Я», то завершить строительство нации мешают возникшие как раз к этому времени с началом промышленной революции в конце XIX в. мощные регионалистские движения в периферийных исторических областях – Стране басков, Каталонии, Галисии, которые в качестве своей политической цели избрали автономию. Именно рост регионалистских чувств и отчетливое осознание интересов своих территорий, предоставление королевским декретом 1913 г. ограниченной автономии Каталонии и успехи регионов в борьбе за автономию в период Апрельской республики стали в том числе причинами установления в Испании XX в. сначала военно-монархической диктатуры Примо де Риверы, а затем – режима генерала Франко.

В результате мы имеем дело, прежде всего, с взаимодействием различных региональных субкультур как результирующей функционирования общей системы отношений «центр-периферия». Борьба центробежных и центростремительных тенденций составляет один из наиболее важных компонентов испанской истории: на протяжении веков диалектика этих двух соперничающих между собой трендов являлась стержнем процесса формирования, становления и развития испанской нации. Поиски баланса двух указанных тенденций, а также недопущение чрезмерного усиления центробежной, что поставило бы под угрозу целостность государства, стали первостепенной задачей центральных властей Мадрида.

Для Испании, где столь сильны региональные различия, задача укрепления взаимоотношений между центром и периферией приобретает поистине жизненно важное значение. Тот «ежедневный плебисцит», о котором говорил Эрнест Ренан, характеризуя природу нации вообще², оказывается для испанской нации отнюдь не пустой фразой. Будучи «единой и разной», она была изначально поставлена перед жизненно важной для себя задачей поиска наиболее адекватной формулы сохранения своего единства. Отсюда становится понятной особая роль испанского государства – интегрирующего стержня политической нации и гаранта ее единства перед лицом центростремительных настроений регионов.

В годы франкизма настойчивое желание руководства страны видеть в любом проявлении регионалистских симпатий и лояльности выступление против режима и тенденции к сепаратизму дало обратный эффект: движение за автономию поднялось не только в Каталонии, Стране басков, Галисии, но и по всей Испании, став выражением оппозиционных политических настроений. При этом демократия в глазах оппозиции подразумевала и предоставление территориальной автономии, а неприязнь к Мадриду во многом объяснялась тем, что столица стала своеобразным символом авторитарной диктатуры с ее централизацией власти³.

Демократическая Испания отказалась от жестко централизованного франкистского варианта государственно-территориального устройства и выстроила новую модель децентрализованного асимметричного регионального государства автономий – точнее, государства «национальностей и регионов» (согласно формуле новой Конституции 1978 г.). Основной закон предоставил провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. Было образовано 17 автономных сообществ в целом в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области, а не по этническому принци-

² См.: Renan E. Qu'est qu'une nation? Paris, 1882. P. 29.

³ См., например: Мигель, де А. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя / Пер. с исп. М., 1985.

пу. К настоящему времени национальностями себя признали восемь автономных сообществ – Андалусия, Арагон, Валенсия, Галисия, Каталония, Страна басков, Балеарские и Канарские острова (что и было официально закреплено в тексте их автономных статутах⁴).

Новая модель государственно-территориального устройства страны была попыткой предотвратить кризис национальной государственности в непростых условиях демократического транзита и создать новый механизм регулирования межтерриториальных и межэтнических отношений в демократической Испании⁵. Данная модель открыта изменениям, и это был намеренный выбор национальных политических элит. Введение сверху модели договорной федерации⁶ многие вполне обоснованно оценивали как слишком рискованное в условиях регионального партикуляризма, а децентрализация, пусть и в форме возможной в будущем федерализации, представлялась в известном смысле естественным постепенным процессом.

Все автономные сообщества обладают не только административными, но и законодательными полномочиями в таких областях, как городское пространственное планирование, формирование институтов местного управления, ответственность за внутрирегиональное экономическое развитие, состояние транспорта, развитие культуры, образования, социального обеспечения, здравоохранения, охрану окружающей среды. В соответствии с объемом полномочий, переданных государством на региональный уровень, выстроена и система межбюджетных отношений: финансовую автономию от центра имеют Страна басков и Наварра, остальные вправе оставлять у себя половину всех собираемых на своей территории налогов.

Региональное сознание сегодняшних испанцев, как и территориальное в целом, не есть нечто изначально и жестко заданное фактом рождения в определенной местности. Организация политического пространства страны предполагает не только возможность изменений в территориальной идентификации, но и реальность обретения испанцами множественной идентичности. Можно родиться в одном месте, проживать – в другом, учиться – в третьем, найти свою «вторую половину» – в четвертом и т.д. При этом множественная самоидентификация жителей Испании сочетается с ощущением себя также европейцами, частью западного сообщества, представителями испаноговорящего мира и гражданами мира вообще.

Хотя лингвистические, культурные, психологические и иные особенности, которые могут обозначить принадлежность к этносу, чаще воспринимаются в Испании как принадлежность к определенному региону (т.е. к конкретной территории и определенному территориальному сообществу), нельзя не признать наличие этнокультурного компонента в региональной самоидентификации испанцев, и главным его параметром выступает язык⁷.

Некоторые исследователи склонны считать «конституциональный конфликт» главной формой стратегии автономных сообществ в их отношениях с центром по по-

⁴ Автономные статуты являются основным правовым актом каждого автономного сообщества и регулируют вопросы его автономии, институциональной организации и компетенции. Проект статута требует обязательного одобрения и утверждения национальным парламентом.

⁵ См. подробнее: Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М., 2010. С. 35-42.

⁶ Статья 145.1 Конституции 1978 г. не допускает создания федерации автономных сообществ: в общественном сознании испанцев жива память о Первой республике 1873 г., которая провозгласила Испанию федеративным государством, однако не сумела предотвратить кантоналистских мятежей.

⁷ В испанском языке понятием «этнос» обозначают сообщество людей, которое характеризуется сходством по расовым, лингвистическим, культурным и другим признакам. Таким образом, «этническими» могут выступать языковые границы, как главным образом и происходит в современной Испании.

воду распределения полномочий между государством и регионами⁸. Вероятно, подобный конфликт следует рассматривать более широко, не только в рамках конституционных норм. В основе этого конфликта лежит не только естественное и вполне понятное противостояние между центром и периферией в составном государстве, каким является государство автономий, но и ярко выраженная асимметрия национального политического пространства, неравенство регионов по множеству параметров. В результате этот конфликт имеет не только вертикальный, но и горизонтальный характер, в него оказываются вовлечены не только центр и автономные сообщества, но и муниципалитеты.

Фактическая асимметрия регионов Испании, которая проявляется не в размерах или численности населения, а прежде всего в различном уровне социально-экономического развития автономных сообществ и их финансовой автономии от центра, во многом является причиной того, что двустороннее взаимодействие центральных властей и руководства отдельной автономии преобладает над многосторонним взаимодействием между центром и регионами. Отчасти это объясняется историческими особенностями политической культуры Испании, политико-идеологическим соперничеством, а подчас и враждебностью, правительственной партии и политического руководства того или иного автономного сообщества, но иногда, напротив, – стремлением правительственной партии в отсутствии абсолютного большинства в конгрессе депутатов обрести политического союзника, получив парламентскую поддержку региональных партий.

Созданные на региональном уровне новые политические институты, сформировавшиеся региональные политические элиты, растущая количественно бюрократия превращаются (в различных автономных сообществах с различной силой) в своеобразный фактор и дополнительный стимул формирования региональной идентичности с определенным этническим подтекстом, а также политизации этничности.

Формированию региональной идентичности способствовала и формула Конституции 1978 г. «национальности и регионы». Усилия политических элит по конструированию коллективной идентичности в установленных границах регионов проявляются, прежде всего, в поддержке региональных политических партий, различных процессов культурной дивергенции региона в общем политическом пространстве государства, фактически ставящих своей конечной целью политическую дифференциацию регионов страны.

Важной составляющей политики идентичности региональных властей становится символическая политика: свой флаг и гимн автономий, организация официальных праздников, массовое изучение и исполнение фольклорных («национальных») танцев и песен, идеологизированная политика в сфере градостроительства, городской архитектуры и топонимии. Именно к такого рода политике относится запрет властей Каталонии на проведение корриды на территории автономии, нежелание вывешивать национальные флаги Испании в дни праздников на зданиях официальных учреждений, антимонархические высказывания и публичные акции (отсюда становятся понятными ставшие уже традиционными выходки хулиганов по сжиганию фотографий испанского монарха 11 сентября⁹).

⁸ См.: Börzel T.A. States and regions in the European Union: institutional adaptation in Germany and Spain. Cambridge (UK) and New York (USA): Cambridge University Press, 2002. P. 93.

⁹ В этот день в 1714 г. завершилась Война за испанское наследство: войска Филиппа V, основателя новой династии испанских Бурбонов, при поддержке французских войск взяли столицу Каталонии Барселону после 14-месячной осады (каталонцы поддерживали Карла Австрийского). С 1886 г. этот день отмечается как дата потери Каталонией независимости, в 1980 г. объявлен в автономии официальным «национальным» праздником.

Децентрализация сопровождалась чрезвычайным интересом к проблематике региональной идентичности. Итогом подобных тенденций стала различная по своей плотности структура политического пространства автономных и местных сообществ, со своей стороны способствующая усилению неоднородности политического пространства всей Испании и, как следствие, ведущая к дальнейшей асимметрии государства автономий.

Главным (и наиболее сложным) для испанских политических элит стало формирование национальной (государственно-гражданской) идентичности как идентичности национально-государственного сообщества и коллективного самосознания его граждан как членов такого сообщества¹⁰ через политический властный дискурс, разнообразные социальные и политические практики, институты социализации и инструменты публичной политики.

С одной стороны, этому мешают идеологические разногласия между ведущими политическими партиями страны – правоцентристской Народной партией (НП) и левоцентристской Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), которые с 1982 г. поочередно побеждали на всеобщих парламентских выборах. Так, консерваторам модель «государства автономий» представляется оптимальной, они используют жесткую риторику в отношении любых притязаний сепаратистов, отказываясь даже обсуждать их антиконституционные планы. Социалисты все чаще поднимают вопрос о конституционной реформе с целью дальнейшей федерализации государства, превращения сената испанского парламента в подлинную палату территориального представительства, выступают за изменение электорального законодательства страны на более «справедливое» и т.д.

Различные взгляды ИСРП и НП имеют и на национальную модель образования, что выражается в постоянном реформировании системы образования в сторону децентрализации или, напротив, – рецентрализации¹¹. Как попытку культурной дивергенции следует рассматривать кампанию, направленную на изгнание кастильского языка из общеобразовательных школ Каталонии. Исключение его из обязательной школьной программы и замена, в частности, английским окончится тем, что многие каталонцы нового поколения не будут владеть письменным испанским языком и поэтому испытывать трудности в повседневном общении, несмотря на известную схожесть каталанского и кастильского.

С другой стороны, проводимая государством политика идентичности осуществляется в условиях все более жесткой конкуренции и острой конфликтности с региональными политическими элитами, прежде всего, тех сообществ, которые и добиваются признания себя не просто национальностями в рамках испанской нации, но самостоятельными нациями, пусть пока еще и без государства – гражданскими, а не политическими нациями¹². Региональные элиты выступают субъектом политики идентичности не только на локальном и региональном, но и на национальном уровне, ак-

¹⁰ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. Семененко И.С. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2011. С. 80, 162–168.

¹¹ См.: Ермольева Э.Г. Реформа образования в фокусе политических дебатов и общественного противостояния // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2-х тт. / отв. ред.: И.С. Семененко. Том 2. М., 2014. С. 266-271; Losada A., Máiz R. Devolution and involution: Defederalization politics through educational policies in Spain (1996–2004). // *Regional & Federal Studies*. 2005. Vol. 15. No 4. P. 437–451.

¹² К примеру, текст нового (от 2006 г.) автономного статута Каталонии сохранил прежнее (от 1979 г.) определение Каталонии как национальности, но в преамбуле статута присутствует компромиссная формулировка о том, что определение Каталонии как нации предложил именно автономный парламент, который учитывал чувства и желание граждан Каталонии, давая подобное определение в широком смысле: Ley orgánica 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña. // *Boletín Oficial del Estado*. No 172, 20 de julio de 2006. 27269-27310.

тивно участвуя в формировании политического дискурса по вопросам нациестроительства и исторической памяти, влияя на выработку общегосударственной повестки дня и в итоге – на выбор центральными властями политических практик.

Исключительно важную роль в государстве автономий играет институт монархии и личность короля как главы государства, символа единства нации и преемственности исторических традиций. Роль монарха имеет не просто ритуальный, а глубокий идейно-политический смысл: король выступает в качестве символа единства и преемственности, как бы персонифицируя общность интересов нации. Неудивительно, что мнение короля может иметь (и не раз имело как в случае с Хуаном Карлосом I, так и с Филиппом VI) решающее «третейское» значение при возникновении критических ситуаций в жизни страны, а также при решении спорных политических вопросов.

Наследие франкистского прошлого, разделившего в свое время страну на победителей и побежденных, осложнило конструирование государственно-гражданской идентичности в демократической Испании. Именно память о франкизме с его концепцией великодержавного национализма, идеями «единой и неделимой» Испании и анти-Испании заставляла руководителей нового испанского государства не раз заявлять о том, что испанского национализма попросту не существует.

Вопреки мнению экспертов, ссылающихся на исторический опыт, о том, что процесс формирования этнической идентичности и ее трансформации в национализм является обратимым¹³, происходящие сегодня в Испании события свидетельствуют, что некоторые регионы, принявшие решение назвать себя «национальностями», высказывают намерение идти еще дальше – добиваться у испанского государства разрешения называть себя «нациями». Однако, вполне возможно, что «точка невозврата» в этой инспирируемой региональными национализмами трансформации идентичности еще не достигнута.

Динамика процессов децентрализации и федерализации во многих государствах-членах Европейского союза, в том числе в Испании, рост числа и укрепление автономистских партий, прямое и опосредованное взаимодействие регионов с европейскими институтами, создание и укрепление новых пространственных, в том числе сетевых, связей различной конфигурации (вертикальных, горизонтальных, диагональных), позволяют говорить об усилении влияния субнациональных (особенно региональных) элит и формируемых ими идеологий не только на национальном (государственном), но и на европейском уровне.

Осознавая пределы своего прямого взаимодействия с европейскими институтами, субнациональные элиты Испании и некоторых других формально унитарных государств-членов максимизируют усилия по оказанию влияния на национальные власти в процессе принятия решений на европейском уровне на различных его стадиях, стараясь придать неформальным правилам и практикам статус формальных и добиваясь конституционного закрепления на национальном уровне своих полномочий.

Сепаратистские проекты, выдвигаемые Каталонией и Страной басков, несут в себе угрозу территориальной целостности испанского государства и риски фрагментации политического пространства Европейского союза. Выступающие за создание собственной государственности радикально настроенные группы субнациональных элит способны затормозить процесс создания транснациональных регионов внутри Евросоюза, как это и происходит, к примеру, в отношении Средиземноморского региона, участником которого является Испания.

¹³ См.: Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сб. статей / под ред. Олкотт М.Б., Тишкова В.А. и Малашенко А.В.; Моск. Центр Карнеги. М., 1997. С. 39.

С точки зрения задачи скорейшего исполнения наднациональных решений Европейский союз не заинтересован в дальнейшей децентрализации в государствах-членах, опасаясь длительных и не всегда успешных согласований между центральным и субнациональными властями. Еврокомиссия вынуждена организовывать взаимодействие с регионами для точной и единообразной имплементации, при этом региональные власти добились понимания наднациональными институтами ЕС важности привлечения их к обсуждению еще на ранних этапах выработки решений — на стадиях определения актуальности той или иной проблемы и разработки политики в определенной области.

Развивая идею «Европы с регионами», Евросоюз создает соответствующие политические возможности для некоторых регионов. Маастрихтский договор предусмотрел право для государств-членов, имеющих систему региональной власти с исполнительными органами, привлекать к участию в работе Совета ЕС региональных представителей. Этим правом воспользовались федерации Бельгия, Германия и Австрия, государства автономий Испания и Италия, а также унитарная Великобритания, где идут процессы деволюции. Вместе с тем предполагается, что представители регионов в национальных делегациях должны отстаивать именно национальные, а не только региональные интересы.

Осознавая пределы своего прямого взаимодействия с европейскими институтами, субнациональные элиты отдельных стран максимизируют усилия по оказанию влияния на национальные власти в процессе принятия решений на европейском уровне на различных его стадиях, стараясь придать неформальным правилам и практикам статус формальных и добиваясь конституционного закрепления своих управленческих полномочий. И региональный национализм, и укрепляемая элитами региональная идентичность являются важными факторами реализации этих проектов.

Особенностью идеологии регионализма в Испании является ее многообразие в силу того, что сам регионализм в стране неоднороден и разнообразен и по своему содержанию, и по своему партийному оформлению. Диапазон партийных идеологий охватывает весь политический спектр и варьируется от автономизма до сепаратизма и планов выхода из состава испанского государства. Один из новых трендов, связанных с развитием идеологии регионального национализма, наиболее явно проявляющийся как раз в Испании — это усиление компоненты евроскептицизма в концептуальных построениях идеологов. Автономистские партии, наиболее полно инкорпорировавшие идеи регионального национализма (прежде всего Каталонии и Страны басков), в той или иной степени, но все более заметно проникаются идеями евроскептицизма. Во многом их евроскептицизм связан с тем, что идея «Европы регионов», довольно популярная в европейских структурах еще лет 15 назад, постепенно отошла на второй и даже еще более далекий план в процессе институционального строительства в ЕС. А нивелирующие тенденции, произвол брюссельской бюрократии остались, усилив неприятие региональными националистами тех или иных мероприятий ЕС в сфере региональной политики и политики сплочения Евросоюза, акцентировав их порой иррациональные, но понятные на эмоциональном, психологическом уровне страхи утраты собственной самобытности. Новая волна настроений евроскептицизма среди региональных националистов также объясняется твердой позицией властей Евросоюза в защиту принципа территориальной целостности составляющих его государств и их решительным отказом поддержать проекты каталонских и баскских сепаратистов по отделению от Испании и созданию новых независимых государств в составе ЕС.

РАБОТЯЖЕВ Н.В.
ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ОТ «НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ» К «СТАРЫМ ЛЕВЫМ»*

Три поражения подряд на парламентских выборах – в 1979, 1983 и 1987 годах – заставили Лейбористскую партию приступить к модернизации её идеологии. В программных документах ЛПВ, выступлениях её лидеров и теоретиков в конце 80-х годов уже были заметны отход от антикапиталистического этоса, стремление маркетизировать программно-идеологические установки партии и сделать акцент на индивидуальной свободе. На рубеже 1980-х – 1990-х годов ЛПВ рассталась с идеями ренационализации, активного государственного вмешательства в экономику и значительного повышения налогов. Отход от традиционных лейбористских представлений состоялся и на символическом уровне – в 1986 г. красный флаг в качестве эмблемы партии был заменён красной розой.

Тем не менее, на парламентских выборах 1992 г. лейбористы в четвёртый раз потерпели поражение. Основная причина этого заключалась в том, что ЛПВ так и не удалось до конца избавиться от имиджа партии, стремящейся к повышению налогов и лоббированию интересов профсоюзов. Действительно радикальное обновление идеологии и политических установок ЛПВ началось лишь в 1994 г., когда лидером партии был избран харизматичный Тони Блэр. Новый лидер немедленно приступил к ревизии идейного багажа ЛПВ с целью отбросить все устаревшие представления и выстроить идеологию партии, соответствующую вызовам эпохи глобализации. И ему удалось придать партии новый облик – прежде всего путём реинтерпретации лейбористской традиции. Задача Блэра облегчалась тем, что сама лейбористская традиция носит многослойный и поливариантный характер. Британский лейборизм развивался под влиянием нескольких духовных течений – фабианства, христианского социализма, марксизма и левого, или радикального, либерализма. Блэр, стремясь к модернизации идеологии Лейбористской партии, выдвинул на первый план леволиберальные составляющие лейбористской традиции и всячески подчёркивал духовную связь лейборизма с радикальным либерализмом. Собственно же социалистические элементы лейборизма явно отодвигались им на задний план.

Обновление лейбористской идеологии Блэр в 1994 г. начал с того, что заявил о безоговорочной идейной победе правого крыла ЛПВ над левым, то есть этического социализма над концепциями «твёрдых левых», выступавших за расширение национализированного сектора и государственного контроля над экономикой. Впрочем, во второй половине 1990-х годов Блэр вообще перестал упоминать о социализме или демократическом социализме, предпочитая говорить о «прогрессивной политике» или левом центре.

Помимо этического социализма и левого либерализма, значительное влияние на взгляды Блэра оказал также коммунитаризм, к тому же в контексте планов трансформации лейбористского идейно-политического наследия он оказался удивительно актуален. Приступая к ревизии идейного багажа ЛПВ, Блэр обратился к коммунитаристской социальной философии, выступающей за сильное гражданское общество и расширение участия населения в делах местных сообществ. Так, Блэр утверждал, что фундаментальная ошибка старых левых состояла в убеждении, что государство может заменить гражданское общество, и игнорировании принципов субсидиарно-

* Работяжев Николай Владимирович – к.полит.н., ведущий научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

сти. Хотя впоследствии эти идеи отошли на второй план, коммунитаризм, несомненно, оказал заметное влияние на формирование идеологии «нового лейборизма».

Важнейшими концептами, которые Блэр и его единомышленники внесли в идеологию Лейбористской партии, были «новый лейборизм» (New Labour) и «третий путь» (Third Way). «Новый лейборизм» означал, что модернизаторское руководство ЛПВ отказывается от ряда постулатов «старой левой» идеологии, прежде всего от её этатистских, коллективистских и тред-юнионистских установок. Ранее, в 60-е – 70-е годы прошлого века, «трем китами» лейборизма считались национализация, развитое государство благосостояния и могущественные профсоюзы. «Новые лейбористы» полностью отказались от идей обобществления и расширения государственного контроля над экономикой, ограничивали щедрость социального государства и дистанцировались от тред-юнионов. При этом Блэр и его единомышленники утверждали, что сохраняют приверженность целям социал-демократии, но выбирают новые, более соответствующие современному миру пути их достижения.

Что же касается концепта «третьего пути», то он заметно отличался от того третьего пути, пролежавшего между неконтролируемым капитализмом и диктаторским коммунизмом, который в послевоенные годы был важнейшей идеологией европейской социал-демократии. «Третий путь» новых лейбористов проходил между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом, иными словами, между кейнсианским государством благосостояния и тэтчеризмом. Основные принципы «третьего пути» были разработаны советником Блэра английским социологом Энтони Гидденсом.

«Новые лейбористы» пересмотрели экономические взгляды ЛПВ, представления о роли государства в экономической и социальной сферах, отношения партии с профсоюзами и даже её имидж. Прежде всего, «новый лейборизм» и «третий путь» означали масштабную ревизию лейбористской политической экономии. Новые лейбористы отошли от кейнсианства и приблизились к неоклассическим представлениям. Они не отказались целиком от стимулирования спроса, но стремились сочетать его с поддержкой предложения («прогрессивная политика предложения»).

Единомышленники Блэра были убеждены в преимуществах рыночной экономики и полагали, что рынки необходимо не ограничивать, а, наоборот, либерализовать. Правда, в отличие от консерваторов они полагали, что результаты экономического роста, порождённого функционированием свободного рынка, должны использоваться для увеличения инвестиций в общественные службы и финансирования государства благосостояния.

Блэр и Гидденс выступили также за реформирование государства всеобщего благосостояния, превращение его в «государство социальных инвестиций». Это означало, что государство будет оказывать гражданам помощь не столько в виде социальных выплат, сколько в форме инвестиций, направленных на приобретение ими квалификации или переобучение. Вместе с тем, социальная политика правительства Блэра включала в себя и многие традиционные социал-демократические элементы.

Таким образом, социально-экономические воззрения «новых лейбористов» заметно отличались от установок «старых левых». Традиционная, кейнсианская социал-демократия, признавая преимущества рыночной экономики, стремилась перераспределять создаваемые ей блага во имя обеспечения социальной справедливости и большего равенства. Рыночная экономика была для них средством, социальная политика – целью. «Новые лейбористы», напротив, фактически рассматривали социальные гарантии и социальную политику как средство для того, чтобы сделать более эффективной рыночную экономику.

Неудивительно, что «новых лейбористов» нередко характеризовали как сторонников сочетания неолИБерализма в экономике с социал-демократической социальной политикой или как социальных либералов. Да и сам Блэр стремился позиционировать «новый лейборизм» в качестве преемника не только традиционного лейборизма, но и прогрессивного либерализма, связанного с именами Джона Хобсона, Дэвида Ллойд Джорджа, Уильяма Бевериджа, Джона Мейнарда Кейнса. От социалистических элементов лейбористской традиции Блэр откровенно пытался избавиться. Так, например, он лично добился пересмотра 4-ого пункта Устава ЛПВ, принятого ещё в 1918 году и требовавшего обобществления основных средств производства, распределения и обмена.

Блэр также решительно модернизировал имидж ЛПВ. Если ранее ЛПВ воспринималась избирателями прежде всего как классовая (рабочая) партия, тесно связанная с профсоюзами, то Блэр превратил её в партию общенациональную. Лидер ЛПВ стремился к тому, чтобы членами партии были не только рабочие, но и мелкие и средние предприниматели, менеджеры, инженерно-технические работники, врачи, учителя и другие представители среднего класса. Вместе с тем, «новые лейбористы» осознавали, что пока в глазах большинства избирателей партия выступает в ассоциативной связке с профсоюзами, ей вряд ли удастся улучшить её имидж. Поэтому Блэр в значительной мере дистанцировался от тред-юнионов, с которыми ранее ЛПВ тесно взаимодействовала.

В сфере международных отношений взгляды «новых лейбористов» также весьма отличались от подходов «старых левых». Если британские лейбористы традиционно были евроскептиками, то Блэр выступил за более активное участие Великобритании в процессе европейской интеграции. Кроме того, для Блэра, Гидденса и других теоретиков «нового лейборизма» характерно позитивное восприятие глобализации и в целом космополитические установки. Проблема сохранения национальной идентичности Великобритании их не слишком беспокоила. «Новые лейбористы» придерживались концепции мультикультурализма и проводили крайне либеральную миграционную политику (в том числе исходя из абсолютно рациональной калькуляции – для того, чтобы количественно увеличить свой собственный электорат). Стоит отметить, что после победы лейбористов на выборах 1997 г. политика мультикультурализма была поднята на национальный уровень, а сам он превратился в фактически в официальную доктрину.

«Модернизированная» Лейбористская партия одержала победу на парламентских выборах 1997 г., а затем выиграла выборы 2001 и 2005 гг. В течение практически всего премьерства Блэра (завершившегося в 2007 г.) политика «новых лейбористов» обеспечивала весьма неплохие результаты – экономический рост в 2-3% в год, низкие показатели безработицы и инфляции.

После ухода Блэра в отставку летом 2007 г. правительство Великобритании и Лейбористскую партию возглавил Гордон Браун – министр финансов в кабинете Блэра и главный автор экономической программы «нового лейборизма». Вскоре после смены премьер-министра Великобритания вступила в полосу экономических трудностей, вызванных главным образом влиянием глобального финансового кризиса. Ситуация заставила кабинет Брауна вернуться к кейнсианским рецептам. Впрочем, это не принесло лейбористам ожидаемых политических дивидендов. Снижению доверия избирателей к ЛПВ способствовал и ряд других обстоятельств – скандалы, в которых были замешаны политики-лейбористы, участие британских вооружённых сил в непопулярной войне в Ираке и чрезмерно либеральная иммиграционная политика, вызвавшая недовольство населения. В результате на состоявшихся в 2010 г. парламентских выборах ЛПВ потерпела поражение. После выборов Браун ушёл в

отставку с поста лидера партии, а ЛПВ возглавил Эд Милибэнд – политик, близкий по своим воззрениям к Брауну.

Пребывание ЛПВ в оппозиции способствовало активизации традиционных лейбористских установок и более левой риторики. Находясь в оппозиции, Лейбористская партия выступила против политики «жёсткой экономии», проводимой коалиционным либерально-консервативным правительством Дэвида Кэмерона, ратовала за увеличение государственных инвестиций (в том числе в строительство дешёвого жилья), за более справедливую налоговую систему. Таким образом, партия постепенно отходила от неолиберальных и прорыночных установок «новых лейбористов». Тем не менее, она отнюдь не была намерена возвращаться к доблэровским взглядам. Милибэнд, как и «новые лейбористы», полагал, что ЛПВ должна уметь и создавать богатство, и перераспределять его, и выступал как за экономическое процветание, так и за социальную справедливость.

При этом Милибэнд всё же пытался провести своеобразный ребрендинг партии, разработать её новую платформу, которая отличалась бы от взглядов Блэра и Брауна. Руководимая Милибэндом ЛПВ перестала позиционировать себя в качестве партии «третьего пути» и «нового лейборизма». Более того, Милибэнд «вернул в Лейбористскую партию социал-демократическую критику капитализма, которая отсутствовала в партийной риторике и политике в эру “нового лейборизма”»¹. Одним из ключевых векторов обновления идеологии лейборизма стало формирование концепции «ответственного капитализма», как альтернативы капитализму «безответственному» (в рамках которого существуют значительные социальные контрасты, экономическая власть концентрируется в руках немногих, гипертрофирован финансовый сектор и чрезмерную роль играют краткосрочные финансовые спекуляции). «Ответственный капитализм», согласно Милибэнду, предполагает большее социальное равенство, солидарность и ответственность людей друг за друга, широкое развитие малого и среднего бизнеса, а также проведение промышленной политики и изменение баланса между финансовым и реальным секторами экономики в пользу последнего.²

В развитие этого тренда в 2012 г. Милибэнд выдвинул концепцию «лейборизма одной нации» (One Nation Labour). Стоит отметить, что само понятие “One Nation” содержит отсылку к идеям премьер-министра Великобритании в середине XIX в. консерватора Б. Дизраэли, заявившего, что в Англии существуют две нации – богатые и бедные, и провозгласившего идею «консерватизма одной нации», нацеленного на смягчение социальных контрастов. Суть концепции «лейборизма одной нации» состояла в том, что ЛПВ стремится прежде всего ликвидировать в британском обществе социальные барьеры и создать для всех равные жизненные шансы. По словам Милибэнда, Британия не будет «страной одной нации» до тех пор, пока доходы руководства компаний непрерывно растут, в то время как у других они стагнируют; пока крупные корпорации, расположенные в Великобритании, работающие в этой стране и получающие в ней прибыль, не платят в Великобритании налоги; и пока некоторые люди, находящиеся на вершине элитных институтов, полагают, что законы существуют не для них.³

¹ Goes E. The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy. Manchester, 2016. P. 87.

² См.: Miliband E. Building a Responsible Capitalism. URL: <http://www.ippr.org/juncture/171/9200/building-a-responsible-capitalism>; Miliband E. What Responsible Capitalism is All about. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/22/google-corporate-responsibility-ed-miliband-speech>

³ <http://www.fabians.org.uk/ed-milibands-speech-to-the-fabian-society-new-year-conference-2013/>

Ещё одной идейно-политической альтернативой «новому лейборизму» стал «синий лейборизм» (Blue Labour), который возник в 2009 г. и значительно усилился после поражения ЛПВ на выборах 2010 г. Как видно уже из названия, «синие лейбористы» стремятся включить в лейбористскую идеологию некоторые концепты британских консерваторов (синий – цвет Консервативной партии Великобритании). Сторонники этого направления намерены привлечь избирателей из рабочего класса, симпатизирующих тори, путём продвижения более консервативных подходов в таких сферах, как иммиграция, борьба с преступностью, европейская интеграция. Они критикуют как старую левую идеологию (ассоциируемую с бюрократизированным государством благосостояния), так и «новых лейбористов», которые воспринимаются ими как сторонники неолиберализма, глобализации, космополитизма и бесконтрольной иммиграции. «Синие лейбористы» критически относятся к мультикультурализму и нынешней модели европейской интеграции, которой они противопоставляют идею «Европы отечеств».

Основные концепты «синего лейборизма» были сформулированы советником Милибэнда Морисом Гласманом, отстаивающим такие ценности, как семья, религия, патриотизм, британская идентичность, и выступающим за возрождение коммунитарного духа. Сторонники этого течения в ЛПВ критикуют рыночную коммерциализацию межлических отношений, противопоставляют ей коммунитарные ценности (взаимопомощь и сотрудничество), ратуют за подчинение экономики этике и развитие партиципаторной демократии. «Синие лейбористы» выступают за возрождение традиций лейборизма и традиционных ценностей этого движения – взаимной помощи, солидарности. Критически относясь ко многим аспектам политики Блэра, «синие лейбористы» ассоциируют себя скорее с ранним периодом «нового лейборизма», когда Блэр провозглашал свою приверженность христианскому социализму и коммунитарной социальной философии.

Партийный идеолог эпохи Т.Блэра, Э.Гидденс весьма позитивно расценивал тот факт, что в процессе формирования «глобального космополитического общества» социальные институты и повседневная жизнь в западных странах постепенно освобождаются от влияния традиций⁴. Важным отличием «синих лейбористов» является их акцент на проблематике сохранения британской идентичности и традиций. По мнению Гласмана, «новые лейбористы» стремились радикально модернизировать Великобританию, не ощущая при этом связи с ее историческим прошлым и традициями, и в этом смысле были «почти маоистами»⁵. А видная представительница «синих лейбористов» Ровенна Дэвис утверждает: «Наша страна консервативна, и это прекрасно. За пределами Вестминстера и Виктория-стрит британский народ хочет порядка, устойчивости, стабильности и общности (community)»⁶. Либерально-модернистские элиты 1990-х годов, полагает она, игнорировали эти устремления и ценности, защиту которых теперь должна взять на себя Лейбористская партия.

Проводившаяся правительством Т.Блэра либеральная миграционная политика привела к обособлению этнических общин от коренного населения, размыванию британской идентичности, росту ксенофобии и даже беспорядкам на этнической почве. «Синие лейбористы» не могли игнорировать эти негативные последствия бесконтрольной миграции. А Гласман в 2011 г. даже предложил не только временно приостановить иммиграцию в Великобританию, но и начать переговоры с ЕС относительно пересмотра правовых актов, обеспечивающих свободу передвижения рабо-

⁴ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. / Пер. с англ. М., 2004. С.59.

⁵ <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/8644334/Labours-anti-immigration-guru.html>

⁶ Blue Labour: Forging a New Politics / Geary I., Pabst A. (eds.). L.; N.Y., 2015. P. 195.

чей силы внутри Евросоюза. Великобритания, заявил Гласман, – это не форпост ООН, и интересы британского народа должны быть на первом месте.⁷

Таким образом, «синий лейборизм» стал своего рода попыткой концептуального синтеза положений социального консерватизма со стремлением вернуться к лейбористским традициям низовой самоорганизации, кооперации и взаимопомощи. «Синий лейборизм» левее «нового», так как более критически относится к рыночной экономике и выступает за более эгалитарное общество; и в то же время по ряду параметров он занимает более правые позиции, защищая такие консервативные ценности, как семья, религия, приверженность местным комьюнити (сообществам), патриотизм, британская идентичность.

Идеи «синих лейбористов» оказали заметное влияние и на мировоззрение Эда Милибэнда, написавшего предисловие к вышедшему в 2011 г. сборнику статей виднейших представителей «синего лейборизма» «Лейбористская традиция и политика парадокса». В этом предисловии Милибэнд солидаризовался со многими из подходов «синих лейбористов», высказался за укрепление местных комьюнити и развитие гражданской культуры «на уровнях, более низких, чем Уайтхолл и Вестминстер»⁸. ЛПВ, отмечал Милибэнд, стремится к расширению личной свободы, но понимает её в духе коммунитаризма, а не индивидуализма. С его точки зрения, истинная свобода существует внутри процветающих местных сообществ.

Отношение Милибэнда к проблеме миграции также несколько отличалось от неолейбористского. «Я горжусь мультиэтничной, многообразной Британией, – утверждал Милибэнд в 2013 г. – Но высокий уровень миграции оказал колоссальное влияние на жизнь людей в нашей стране. При этом слишком часто казалось, что те, кто находится у власти [т. е. “новые лейбористы” – Н.Р.], не понимают этого. Данный факт отчасти объясняет, почему люди не поддержали нас на последних выборах»⁹. Милибэнд даже заявил, что правительство Блэра совершило ошибку, открыв британский рынок труда для рабочих из вступивших в ЕС восточноевропейских стран.

В общем, можно сказать, что усиление влияния в ЛПВ «синего лейборизма» способствовало тому, что после 2010 г. лейбористы «стали разворачиваться “лицом к нации”» и «снизили градус “интернациональной риторики”»¹⁰. Что нашло отражение и в предвыборном манифесте ЛПВ 2015 года. В этом документе утверждалось, что ЛПВ возрождает традицию лейборизма как партии работы, семьи и комьюнити, а избирателям обещалось больше социального равенства и справедливости.¹¹ Впрочем, влияние «синих лейбористов» на позиции руководства ЛПВ оказалось всё же достаточно ограниченным. В манифесте 2015 г. не было выдвинуто каких-либо новых подходов к проблемам миграции. В нём утверждалось, что иммиграцию необходимо не ограничивать, а соответствующим образом контролировать, государство должно содействовать интеграции мигрантов в британское общество, а каждый, кто работает с людьми в общественных службах, должен уметь говорить по-английски. Таким образом, ЛПВ в основном сохранила приверженность концепции мультикультурализма. На пресс-конференции, посвященной обнародованию предвыборного

⁷<http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/8643584/Immigration-should-be-frozen-says-Miliband-adviser.html>

⁸ Miliband Ed. 2011. Preface // Glasman M., Rutherford J., Stears M., White St. (eds.). The Labour Tradition and the Politics of Paradox: The Oxford London Seminars 2010–2011. P.7. URL: http://www.lwbooks.co.uk/journals/soundings/Labour_tradition_and_the_politics_of_paradox.pdf

⁹ <http://www.fabians.org.uk/ed-milibands-speech-to-the-fabian-society-new-year-conference-2013/>

¹⁰ Громогласова Е.С. Лейбористы между электоральной стратегией и идеологией // Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. А.А.Громыко, Е.В.Ананьевой. М., 2014. С. 185.

¹¹ Britain can be better: The Labour Party Manifesto 2015. URL: <http://www.labour.org.uk/page/-/BritainCanBeBetter-TheLabourPartyManifesto2015.pdf>.

манифеста ЛПВ 2015 г., Эд Милибэнд заявил, что «иммиграция может принести пользу нашей стране» (сделав, впрочем, оговорку, что те, кто сходит на английский берег, должны прежде, чем претендовать на какие-либо социальные блага, внести свой вклад в благосостояние Великобритании)¹². В том же духе высказывается соратник и единомышленник Милибэнда Чука Уманна. Будучи сыном весьма успешного нигерийского иммигранта, Уманна, отмечает журналист газеты “The Guardian”, надеется, что для инициативных африканцев дверь в Англию останется открытой. «Мы не должны допустить, ...чтобы наша европейская и миграционная политика превратилась в заложницу Найджела Фараджа и ЮКИП¹³, как это происходит у тори», – подчеркнул он.¹⁴

Однако в дальнейшем идеологическая эволюция ЛПВ совершила резкий «левый поворот». После поражения партии на парламентских выборах в мае 2015 г. Милибэнд ушёл в отставку, а в сентябре того же года новым лидером партии был избран «твёрдый левый» Джереми Корбин – жёсткий критик «нового лейборизма», сторонник возвращения партии к её социалистическим истокам. По мнению Корбина, причиной нынешнего кризиса идентичности ЛПВ является не относительное полевание партии в последние годы, но, напротив, заимствование лейбористами ряда совершенно чуждых экономических и политических концептов консерваторов. Вполне естественно, что Корбин очень скоро оказался в конфликте с истеблишментом Лейбористской партии и её парламентской фракцией, придерживающимися гораздо более умеренных левоцентристских взглядов. Однако предпринятая в 2016 г. попытка сместить его с поста лидера ЛПВ успехом не увенчалась.

Характер эволюции ЛПВ на протяжении последней четверти века показал возможности и пределы её идеологической модернизации. После того, как Лейбористскую партию возглавил Тони Блэр, началось (или, вернее, продолжилось) последовательное вытеснение из её идеологии ещё сохранившихся в ней элементов социалистической «утопии». Это позволило расширить электоральную поддержку ЛПВ – но ценой утраты той «утопии-надежды» (выражение лидера СДПГ Зигмара Габриеля), которая продолжает вдохновлять многих лейбористов. Неудивительно, что деидеологизация партии под флагом «нового лейборизма» вызвала в ЛПВ ответную реакцию, которая проявилась вначале в виде возникновения «синего лейборизма», а затем общего полевания ЛПВ после 2010 года. Апофеозом левого разворота стало избрание на пост лидера ЛПВ рядовыми членами партии и зарегистрированными сторонниками лейбористов «твёрдого левого» Джереми Корбина. Повидимому, партия (в отличие от партийной элиты) действительно не может полностью исключить из своей идеологии элементы «утопического» проекта, отказаться от видения будущего общества, лишённого недостатков капитализма и предоставляющего всем людям равные жизненные возможности, не ставя под угрозу собственную идентичность.

¹² <http://press.labour.org.uk/post/116287137799/britain-can-be-better-the-labour-party-manifesto>

¹³ ЮКИП (UKIP, United Kingdom Independence Party) – Партия независимости Соединенного Королевства – правопопулистская, националистическая и евроскептическая партия; Н.Фарадж был ее лидером до июня 2016 г.

¹⁴ <http://www.theguardian.com/politics/2015/apr/24/chuka-umunna-for-african-people-how-you-dress-is-important-interview>.

РОВИНСКАЯ Т.Л.
КИБЕРЛИБЕРТАРИАНСТВО – НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА*

В условиях господства информационных технологий и в контексте формирования глобального информационного общества закономерно появление совершенно новых идеологий и политических сил, занимающихся вопросами политики в тесной привязке к вопросам информационного развития.

В 1996 г. известный американский поэт, прозаик и политический активист Джон Барлоу написал «Декларацию независимости киберпространства» (*A Declaration of the Independence of Cyberspace*), где бросил вызов «традиционным правительствам индустриального мира», противопоставляя государственной цензуре в области информации «свободное киберпространство». Побудительным мотивом такого радикального призыва стал тот факт, что на Всемирном экономическом форуме в Давосе Д. Барлоу узнал о подписании президентом США Б. Клинтоном принятого Конгрессом США Акта о благопристойности коммуникаций (*The Communications Decency Act of 1996, CDA*), который вводил цензуру в Сети. Барлоу утверждал, что Интернет по своей сущности изначально свободен и всегда будет свободным, какие бы препятствия ему ни чинили: «...Глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тирании, которую вы стремитесь нам навязать». Для защиты свободы и независимости киберпространства от территориальных правительств (и особенно от правительства США) Барлоу создал Фонд электронных рубежей (*Electronic Frontier Foundation, EFF*). Фонд был задуман как посредник при решении неизбежно возникающих конфликтов интересов на границе киберпространства и реального мира. Барлоу верил в перспективы «электронной демократии», дающей каждому интернет-пользователю право использовать свой голос в электронном голосовании.

Новая философия получила название «киберлибертарианства» (также именуется «новым либертарианством»). Условно ее можно отнести к левому крылу политического спектра. Изначально она оказалась связана с так называемой концепцией «фронтира» (*Frontier Thesis*), предложенной в 1893 г. американским историком Ф.Тернером. Согласно его точке зрения, истинный прогресс общества возможен только в условиях самоорганизующихся сообществ людей, существующих на подвижной, постоянно расширяемой границе освоения новых территорий. Эти условия дают обитателям огромные возможности, но и требуют от них особой ответственности за свои действия. Кроме того, для фронтира необходимы совершенно иные способы регуляции отношений как между отдельными людьми, так и на уровне структур государства. С точки зрения «нового либертарианства», мы живем в ситуации «фронтира», связанного с возникновением информационного общества, но при этом современные общества – это общества политические (для них характерна иерархичность и статусность), построенные по национальному признаку и обладающие территорией. Политические партии как институты представительства отражают потребности уходящей индустриальной эпохи и плохо приспособлены к возникающим новым условиям. По мнению «новых либертарианцев», даже классическая либертарианская идеология (с ее постулатами полной экономической и иной свободы и минимального государственного вмешательства во все сферы жизни социума и кон-

* Ровинская Татьяна Леонидовна – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

кретного человека) не способна адекватно отражать происходящие изменения в ситуации перехода к информационному обществу. Во второй половине XX в. в наиболее развитых странах происходили процессы, совокупность которых принято называть научно-технической революцией. Одним из ее результатов стало широкое внедрение компьютерных и коммуникационных технологий, появление глобальных сетей, универсальных по характеру своего использования. Это позволило создать ту особую среду взаимодействия, которую сейчас называют киберпространством. Главным постулатом киберлибертарианства является признание принципиальной неприкосновенности границ – но не территориальных, а индивидуальной и экономической свободы, значительное расширение которых должно стать нормой в информационном обществе. Для полноценного использования всех потенциальных возможностей киберпространства на практике должны выполняться некоторые обязательные условия: соблюдение индивидуальной свободы активной личности, добровольное сотрудничество как основной принцип организации сообществ всех уровней, всяческое поощрение творческой активности каждого члена такого сообщества, а также доступность самого киберпространства для максимально широкого круга желающих¹.

Спустя 10 лет после появления декларации Д.Барлоу его идеологические последователи стали реальными политическими игроками в ряде западных стран. Речь идет о совершенно новом общественно-политическом феномене – так называемом международном Пиратском движении, объединяющем Пиратские партии более чем в 60 странах мира (первая подобная партия появилась в Швеции в 2006 г.). Под информационным пиратством всегда подразумевалось воровство информационной продукции с целью ее последующего коммерческого использования без согласования с правообладателем (то есть контрафакция, нарушение прав интеллектуальной собственности). Пиратское же движение выступило за свободный некоммерческий информационный обмен (обеспечивающий равенство доступа к информации), но осудило при этом коммерческое «пиратство» (деятельность производителей и продавцов контрафактной продукции с целью получения прибыли). В названии движения намеренно подчеркнуто принципиальное несогласие его участников с тем, что информационное пространство является рынком (где любая информация – товар, который продается и покупается), а не полем свободного информационного обмена и творчества.

В дальнейшем философия «пиратов» вышла на политический уровень. Речь шла уже не только и не столько об экономическом и этическом аспектах (интеллектуальное право собственности, авторское право), сколько о прозрачности политического процесса в информационном обществе. Согласно официальной доктрине, новейшие технические возможности (в первую очередь, Интернет) должны быть использованы для формирования «прозрачного» государства, которое служит интересам гражданского общества. Однако они не должны способствовать созданию «прозрачного» человека, права которого на неприкосновенность частной жизни и личных данных были бы тем самым ущемлены. Символ «пиратского движения» – «пиратский штурвал» (*The Pirate Wheel*), имеющий восемь рукоятей, которые обозначают восемь базовых идеологических принципов². Сердцевину «штурвала» представляет главный принцип управления: каждый гражданин имеет политические полномочия и возможность использовать свой голос. От этого происходят восемь главных принципов: тайна частной жизни (*Privacy*); прозрачность выборной государственной власти

¹ Кутовенко А. Новые либертарианцы. Компьютерная газета А-Z. URL: <http://www.nestor.minsk.by/kg/2003/07/kg30709.html>

² Принципы разработаны Пиратской партией Швеции. URL: <http://falkvinge.net/pirate-wheel/>

для общества (*Transparency*); свободный обмен инструментами, идеями, культурой, знаниями и чувствами (*Ticks – Tools, Ideas, Culture, Knowledge and Sentiments*); гуманизм и равноправие (*Humanism*); институциональное, личностное, идеологическое и техническое разнообразие (*Diversity*); устойчивость к враждебным влияниям и природным катастрофам (*Resilience*); «массовая» («сетевая») экономика в противоположность индустриальной экономике (*Swarm Economy*); «законодательство качества» – соответствие законодательной базы основным критериям качественного труда во всех сферах (*Quality Legislation*). Все остальные положения «пиратской» идеологии вытекают из этих ключевых принципов.

Многие «пиратские» партии существенно дополнили их. Так, Пиратская партия США в 2012 г. представила расширенную идеологическую платформу, которая включала следующие принципы³: открытая культура (*Open Culture*) – никто не должен обладать властью, чтобы препятствовать свободному обмену и распространению идей, программ или произведений; прозрачность и открытость (*Transparency and Openness*) – деятельность государственной власти не должна быть скрыта от общества; неприкосновенность частной жизни и персональных данных (*Individual Privacy*) – угнетение в обществе обратно пропорционально мерам по защите частной жизни и персональных данных, индивидуумы должны быть свободны в принятии личных решений, которые не наносят вреда другим людям; отсутствие монополий (*Anti-monopoly*) – ни одна монополия не должна иметь возможности препятствовать свободному использованию, выражению, обмену, перекомпоновке или распространению идей, программ или произведений, нарушать частную жизнь или права человека; люди важнее организаций (*Individuals over Institutions*) – универсальные права человека касаются только людей, но не корпораций, обществ с ограниченной ответственностью или других коллективных объединений; пост-идеологическая ценностная меритократия⁴ (*Post-ideological Values-based Meritocracy*) – должны использоваться все возможности, но не должны приниматься решения, основанные на традиции, популярности, авторитете или политической целесообразности; эгалитаризм⁵ (*Egalitarianism*) – равенство и единые правила игры, принятие информации из любого источника, равное уважение ко всем людям.

В качестве общественно-политической модели «пираты» предлагают так называемую «подвижную, текучую демократию» (*Liquid Democracy, LD*), объединяющую и развивающую концепции прямой и представительной демократии, «демократии участия» (партиципаторной), «электронной демократии» и «сетевого общества».

Под часто употребляемым сегодня термином «электронная демократия» (*E-Democracy*) подразумевается усовершенствованная с помощью новейших информационно-сетевых технологий (ИСТ) система демократических процедур принятия политических решений с максимально широким участием гражданского общества (так называемое «коллаборативное управление»). Вариантами «электронной демократии» являются: «подвижная демократия», «сетевая демократия», «Демократия 3.0»⁶, «викидемократия», «облачная демократия»⁷. «Подвижная демократия» представляет собой гибкое сочетание элементов прямой и представительной демократии,

³ Our Name and Values. Pirate Party. URL: <https://uspirates.org/values-and-name/>

⁴ Меритократия (англ. meritocracy) – «власть достойных», система управления, при которой высшие должности занимают наиболее талантливые люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка, в условиях свободной конкуренции.

⁵ Эгалитаризм (англ. egalitarianism) – концепция, в основе которой лежит идея создания общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех его членов.

⁶ Термин введен в обиход Пиратской партией Франции.

⁷ Термин придуман российскими специалистами Леонидом Волковым и Федором Крашенинниковым.

предполагающее не только участие граждан в выборах и референдумах, а непосредственное «коллективное» законотворчество и государственное управление. «Сетевая демократия» акцентирует широкое участие гражданского общества («сетевого общества») в процессе принятия политических решений через Интернет. «Демократия 3.0» подразумевает использование наиболее современной интерактивной платформы *Web 3.0* для реализации концепции «сетевой демократии». «Викидемократия» (*Wiki-Democracy*) представляет собой модель прямой электронной демократии, основанную на соединении принципа совместной работы граждан над решениями (как в Википедии) и общего голосования по всем спорным вопросам (как при прямой демократии). Термин «облачная демократия» указывает на преимущественное использование «облачных» (сетевых) структур в демократических процедурах. Существует также близкий по смыслу термин «компьютерная адхократия» (*Software Adhocracy*), обозначающий максимально гибкую и предельно неформальную систему управления (в противоположность любой бюрократии).

«Подвижная демократия» – это наиболее гибкий вариант электронной демократии в «сетевом обществе». Ее ядром является идея «делегированного голосования» (*Delegated Voting, Proxy Voting*), которая ликвидирует разделение между решениями, принимаемыми путем прямого и опосредованного (через представителя) голосования. Отдельно взятый гражданин имеет право по собственному выбору либо голосовать напрямую, либо делегировать свой голос другим участникам голосования (в том числе экспертам), если чувствует себя некомпетентным в том или ином вопросе. Эта концепция родилась в недрах международного пиратского движения (а именно – в Пиратской партии Германии⁸) в духе его стремлении создать «прозрачное» государство на службе у общества, и в настоящее время является наиболее популярным вариантом развития электронной демократии на Западе. По словам бывшего руководителя Пиратской партии Германии Марины Вайсбанд, «...в будущем каждый человек, придя с работы, [будет тратить – авт.] пять минут на управление государством. Он должен иметь возможность включить компьютер, открыть страницу с актуальными вопросами... Человек может менять текст вопроса, предлагать собственные темы, просто голосовать. Или передавать свой голос по тем темам, которые он не владеет не в полной мере, тем, кому он доверяет: ученым, друзьям, политикам. Мы называем такую демократию не репрезентативной или прямой, а "*liquid*" (подвижной, текучей – авт.), потому что она может каждый день свободно перетекать из первой во вторую и обратно. Каждый может по разным темам передавать свой голос разным людям, забирать его обратно, когда хочет. То есть ...непрерывно участвовать в текущей политике»⁹.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на всю близость концепции электронной демократии и идеологии киберлибертарианства, они не тождественны друг другу. Киберлибертарианство – это именно новая идеология, родившаяся лишь с появлением информационного общества и ставшая альтернативой традиционным идеологиям. Электронная демократия (и все ее варианты) вообще не является идеологией, а представляет собой усовершенствованную с помощью новейших информационно-сетевых технологий идеальную модель политической системы (совершенной современной демократии). Однако можно утверждать, что идеологию киберлибертарианства невозможно представить себе ни в одной другой политической системе, кроме демократической, и реализация его принципов происходит в киберпространстве, в частности, методами электронной демократии.

⁸ http://wiki.piratenpartei.de/AG_Liquid_Democracy

⁹ Эй вы там, наверху! // Партнер, № 11 (170), 2011 г. URL.: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2011/11/170/5160>

Как представляется, киберлибертарианство имеет определенные политические перспективы, так как предлагает конкретные политические и экономические решения проблем, специфических для постиндустриализма и информационного общества. Подтверждением этому тезису служит стремительная карьера, которую сделали «пиратские» партии и в целом «пиратское» движение по всему миру: менее чем за десять лет с момента появления первой подобной партии (2006 г.), география движения стала всемирной, «пираты» получили депутатские мандаты в местных, государственных и даже региональных (Европарламент) представительных органах власти. Дальнейшая судьба Пиратского движения и самой идеологии киберлибертарианства зависит как от характера политических «вызовов», так и от того, насколько эффективные ответы способны будут дать на них сторонники новой альтернативной идеологии информационного века.

СМИРНОВ А.Н.
В ТИСКАХ ЭМАНСИПАЦИИ: ТРАДИЦИИ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА*

Существует ряд актуальных проблем, диагностирующих состояние европейского общества, в том числе выдающих его внутреннюю разбалансированность. Прежде всего, они открываются в аксиологической плоскости, где последние традиционные ценности еще противостоят натиску всепоглощающей эмансипации. Консерватизм дает более жесткие ответы на большинство гуманитарных вопросов, он настойчив и требователен в отстаивании человеческой природы и нормативных основ общественного бытия перед угрозой гедонистического разложения. В русле консервативного дискурса констатируется и обосновывается упадок социума, поддавшегося соблазну морального упрощения в соответствии с требованиями мнимого прогресса. Вытеснение традиционных ценностей в «заповедники» общественного сознания вызывает ответное стремление сохранить и по возможности воспроизвести хотя бы некоторое оставшееся.

Обозначенные проблемы тесно соприкасаются или даже переплетаются со сферой, составляющей религиозную подсистему европейского общества. Поддержание устоев общества предполагает культивирование традиционных ценностей, центральное место среди которых занимает религия. Как бы мы не заостряли свое внимание на социальных моментах, консервативная иерархия ценностей формировалась вокруг духовных приоритетов. «Первое поколение» европейских консерваторов было наиболее последовательно в отрицании волевого и рационального начала, а вернее, выводимой из него сущности политических отношений, на чем так упорно настаивали (и настаивают) поборники общественного прогресса. Представители либеральных и радикальных течений, обосновывая цели социальной эмансипации, признают их безусловный приоритет перед любыми прежними установлениями, что закономерно ставит вопрос об исходных политических принципах. Консервативные мыслители, напротив, говорят о моральных обязательствах, не зависящих от свободного и осознанного выбора людей, то есть, более соответствующих понятию долга. Как подчеркивает один из основоположников консерватизма Эдмунд Бёрк, «у нас имеются обязательства по отношению к человечеству в целом, которые не являются следствием какого-либо специального добровольного пакта»¹.

Европейские партии, представляющие всю широту политического спектра, до последнего времени оставались восприимчивы к духовным запросам, остро чувствовали их на уровне социальных практик и с учетом региональных особенностей довольно четко разделялись по своему отношению к религии. В максимально упрощенном виде противопоставление «левые – правые» соответствовало реальной идеологической антитезе, где атеизму и антиклерикальным настроениям оппонирует защита веры, церкви и религиозных устоев. Традиционное размежевание в религиозной сфере происходило между консерваторами и либералами. Мировоззренческий либерализм сводит религию к сугубо приватным вопросам, составляющим индивидуальный выбор верующего. Будучи спроецирован в политическую плоскость, он неизбежно приобретает секуляристскую направленность и ведет к вытеснению церкви за рамки государственной компетенции. И то и другое расходится с класси-

* Смирнов Алексей Николаевич – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

¹ Бёрк Э. Правление, политика и общество. М., 2001. С.91.

ческими консервативными установками, хотя на исходе XX века Европа, в сущности, распрощалась с религиозным консерватизмом. В протестантской Европе и во Франции христианские ценности востребованы политикой, но уже давно выполняют скорее атрибутивную функцию. Практически повсеместно католицизм, как мобилизующая общественно-политическая сила, сдал свои позиции. Глобализация, культурная плюрализация, социальная диффузия, информационный и потребительский бум последних десятилетий стали факторами возрастающей религиозной индифферентности европейского населения².

Переломный момент в эволюции консервативной идеологии наступил совсем недавно. Он был предопределен и обусловлен возникновением т.н. постмодернистского общества. В условиях массовой демократии и господства неолиберальных ценностей традиционно присущий консерватизму стиль мышления оказался неуместным и обременительным для атомизированного социума, поскольку налагал слишком строгие обязательства, а подчас даже ограничения на массы людей, утративших свою культурную самоидентичность. Большинству ныне живущих европейцев как минимум неочевиден смысл подобного подчинения, он выходит за рамки представлений об их практических потребностях. Обращение к традициям и к историческому наследию нередко носит характер имитации, обеспечивающей потребительский спрос на «культурные продукты». Реальные консервативные ценности, питавшие соответствующую идеологию, превратились в набор политических символов. Дух преемственности некогда утверждал жизнеспособность консерватизма, но сам оказался бессилён перед вызовами эпохи. Воплощавшие его социальные институты, в первую очередь традиционная нуклеарная семья и церковная община, настолько ослабли, что окончательно перестали ассоциироваться с моделью современного общества. Это стало фактическим приговором традиционному консерватизму и знаменовало наступление системного кризиса для всех консерваторов. Под таковыми мы понимаем любые политические течения, ассоциирующие себя с консервативными ценностями, безотносительно их «индивидуальных» идеологических склонностей и предпочтений, будь то неолиберализм, неоконсерватизм или правый популизм.

Чтобы понять принцип взаимодействия между религией и политическим консерватизмом в современной Европе, обратимся к примеру Германии. При в целом низком уровне религиозности общества для большинства немцев характерна устойчивая зависимость, существующая между политическими предпочтениями и конкретным вероисповеданием. Подобная приверженность носит традиционный характер и позволяет зонировать территорию Германии в соответствии с политико-религиозной ориентацией населения. В преимущественно католических Баварии, Баден-Вюртемберге, Рейнланд-Пфальце господствующие политические позиции занимают христианские демократы (и их союзники из ХСС), тогда как Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония и Бранденбург с преобладающей долей протестантов являются оплотом социал-демократов. Особенно отчетливо подобное размежевание обозначилось к концу минувшего столетия, когда Германия переживала очередной политический «перелом» – после рекордно длительного периода правления ХДС/ХСС уступила власть коалиции СДПГ и Партии «зеленых»³.

С определенными оговорками можно утверждать, что до конца XX века немецкие консерваторы еще сохраняли христианские черты в своем партийно-политическом облике, то есть номинально декларируемая приверженность христи-

² Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С.139.

³ Иерусалимский В. Церкви Германии перед вызовом секуляризации // Современная Европа, 2006, №4. С.96.

анским ценностям подкреплялась связью политиков с религиозными институтами и структурами.

Вплоть до 70-х годов XX века обычной практикой католической церкви были «предвыборные» обращения к пастве с настойчивой рекомендацией голосовать за «богоугодный» блок ХДС/ХСС или его кандидатов. Церковные структуры и христианские партии пребывали в состоянии тесного симбиоза, под их идеологическим воздействием находились все сферы социальной жизни германского общества. В то же время доктринальные противоречия между католицизмом и лютеранством отходили на задний план перед общим антикоммунистическим мировоззрением. Приверженность рыночной, плюралистической модели развития, в сущности, актуализировалась необходимостью противостоять коммунизму не только как чуждой общественной формации, но и как «царству безбожия»⁴.

Успех христианско-демократического движения в ФРГ был связан с еще сохранявшейся сетью традиционных институтов – основной социальной базой массового консерватизма. Германский консерватизм, потерявший за полвека опору в виде монархии, сословий, национального духа, милитаристского сознания, подпитывался «снизу» мощной культурной традицией и деятельностью местных околоцерковных союзов. Они увязывали воедино конфессиональную, социально-профессиональную и локально-земляческую самоидентификацию граждан.

Первый и наиболее мощный удар по немецкому консерватизму был нанесен в конце 60-х – первой половине 70-х годов, когда Германию и всю Европу охватили массовые демократические протесты. Хотя основные протестные требования формулировались в политической плоскости, сами молодежные бунты порождались мировоззренческим сдвигом, произошедшим в этот период. Если отрешиться от частностей, становится очевидным, что главным объектом выступлений являлись социальные и бытовые устои, в которых еще сохранялся дух традиционализма. С этого момента кризис немецкой религиозности принял, видимо, необратимый характер. Влияние церквей неуклонно ослабевало в связи с прогрессирующей секуляризацией массового сознания.

Католическая церковь, имеющая традиционную опору в лице избирателей ХДС/ХСС, еще претендует на роль духовного проводника, однако, с каждым годом ей все сложнее реализовывать заявленную позицию. Ситуация осложняется тем, что сама христианская традиция стала предметом острых внутрицерковных дискуссий между либералами и консерваторами. Последние не удерживаются в сугубо религиозных рамках и от вероисповедальных вопросов, проблем христианской этики или взаимоотношений с иными конфессиями все чаще переходят к социально-политическим реалиям, вторгаются в сферу публичной политики, подвергая жесткой критике партии и конкретных политических деятелей. Примером может послужить позиция, занимаемая лидером консервативного крыла – кельнским кардиналом Йозефом Майснером. Представляя взгляды католических ортодоксов, Майснер решительно выступает против вольностей последних лет вроде разговоров о рукоположении женщин и отмене целибата, компромиссов в русле экуменизма или недопустимо снисходительного отношения к моральной «эмансипации». Будучи последовательным борцом за христианские устои, не склонным строго разграничивать светское и религиозное, кельнский кардинал критически оценивал и деятельность ХДС/ХСС. По его мнению, обе партии так далеко зашли по пути секуляризации, что уже «утратили право на имя Христово»⁵.

⁴ Там же. С.107.

⁵ Der Spiegel, 2005, H30, S.52.

С другой стороны, догматикам-консерваторам, получающим поддержку в Ватикане, противостоит умеренно-прагматическое течение в германском католицизме. Показателен конфликт, разгоревшийся вокруг отношения церкви к проблеме аборт. Опасаясь конфронтации с обществом, большинство иерархов предпочли поддержать закон, принятый в 1995 году правительством Г.Коля, который при определенных условиях легализовывал аборт.

Нет никаких оснований полагать, что секуляризация германской политической сферы, начавшись несколько десятилетий назад, достигла финальной стадии. Политический выбор уже не является вопросом веры, вместо убеждений действуют прагматические побуждения, а идеалы, если и существуют, являют собой нечто смутное и маловыразительное. Переход от «сакральной» к «секулярной» политике закономерным образом минимизировал влияние религии как наиболее мощного «фактора» сакрализации. Коль скоро роль церкви в жизни людей снижается, доля электората, сохраняющего традиционные приверженности, также уменьшается – соответственно сокращению числа верующих⁶.

Попытки реанимировать консерватизм, вернуть его к активной политической жизни имели бы больше шансов на успех, если бы они предполагали возрождение интеллектуальной и, особенно, духовной традиции. Но европейские правоцентристы исповедуют строгий секуляризм, мотивируя его императивами «политкорректности» и религиозной индифферентностью государства. Между тем, на кону стоит нечто более существенное, нежели сохранение «светского целомудрия». Если подходить к пониманию консерватизма как системной исторической альтернативы, противопоставляющей себя универсалистским доктринам Нового и Новейшего времени, сознательный отрыв от христианских корней ради каких-то иных универсальных ценностей равноценен отказу от себя.

Вместо попыток спасти хоть что-то мы наблюдаем совершенно противоположные тенденции, которые нельзя расценивать иначе как признаки глубинной эрозии политико-культурных и мировоззренческих основ современного западного общества. Под громкие призывы к защите демократических «завоеваний» европейские политики, именующие себя консерваторами, активно включились в кампанию поддержки сексуальной эмансипации. Яркий пример тому демонстрирует Великобритания. Пожалуй, наиболее откровенным свидетельством перерождения английских консерваторов является законопроект о легализации однополых браков, принятый нижней палатой парламента в мае 2013 года. Значительная часть депутатов от Консервативной партии во главе с премьер-министром Дэвидом Кэмероном голосовала в поддержку скандального законопроекта. Сам Кэмерон определил свою позицию давно и однозначно. Еще в конце 2011 г., выступая на партийной конференции, он заявил: «Однополые браки сделают семьи сильнее. Общество сильно тогда, когда мы берём на себя обязательства по отношению к кому-то другому. Я поддерживаю однополые браки не вопреки тому, что я консерватор. Я поддерживаю их именно из-за того, что я консерватор»⁷. Эта фраза передает суть смысловой метаморфозы, произошедшей в консервативной идеологии. Традиционно семья занимала центральное место в системе аксиологических представлений консерваторов. Она являлась основополагающей ценностной доминантой, причем не только в сфере мо-

⁶ Каширских О.Н. Политические партии Германии в контексте модернизации политических коммуникаций // Полис, 2009, №2, С. 115.

⁷ См.: MPs to defy Cameron on gay marriage move. URL: www.expressandstar.com/news/politics/2012/12/02/mps-to-defy-cameron-on-gay-marriage-move

рали, культуры и социального бытия. Институту семьи придавалось громадное политическое значение.

Осознавая некоторую двусмысленность своих взглядов по вопросам поддержки сексуальных меньшинств, «реформаторски настроенная» часть британских консерваторов обращается к идейному наследию предшественников, «творчески» его переосмысливая. Едва ли кто-то станет возражать утверждению, что быть консерватором – значит чутко реагировать на вызовы времени. Успешные политические партии не «тянут» массы в «светлое будущее», но и не «тянутся» сами вслед за ними, потакая сиюминутным желаниям. Они отражают современные общества, стремясь вести их вперед. По мнению реформаторов, именно так и поступают тори. Тут как нельзя кстати пришли слова Маргарет Тэтчер. Представляя предвыборный манифест Консервативной партии 1979 года, «железная леди» сказала: «сердце политики это не политическая теория, это люди и то, как они хотят жить»⁸. Правда, сама она едва ли могла предположить, насколько далеко и в каком именно направлении станет развиваться британская консервативная мысль. Современные тори также «не имеют претензий» к правительству Тэтчер, а ведь в свое время им был инициирован ряд мер запретительного характера, направленных против пропаганды гомосексуализма.

Группа противников закона из числа консерваторов отправила Кэмерону открытое письмо, обвинив его в пренебрежении интересами партии. С точки зрения авторов послания, дело даже не в самом законе, а в том ущербе, который он наносит имиджу консерваторов. Представители правого партийного фланга полагают, что, выступая с подобными инновациями, Кэмерон теряет поддержку традиционного электората и не приобретает при этом достаточного числа новых сторонников. В результате пострадают электоральные перспективы партии на следующих выборах⁹.

Сторонники однополых союзов используют схожую аргументацию. Так, канцлер казначейства Джордж Осборн заявил депутатам от Консервативной партии, что они должны поддержать «брачное равноправие», поскольку в противном случае рискуют проиграть следующие выборы. По мнению Осборна, «явное большинство общественности выступает за изменения» и он «испытывает гордость», работая над тем, чтобы они произошли как можно скорее. В подтверждение своих слов канцлер казначейства даже обратился к опыту Соединенных Штатов. Если верить Осборну, именно поддержка президентом Обамой полноценного брака для гей-пар «воодушевила молодых избирателей», став одним из факторов его победы при избрании на второй срок¹⁰. Борцы за «прочную однополую семью» указывают консерваторам на возможность позиционировать себя как прогрессивную силу, адаптированную к «требованиям общества». Им не откажешь в своеобразной логике: раз брак является консервативной ценностью, то консерваторы должны на этой почве объединиться с ЛГБТ-сообществом и помогать последнему «бороться за свои права».

Серьезное недовольство принятым законом выразили не только некоторые парламентарии, но и представители церкви – как католической, так и англиканской. Государственный закон вряд ли заставит их признать однополые браки и венчать геев. Таким образом, с подачи премьер-министра вбивается очередной мощный клин

⁸Conservative General Election Manifesto 1979/ Margaret Thatcher Foundation. URL: www.margaretthatcher.org/document/110858

⁹David Cameron pledge to Tories: No more divisive issues like gay marriage. URL: www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/10072653/David-Cameron-pledge-to-Tories-No-more-divisive-issues-like-gay-marriage.html

¹⁰Tories won't win if we don't back gay marriage, says Osborne: But party Right urges him to focus on 'the issues that really matter. 13 November 2012. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-2232194/US-Presidential-election-shows-Tories-gay-marriage-lose-power-George-Osborne-warns.html

между церковью и обществом. Церковный и светский браки не просто разводятся, но и противопоставляются друг другу в силу абсолютной несовместимости христианских норм с «общечеловеческими». Борьба за права сексуальных меньшинств уже не первое десятилетие является актуальной темой европейской политики. За это время сформировалась определенная традиция, вполне достаточная, чтобы к ней апеллировали консерваторы. Но в случае с однополыми браками происходит подмена самого понятия, ассоциирующего защиту меньшинств с их специфическим положением. Заставляя воспринимать такие союзы как норму (хотя их аномальность очевидна в силу элементарных физиологических причин) политики подрывают традиционные, по сути – христианские устои семьи и брака на уровне базовых представлений. Имеются в виду представления о том, что семья рождается из естественного союза мужчины и женщины, а у ребенка должны быть отец и мать.

Какими же резонами руководствовался британский премьер, проталкивая законопроект, столь неоднозначно воспринимаемый даже его однопартийцами? Если отбросить пространные рассуждения о помощи «обделенным» гомосексуальным парам и страдающим подросткам-геям, остаются причины политического порядка. За последние годы Консервативная партия Великобритании существенно изменила свой идеологический профиль. Партийная «модернизация», начатая Дэвидом Кэмероном еще до занятия премьерского кресла, выразилась в настойчивом муссировании «гуманитарных» вопросов, которые принято считать далекими от традиционной повестки дня тори. Среди них особое место занимают экологические проблемы и все те же права гомосексуалистов. Столь пристальное внимание к данным темам находится в тренде европейской политики, и британские консерваторы из чисто конъюнктурных соображений не могли оставаться в стороне. Вопреки ожиданиям, это не принесло Кэмерону и его соратникам, существенных политических дивидендов. Мало того, что консервативный электорат раскололся по вопросу поддержки однополых браков, даже сторонники законопроекта не верили в искренность главы правительства, а противники так и вовсе твердо убеждены: премьер легко пожертвовал ценностями, составляющими идейный багаж своей партии, в угоду сомнительным политическим выгодам¹¹.

Теперь посмотрим, как обстоит дело в тех самых «других» странах к правительствам которых взывал британский премьер, озабоченный проблемой расширения сексуальных свобод. Особый интерес для нас представляют государства, следующие консервативным курсом, согласно установкам доминирующих политических сил. Их реакция на массированную и агрессивную пропаганду «новой морали», ведущуюся в последние годы, может служить своеобразным «барометром» европейского консерватизма.

Подобно «бастиону» на пути модных европейских веяний стоит католическая Польша. Главным побудительным мотивом, заставляющим польских политиков противостоять «ползучей эмансипации» является вполне четко выраженная позиция большинства населения. Она же, в свою очередь, напрямую проистекает из социальной доктрины католической церкви, осуждающей любые формы однополых связей и особенно посягающих на таинство брака.

Показательна дискуссия, разгоревшаяся в польском сейме вокруг так называемых «партнерских союзов». Данный способ легализации отношений касается не только однополых, но и гетеросексуальных пар, не зарегистрированных посредством официально оформленного брака. Однако именно «нетрадиционный» аспект про-

¹¹ Britons vote in favour of same-sex marriage: Public backs PM on gay marriage but says he's doing it to be trendy. 15 December 2012. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-2248833/Britons-vote-favour-sex-marriage-Public-backs-PM-gay-marriage-says-hes-doing-trendy.html.

блемы, очевидно, послужил основанием для ее обсуждения на законодательном уровне. К январю 2013 г. вопрос о «партнерских союзах» достиг парламента. В ходе голосования выяснилось, что ни один из четырех законопроектов о регламентации подобных отношений, включая вариант, предложенный правящей либерально-консервативной партией «Гражданская платформа», не проходит. Подавляющее большинство парламентариев высказались за то, чтобы вообще снять данный вопрос с повестки дня, причем часть депутатов от «Гражданской платформы» проголосовали наперекор политике своей партии, явно ориентируясь на консервативную часть электората¹².

Ситуация до некоторой степени напоминает протесты, возникшие примерно тогда же в Консервативной партии Великобритании по поводу курса на легализацию однополых браков. Правда, в британском случае речь шла не о партнерских союзах, а о полноценных юридически оформленных брачных отношениях. Кроме того, оппоненты политики Дэвида Кэмерона апеллировали в основном не к представлениям о традиционной морали, имеющим отчетливую религиозную подоплеку, а к тому негативному воздействию, которому неизбежно подвергнутся имидж и электоральные перспективы партии. Для польских политиков, исповедующих последовательный консерватизм, отправной точкой являются конституционные нормы, не допускающие «гендерных вольностей», когда речь идет о браке и семье. Разумеется, в эту точку «сходятся» католические принципы и взгляды основной массы польского населения¹³.

Выразителем позиции «последовательных консерваторов» стал бывший министр юстиции в правительстве Туска и лидер консервативного крыла «Гражданской платформы» Ярослав Говин. Признавая сексуальную ориентацию сугубо интимной стороной человеческого существования и настаивая на толерантном отношении к ее проявлениям, Ярослав Говин выступил категорически против попыток построения политической гей-идеологии¹⁴. Таким образом, польские консерваторы еще надеются удержать сексуальность за рамками социально-политических отношений. В этом угадывается отличие Польской Республики от многих стран Запада, где гей-движения давно и прочно вовлечены в политику.

Также заслуживает внимания ситуация в Венгрии. Новый Гражданский кодекс страны, включающий в себя положения о зарегистрированных партнерствах был одобрен парламентом еще в сентябре 2009 года. Согласно ему, возможна регистрация партнерских отношений, в том числе и для однополых пар. Партнеры пользуются всеми правами и обязанностями брачных пар, кроме права брать совместную фамилию, усыновлять детей и пользоваться доступом к искусственному оплодотворению. Тем не менее, брак в Гражданском кодексе по-прежнему определялся как союз мужчины и женщины. Документ был принят при поддержке правящей на тот момент Венгерской социалистической партии и некоторых депутатов из либерального Альянса свободных демократов, ранее входивших в коалицию. Правые партии выступили резко против. Наибольшей критике подверглись положения, связанные с зарегистрированными партнерствами для однополых пар.

Противники Закона о зарегистрированном партнерстве (положения которого воспроизведены в Гражданском кодексе) обратились в Конституционный суд с пети-

¹²Polish parliament rejects efforts to legalize gay unions. 25 January 2013. URL: www.reuters.com/article/2013/01/25/us-poland-homosexuals-idUSBRE90O0LU20130125.

¹³Paweł Wroński. Polacy: Związki partnerskie nie dla gejów. 28.02.2013r. URL: m.wyborcza.pl/wyborcza/1,105226,13473637,Polacy_Zwiazki_partnerskie_nie_dla_gejow.htm

¹⁴Tusk kontra Gowin – debata związki partnerskie. 25.01.2013 r. URL: www.youtube.com/watch?v=nipEXY9L_hI

цией о признании Закона неконституционным. В числе обратившихся были Христианско-демократическая народная партия и партия Фидес – Венгерский гражданский союз, а также целый ряд христианских организаций. По итогам разбирательства суд отклонил все претензии, постановив, что права однополых пар на юридическое признание и защиту вытекают из закрепленного в конституции права на человеческое достоинство. Суд также признал введение аналогичного браку учреждения для однополых пар конституционной обязанностью государства. Решение Конституционного суда изменить нельзя. Но ведь можно поменять конституцию.

Победа правых консерваторов на парламентских выборах в 2010 г. положила предел либерализации семейного законодательства. В апреле 2011 г. венгерский парламент подавляющим большинством голосов принял новую конституцию, вступившую в действие с начала 2012 года. Ее проект был поддержан правящей партией Фидес – Венгерский гражданский союз. Как следует из текста нового Основного закона, венгерский народ объединяют «Бог и христианство». За государством закрепляется обязанность защищать жизнь, которая начинается в момент зачатия, что фактически означает запрет на аборт. Брак же обозначается только как союз мужчины и женщины¹⁵.

Однако тема отнюдь не исчерпывается борьбой за пресловутое «брачное равноправие» или даже агрессивной гей-идеологией, проникающей во все пласты социальной жизни. В не меньшей степени европейских консерваторов тревожит культурная экспансия, заставляющая принимать очень сомнительные ценности «новой толерантности» в качестве безоговорочной нормы.

Как показывает европейская практика, при фактическом самоустранении политиков-консерваторов от проблемы гендерной эмансипации или их «переходе на сторону» прогрессистов-эмансипаторов, только религия может послужить надежным идейным стержнем «обывательского» консерватизма. Поэтому размывание религиозных основ сознания и, тем паче, изгнание религии из общественной жизни в сферу «приватной духовности» ведет к тому, что казалось бы на 100% «приватная» сексуальность вдруг становится необыкновенно значимым и даже определяющим фактором существования социума с перспективой превращения в политически окрашенный фетиш. Все чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда политически активное сексуальное меньшинство диктует свою волю пассивному большинству при фактической поддержке со стороны государства и евробюрократии. В таких случаях консервативно настроенные граждане сами оказываются меньшинством перед лицом «прогрессивно мыслящей общественности», четко ассоциирующей себя с политическим «мейнстримом».

В секулярных западных обществах «борьба с пережитками» осуществляется на уровне культурных стереотипов. Ситуация в Восточной Европе пока еще разительно отличается. В большинстве государств (за исключением Чехии) «обывательский» консерватизм слишком силен, чтобы власть могла позволить себе не считаться с ним. Соответственно, религиозные мотивы традиционного сознания здесь также выражены сильнее.

Признание однополых, а по факту – «бесполых» браков на законодательном уровне, осуществленное целым рядом европейских государств, обозначило новые горизонты гендерной эмансипации. Под видом плюрализма сексуальных предпочтений насаждается унифицированная, сексуально индифферентная и по сути своей бюрократическая модель регулирования личной жизни. Уместно говорить именно о «бесполости», поскольку с подачи парламентских партий (в том числе и «консерва-

¹⁵Венгерский парламент принял новую конституцию, 18 апреля 2011. URL: lenta.ru/news/2011/04/18/hungary

тивных») законодательное игнорирование гендерной принадлежности касается теперь не только однополых пар. Не во всех странах это происходит сразу, но, как говорится, тенденция налицо.

В контексте доминирующей либеральной парадигмы мы привыкли отождествлять демократию с непрерывным расширением поля индивидуальных прав и свобод. При этом как-то забывается, что в основе демократии лежит концепция неотчуждаемого естественного права. А естественные семейные узы, безусловно, и есть один из примеров таких неотчуждаемых прав. Заменяя эти естественные узы на искусственно созданные посредством законодательного переопределения системы семейных отношений, государство не просто раздвигает границы допустимого. Оно самым решительным образом вторгается в «заповедные владения» общества, где веками существуют и воспроизводятся структуры, более древние и фундаментальные, чем сами государственные отношения. Так что попытки ряда «консерваторов» усилить институт семьи посредством поддержки однополых браков будут иметь по меньшей мере один закономерный результат – усиление присутствия государства в частной жизни людей. Нетрудно заметить, насколько подобный исход противоречит духу и сути демократии.

В столь сложных условиях философы-традиционалисты задаются вопросом о состоятельности политического консерватизма как такового. Ему противопоставляется консерватизм обывателей, не склонных к релятивизации своих представлений о сфере допустимого, чем так активно грешат «официальные» консерваторы. Рядовые члены общества формируют собственный «консервативный лагерь» в силу естественной приверженности традиционному порядку вещей, сложившемуся в той или иной стране. Этот порядок они поддерживают самым своим существованием, образом мысли и действия. Не случайно известный британский публицист и философ Роджер Скратон считает консерватизм «проблемой национальной идентичности»¹⁶. Сила привычки, присущая обывателю, побеждает там, где идеология демонстрирует откровенную слабость и даже ущербность. Консерватизм как идеология был в буквальном смысле «приватизирован» многочисленными группами интересов и оказался перед жестким выбором: подчиниться «мэйнстриму», приняв прежде неприемлемые формы социальных взаимоотношений в качестве нормы, или, сохранив самотождественность, сместиться в маргинальную часть политического спектра. Такая постановка вопроса явно не способствует идейному возрождению консерватизма. Многие находят естественным и закономерным угасание консервативной идеологии, утешая себя тем, что в нынешнем быстро меняющемся мире попросту отсутствуют идейные устои, способные послужить основой для долгосрочной политической программы. Судя по всему, по крайней мере в странах «старой» Европы подобный подход окончательно возобладал в рамках традиционных консервативных партий. И большой вопрос, удастся ли набирающим силу крайне правым политическим силам и правым популистам изменить сложившуюся ситуацию.

¹⁶ Scruton R. Identity, family, marriage: our core conservative values have been betrayed. URL: www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/11/identity-family-marriage-conservative-values-betrayed.

СОЛОВЬЕВ Э.Г.
КОНЕЦ ЭРЫ ЛИБЕРАЛИЗМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ*

Международные отношения середины и второй половины XX столетия характеризовались тем, что традиционный комплекс факторов, лежащих в основе мировой политики, возможно, впервые со времен религиозных войн XVI в., был дополнен идеологическим компонентом. Причем идеологическая составляющая по мере развития холодной войны и биполярного противостояния имела тенденцию к превращению в один из главенствующих (если не решающих) факторов мировой политики. Многие аналитики отмечают, что холодная война представляла собой не только традиционную для международных отношений очередную фазу борьбы за мировое господство, но одновременно и идеологическую войну, призванную навязать противостоящей стороне определенный образ жизни, систему ценностей, форму социального устройства, политический режим и т.д. В результате во время холодной войны идеологический конфликт приобрел во многом самодовлеющее значение, составлял основной нерв противостояния в рамках сформировавшейся биполярной системы международных отношений. Противостояние полюсов подразумевало не просто конкуренцию или напряженные отношения между двумя антагонистами, а чуть ли не священную войну, в которой одна из двух соперничающих систем должна одержать победу, а другая – исчезнуть. Два противоборствующих полюса разыгрывали идеологически обусловленную игру с нулевой суммой, в соответствии с которой весь мир по сути дела был разделен на сферы интересов и идеологического влияния.

Не случайно поэтому с завершением холодной войны в общественно-политическом дискурсе стран Запада была актуализирована проблематика «конца идеологий». Во всяком случае, утверждалось как аксиома, не требующая доказательств, что внешняя политика утрачивает идеологическое измерение. Однако на самом деле идеологическая составляющая оказалась глубоко интегрирована в формировавшийся «новый» мировой порядок. Само доминирование стран Запада в складывавшейся системе международных отношений легитимировалось во многом посредством идеологического инструментария. Более того, в рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и сто, и двести лет назад, пытались играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.)¹. В этом смысле система международных отношений по-прежнему являла собой картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежала исключительно странам Запада. Неудивительно, что именно в этот период (в 1990-х гг.) получили широкое распространение многочисленные концепции т.н. «наступательного» либерализма, предполагавшие возможность активного (в т.ч. с помощью применения силы ведущими мировыми демократическими державами) продвижения демократических институтов и ценностей, смены режимов по всему миру как главного условия обеспечения мира и

* Соловьев Эдуард Геннадьевич – к.полит.н., зав. Сектором теории политики ИМЭМО РАН.

¹ См. об этом: Buzan B. From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.

всеобщей безопасности – исходя из постулата о том, что демократии способны обеспечить good governance, т.е. эффективное правление, и к тому же «демократии не воюют друг с другом». А либерализм как идеология и либеральная теория международных отношений оказались на пике влияния к рубежу XX-XXI вв.

Расцвет либерализма

В 1992 г. Ф.Фукуяма принес в мир «благую весть» о конце истории, в связи с тем, что победа либеральной демократии знаменует собой окончание «исторических» конфликтов между государствами. В этот период произошли действительно тектонические изменения в системе международных отношений – классическая биполярность стала фактом прошлого, подошла к концу (в интерпретации западных исследователей – закончилась безоговорочной победой Запада) холодная война. Распад Советского Союза стал восприниматься многими политиками и исследователями не только как рубеж окончания идеологических конфликтов, но и как логический конец геополитики (от несовершенного баланса сил периода Нового времени через биполярность эпохи холодной войны к консолидированному, стабильному и управляемому однополярному миру («новому мировому порядку»)). В данной интерпретации история подошла к своему логическому концу. Место геополитики и политического реализма, озабоченного соотношением сил, проблемами безопасности и структурными факторами мировой политики, заняли распространение либеральных норм и институтов, а также проблемы поступательного социально-экономического развития. Идеологические битвы, как предполагалось, остались в прошлом. Дипломаты, по утверждениям ряда представителей экспертного сообщества, получили возможность сконцентрироваться на «идеологически нейтральных» вопросах определения правил торговли и борьбы с изменением климата. Особенно соблазнительной идея конца идеологии выглядела для Соединенных Штатов и их союзников. При таком развитии событий Вашингтону можно было бы минимизировать издержки на поддержание собственного лидерства в рамках возникающего либерального (и при этом униполярного) мирового порядка, используя все преимущества от глобализации и открытости мировых рынков. Европейцы также выступали бенефициарами нового однополярного миропорядка, поскольку получали дополнительные возможности для проецирования в глобальном масштабе своей «мягкой силы» и влияния (не говоря уже о перспективах расширения ЕС на восток).

Период после окончания холодной войны обладал рядом специфических черт. Прежде всего, на протяжении почти двух десятилетий никем не оспаривалось глобальное лидерство США (большое число аналитиков и экспертов открыто говорили об американской гегемонии, о «гипердержаве» и т.д.). Совокупная мощь США действительно впечатляла. На них приходилось на пике (примерно в 2000 г.) более 20% мирового ВВП, почти половина мировых военных расходов. Соединенные Штаты оказались мировым инновационным центром и глобальным технологическим лидером. Попытки закрепления американского доминирования в мировых политических и экономических процессах, в принятии ключевых решений глобального масштаба рассматривались в этом контексте на протяжении последних двух с лишним десятилетий как вполне обоснованные, а американское политическое лидерство – как *de facto* легитимное.

Еще в ходе биполярного противостояния США приняли активное участие в создании системы международных норм, которая служила их интересам и поддерживала и развивала продвигаемые ими ценности. К моменту падения Берлинской стены Соединенные Штаты добились невероятного успеха в легитимации и институционализации собственных притязаний на власть и влияние в глобальном масштабе – прежде всего за счет подтверждения жизнеспособности собственной модели поли-

тической и экономической организации и триумфа либеральной идеологии. Активно продвигаемую США либеральную модель (Вашингтонский консенсус), включавшую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства мира принимали прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективной. Глобализация, понимаемая прежде всего как вестернизация, воздействие стран Запада на трансформирующиеся политические сообщества и экономики стран третьего мира, получила широкое, почти общемировое признание.

Однако в это самое время система международных отношений объективно оказалась под воздействием противоречивых и подчас парадоксальных эффектов глобализации и трансформации мировой политики. С одной стороны, рост взаимозависимости подталкивал к сотрудничеству перед лицом общих проблем, к выработке общих норм и правил поведения мировой политики, к совершенствованию существующих и созданию новых эффективно функционирующих международных институтов. Но одновременно глобализация с ее неравномерностью развития и очевидно получающим основные преимущества авангардом в лице ведущих государств и некоторых транснациональных сил (включая ТНК) вела и к обострению целого ряда проблем, порождая серьезные экономические и политические диспропорции и вытекающие из них кризисы и социальные потрясения.

В рамках дебатов по теории международных отношений и современному состоянию дел в мировой политике западными авторами в последнюю четверть века, как правило, акцентировался кризис Вестфальской системы и эрозия функций суверенного «вестфальского» государства под давлением внешних (глобализация, преобладание транс- и наднациональных институтов, вызов новых акторов мировой политики и т.д.) и внутренних (принцип субсидиарности как средство обеспечения эффективности управления, тенденции федерализации, автономизации, возникновения новых идентичностей и т.д.) факторов. Кризис суверенного «вестфальского» государства являлся дополнительным аргументом в утверждении позитивного влияния на международные отношения ситуации формирующейся однополярности («однополярного момента» (unipolar moment)) и преобладающего либерального консенсуса. Анархичная по определению (гоббсианская) международная среда противопоставлялась все более упорядоченным отношениям в рамках формирующегося либерального униполя, где роль верховного арбитра в формировании и утверждении правил игры, равно как и в обеспечении их соблюдения, должны были играть США и страны Запада. Новый мировой порядок базировался на совершенно определенной либеральной идеологической платформе.

Приверженцы либерально-идеалистических взглядов по сей день утверждают, что анархичность международных отношений постепенно преодолевается на пути формирования международного сообщества (а в перспективе и международного общества, как постулируется сторонниками одного из направлений английской школы теории международных отношений), объединенного общепризнанными правилами поведения основных акторов, а затем и разделяемыми общими ценностями, идеалами. Подобные концептуальные построения основываются на идеях распространения либеральных ценностей, отчасти благодаря либеральной экономике и усилившейся экономической взаимозависимости, отчасти благодаря установлению либерального правопорядка, призванного формировать и поддерживать автономию глобального гражданского общества, и отчасти благодаря успешному опыту функционирования либеральной системы в рамках современных западных государств и их союзов. Рыночная экономика в условиях демократии является неперенным условием, необходимым фактором обеспечения всеобщей безопасности и мира. Либеральные ценности включают применительно к международной среде, прежде всего,

утверждение единых правил поведения основных участников (идеалом либерального миропорядка выступает поддержание единых для всех участников игры норм и стандартов поведения), принцип открытости (либерализм в мировой политике противостоит изоляционизму, протекционизму, закрытым «сферам влияния» и любым другим формам ограничения международного взаимодействия), принцип рациональной управляемости процессами (базируется на предпосылке о том, что глобальная управляемость в той или иной форме не только желательна, но и практически достижима, и что повышение уровня управляемости мировой системы отвечает фундаментальным интересам всех ответственных участников этой системы). Как отмечают сторонники либеральных подходов, нельзя недооценивать и устойчивость современной системы международного права. Безусловно, нормы этого права периодически нарушаются, в том числе и ведущими западными державами. Но такие нарушения были и раньше. Тем не менее, сегодня система международно-правового регулирования мировой политики, экономики, финансов в целом более совершенна и эффективна, чем когда бы то ни было ранее, а предметом международно-правового регулирования стали многие сферы, которые ранее были объектом исключительно внутреннего законодательства или вообще не подлежали правовому регулированию.

Дебатам по вопросам внешней политики в странах Запада до последнего времени был присущ выраженный идеологический уклон. Либерализм и формируемый на его основе либеральный миропорядок связывают с ролью международных организаций, с многосторонностью, с правами человека, с акцентом на «мягкую силу» в мировой политике, с отказом от силовых методов решения международных проблем. Не только либералы, но и неоконсерваторы убеждены в том, что демократические институты являются предпосылкой выстраивания стабильных доверительных отношений между государствами, а недемократические сообщества по своей природе нестабильны, ненадежны и склонны к опоре на силу.

В контексте торжества либеральной идеологической парадигмы утверждалось как аксиома, что либерализация необходима для обеспечения всеобщего мира и безопасности. Нелиберальные государства, якобы, в большей мере склонны проявлять агрессию и пытаться наращивать военную мощь. Либеральные же режимы, напротив, более миролюбивы. Соответственно, уровень угрозы в международных отношениях зависит от соотношения либеральных и нелиберальных режимов. В этом контексте смена режима, демократизация («распространение демократии») является наиболее предпочтительной стратегией обеспечения безопасности и собственного морального и политического лидерства странами Запада. Экономическая взаимозависимость и международные институты являются альтернативными либеральными стратегиями, направленными на смягчение политики государств, создание более мирной и кооперативной международной среды. При этом либералы акцентируют положение о том, что либерализм универсален, применим вне зависимости от национальных и культурных различий.²

В интерпретации либералов-институционалистов, глобализация и все более плотные сети транснационального обмена информацией и коммуникации приводят к усилению спроса на международные организации и новые формы регулирования. Это объективный процесс. Через хаос и анархию международных отношений все равно будут пробиваться ростки либерального миропорядка. В условиях глобальной взаимозависимости участники мировой политики неизбежно будут пользоваться либеральными нормами и политическим инструментарием, независимо от того, призна-

² См. об этом: Ikenberry J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

ют ли они их либеральное идеологическое основание. Международные институты и режимы необходимы для того, чтобы решать все более сложные дилеммы коллективного действия, которые появляются в глобализованном мире. Поскольку крупные государства расширяют диапазон своих интересов и все сильнее интегрируются в мировую экономику и мировое сообщество, они, несомненно, ценят привлекательность функциональных преимуществ, которые предлагают им международные режимы и институты, и вынуждены придерживаться более скоординированных линий поведения, нежели это имело место в предшествующие эпохи. Либеральный мировой порядок достаточно прочен и способен абсорбировать новые страны. С некоторыми из них довольно сложно иметь дело из-за их масштабов и цивилизационной своеобычности. Китай, например, является «слишком большим, чтобы его игнорировать, слишком репрессивным, чтобы с ним обниматься, трудным для того, чтобы оказывать на него влияние, и очень, очень гордым»³. Но, как отмечал Дж.Айкенберри, по мере развития таких быстрорастущих стран, как Китай, у них появляется необходимость защищать все больше «активов», что постепенно приводит к большей интеграции в существующий глобальный либеральный мировой порядок и купирует тенденции к развитию ревизионистской политики.

Сторонники либерализма также небезосновательно отмечали, что история последних десятилетий свидетельствует – именно фундаментальные особенности либерального однополярного миропорядка создают глобальные «социальные лифты», дающие возможность десяткам стран резко повысить свой статус в мировой системе. Наиболее поразительным примером стремительного подъема представляется история возвышения Китая и превращения его в глобальную экономическую и военную державу.

В рамках либеральных интерпретаций теории международных отношений постулировалось постепенное уменьшение роли национальных государств в мировой политике, эрозия государственного суверенитета. Глобализация, «наступательный либерализм» (*offensive liberalism*) и концепция униполярного мирового порядка развивались рука об руку. Сторонники концепции глобализации исходили из кризиса и устаревания государства, вестернизации как естественного результата глобализации и плюралистической однополярности, обеспеченной демократическими институтами внутри входящих в систему международных отношений стран, как предпочтительного типа миропорядка.

Распространение либеральных принципов и демократических институтов, в рамках подобной интерпретации реальности, рассматривалось как безусловное благо. Дискуссии внутри либеральной парадигмы шли лишь относительно того, должно ли распространение либерализма и демократии осуществляться во всем мире «в силу примера», посредством того, что Джозеф Най называет «мягкой силой» (т.е. способности формировать предпочтения других государств через такие нематериальные ресурсы, как институты, культуру, идеи, силу примера политике и наглядность экономических показателей, а также через экономическую взаимозависимость и ее миротворческий эффект) или посредством принуждения (санкционного и даже силового) к внедрению соответствующих институтов и ценностей.

С точки зрения сторонников либеральных подходов, попытки изменить мировой порядок возможны. Но в рамках сложившейся системы международных отношений и господствующих структур политического дискурса они будут «ограничены и упорядочены способами, исключающим проведение каких-либо аналогий с прошлым. Можно выделить три фактора: происходит постепенное смещение, а не смена центров власти; развязывание крупномасштабной войны между ведущими дер-

³ Albright M. Madam Secretary. N.Y., 2003, P. 546.

жавами исключено, поскольку такое столкновение не может служить эффективным средством изменения системы; а многочисленные международные организации создают для стран, претендующих на расширение своего влияния, невиданные ранее преграды»⁴. Совокупность всех этих факторов ограничивает возможности государств, недовольных существующей расстановкой сил, изменить сложившуюся систему и является препятствием для попыток изменения существующего миропорядка. Но так ли это на самом деле?

Поворот к реализму

В американских внешнеполитических кругах утвердилось мнение, согласно которому нацеленность на лидерство позволяет Соединенным Штатам решать широкий круг проблем. Стабильный, открытый, основанный на не слишком жестких правилах миропорядок выгоден Америке. По мнению большинства ученых и политиков, такая система межгосударственных отношений в большей степени отвечает американским интересам, нежели миропорядок, основанный на блоках и сферах влияния и лишенный основополагающих и общепризнанных правил и институтов. Плотное переплетение устоявшихся правил и институтов поддерживает сохранение существующего статус-кво. Эта мысль подкрепляется результатами научных исследований и была резюмирована знаменитым высказыванием Дж.Айкенберри о присущем институциональным системам «эффекте блокировки» (эффекте «колеи»), обеспечивающем сопротивление изменениям. Эти факторы активно используются теми, кто нацелен на сохранение статус-кво (практически сформировавшегося однополярного либерального мирового порядка) и создают почти непреодолимые проблемы потенциальным ревизионистам.

Однако ситуация в мире стала заметно изменяться уже в начале 2000-х гг. и особенно явно в период глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. На фоне крайне унилатералистской и явно опирающейся на жесткую силу политики администрации Дж.Буша-мл., вторжений в Афганистан и особенно в Ирак либеральный максимализм стал понемногу утрачивать позиции. «Войнами по выбору» США существенно подорвали собственный авторитет и влияние в мире. Причем, в некоторых отношениях, по-видимому, безвозвратно. Прокламированное ими ничем неограниченное право на вмешательство в дела других государств ослабило доверие к американской политике. «Необязательные» и дестабилизирующие по своим последствиям вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию подорвали веру в их силу и, главное, в способность к эффективному глобальному лидерству. Военное превосходство оказалось иллюзорным, поскольку выяснилось, что с помощью военной силы (точнее – исключительно с опорой на военную мощь) невозможно разрешать проблемы современного мира. Ну а финансовый кризис радикально подорвал представление о том, что США обладают безусловной компетентностью и непререкаемым авторитетом в финансово-экономических вопросах. Произошла делегитимизация однополярного мира на фоне объективного роста тенденций полицентричности.

Присущий современному либерализму прагматизм трансформировался в подобие экономического детерминизма, когда внешняя политика стала восприниматься как технический механизм по обслуживанию ближайших экономических интересов национальных или транснациональных бизнес-элит. Все другие интересы (от сохранения национальной культуры до защиты национальной безопасности) объявлялись досадными рудиментами ушедшей эпохи. Увлечение едиными нормами и правилами не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного

⁴ См. об этом: Уолфорт У. Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. Июль-август. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvraschenie-realnoi-politiki-17636>

права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела других государств, отказ от использования военной силы и пр.) стали применяться выборочно (идея политического «шведского стола»), в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. За правовым последовал и моральный релятивизм, проявившийся, например, в готовности разграничить «плохой» и «хороший» терроризм в зависимости от соображений политической конъюнктуры. О кризисе либерализма свидетельствует и окончание «четвертой волны» демократизации, так и не утвердившей господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни тем более на Ближнем Востоке, и прогрессирующее, вопреки ожиданиям, снижение управляемости мировой системы, снижение роли международных организаций.

Эпоха безраздельного господства либерализма в мировой политике оказалась исторически весьма недолгой. Можно спорить о том, когда именно начался ее закат – в период кризиса 2008-2010 гг. или существенно позже, в 2016 г., когда «черные лебеди», вопреки предсказаниям, закружились над небосклоном мировой политики (Брекзит, победа на выборах в США Д.Трампа). Судя по всему, пик влияния либеральной идеологии и вообще цикл глубокой идеологизации международных отношений, начавшийся еще в середине XX в., пройден. В последние годы исследователями международных отношений все чаще отмечается тенденция к постепенной трансформации однополярного мирового порядка. Пока не совсем понятно, что способно прийти ему на смену. Период после «однополярного момента», т.е. неупорядоченное состояние мировой среды, возникшее в результате эрозии однополярной модели, признаки которой наиболее очевидно проявились в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. и по его окончании, поставил под вопрос существование не только однополярного миропорядка, но и господство либеральной парадигмы в системе международных отношений.

В условиях неопределенности стабильность миропорядка в теории обеспечивается балансом мощи и интересов основных формирующих его государств (при том, что главные центры силы готовы отстаивать свои национальные интересы), либо явным преобладанием одной из мировых держав. Поскольку эра полного преобладания США по целому ряду признаков движется к своему окончанию (наиболее очевидный симптом – это превращение КНР в экономическую державу №1, по крайней мере, по количественным показателям), значительное число исследователей заговорило в последнее время о возникновении тенденций полицентричности в современной мировой политике⁵. Адепты полицентричности не отрицают, что подобные системы характеризуются наличием более широкого набора переменных и большей неопределенностью складывающихся и эволюционирующих в рамках полицентричного миропорядка балансов между ведущими центрами силы. Но именно неопределенность побуждает государства вести себя на международной арене более рационально и осмотрительно⁶, что и делает полицентричный миропорядок в конечном счете не менее стабильным, чем хорошо изученное в конце XX в. биполярное противостояние (вспомним хотя бы ситуацию длительного мира в Европе, начиная с Венского конгресса 1815 г. и вплоть до революций 1848 г. и Крымской войны 1853-54 гг.; или отсутствие больших общеевропейских войн с 1870 (франко-прусская война) до 1914 г.). С другой стороны, если в рамках униполярной структуры доминирующая держава (или державы) действуют, практически не имея реальных

⁵ Одни из первых еще в 90-е гг. XX в. об этом писали: Lane Ch. The unipolar illusion. Why new great powers will rise // *International Security*, 1993, Vol. 17, №4; Kupchan Ch. After Pax Americana: benign power regional integration and the sources of stable multipolarity // *International Security*, 1998, Vol. 23, №2 и др.

⁶ Классическая работа об этом: Deutch K., Singer D. Multipolar power systems and international stability // *World Politics*, 1964, Vol. 16, №3.

внешних ограничений (в т.ч. на односторонне применение силы), то в рамках полицентричности возможны широкие коалиции, нацеленные на поддержание status quo и способные создать эффективные механизмы противостояния агрессии доминирующей или дестабилизирующим действиям некой ревизионистской державы. Полицентричный миропорядок вполне может основываться не на конфликте, а на сотрудничестве, даже принимать форму «концерта держав», когда несколько крупных государств работают вместе над созданием правил игры и выработкой мер воздействия на их нарушителей⁷.

Возникающий мировой порядок довольно трудно сравнивать с историческими примерами полицентричности, поскольку очевидный рост конкуренции государств в самых разных формах и проявлениях – экономической, информационной, военной, геополитической – сочетается с углубляющейся взаимозависимостью основных участников. Принципиальная новизна формирующегося полицентричного миропорядка не только в его асимметрии (США по-прежнему остаются выдающейся по всем параметрам мощи – военным, экономическим, культурным – и по их сочетанию государством), но и в наборе претендентов на лидерство в формирующейся системе. Впервые за последние столетия в их числе нет европейских стран, что символизирует конец европоцентристского мира. В глобальном соотношении экономических и политических сил все более весомым становится присутствие Китая и Индии (16,6% и 6,8% мирового ВВП по паритету покупательной способности соответственно)⁸. Конкуренция на мировой арене приобретает цивилизационный характер⁹. Происходит своеобразная инверсия предназначения и функций глобализации. Глобализация, активно продвигавшаяся индустриально развитыми странами Запада в собственных интересах, постепенно создала условия для экономического и технологического прорыва развивающихся стран и особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (Китай, Индия и др.). К 2015 г. стало очевидно, что вопреки афористичному утверждению Ф.Фукуямы, история «возвращается», происходит постепенная эрозия западного доминирования, сдвиг «богатства и влияния» на Восток. Достаточно отметить, что доля США и развитых стран в мировом ВВП, достигшая пика к 2000 г., сократилась к 2014 г. до 16% и 42%¹⁰. И, таким образом, глобальный баланс сил изменяется буквально на наших глазах (см. таблицу 1, где за основу сопоставления взят докризисный 2006 г.).

Финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия), у каждого из которых проявились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние. Но главное – кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле – и всего XX века), осуществлять эффективное глобальное управление, справляться с вызовами эпохи. Возникла острая потребность в расширении круга стран, участвующих в принятии ключевых решений, что стало побудительным мотивом для возникновения новых институтов глобального и регионального регулирования (таких, как Группа 20, ШОС, БРИКС и др.).

⁷ См. об этом: Ikenberry J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, 2000.

⁸ Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2015 г. М., Идея-Пресс, 2015, С. 428-431.

⁹ См. об этом: Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015.

¹⁰ Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2015 г. М., Идея-Пресс, 2015, С.428-431.

Показатели ВВП крупнейших экономик мира в 2006 и 2014 гг.

		ВВП по средне- годовому курсу национальной валюты к дол- лару 2014 г., млрд. долл.	ВВП по средне- годовому курсу национальной валюты к дол- лару 2006 г., млрд. долл.	ВВП в це- нах и по ППС 2014 г., млрд. долл.	ВВП в це- нах и по ППС 2006 г., млрд. долл.
	1	2	3	4	5
1	США	17419	13202	17419	13202
2	КНР	10360	2626	18031	10048
3	Япония	4602	4366	4631	4131
4	Германия	3853	2897	3690	2616
5	Британия	2942	2395	2525	2112
6	Франция	2829	2248	2572	2039
7	Бразилия	2346	1068	3264	1708
8	Италия	2144	1851	2132	1795
9	Индия	2067	911	7393	4247
10	Россия	1861	985	3745	1705
11	Канада	1787	1269	1567	1140
12	Австралия	1454	898	1031	728
13	Ю. Корея	1410	888	1732	1152
14	Испания	1404	1224	1567	1243
15	Мексика	1283	840	2125	1202

Источник: Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2015 г. М., Идея-Пресс, 2015; Таблицы мирового развития // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2007 г. М., Наука, 2007.

В ходе перегруппировки сил на международной арене целый ряд государств, среди которых Китай, Индия, Россия, Иран и др., оспаривают правила игры однополярной эпохи. Каждая из стран делает это по-своему и преследует собственные цели. Но все вместе объективно, даже не желая того, они постепенно расшатывают основы однополярного либерального миропорядка, создавая альтернативные институты (в том числе финансовые) и утверждая нормы поведения полицентричного мира (например, акцентируя принципы невмешательства во внутренние дела и национального суверенитета). Более того, США, намеренно или нет, усугубляют ситуацию. Привычно провозглашая политику, нацеленную на поддержание мира и стабильности в духе американского лидерства и исключительности, Соединенные Штаты де-факто перешли к линии на дестабилизацию ключевых регионов мира. Примерами могут служить Балканы, Ближний Восток, Ливия, поддержание напряженности вокруг

Ирана и на Корейском полуострове, а с недавних пор в этот список входит и Украина.

Изменение баланса сил в глобальном или региональном масштабе с неизбежностью влечет за собой попытки пересмотра норм и правил поведения на мировой арене. В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее – «мощь» государств или «бумага» как некий набор кодексов и правил поведения, – решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой (совокупной мощью – power). Очередная (отнюдь не первая) попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе в начале XXI века не увенчалась успехом. Единственным регионом мира, где либеральный мировой порядок с соответствующим набором норм и ценностей утвердился практически в полной мере, стала объединенная Европа. Но возможность воспроизведения европейского опыта в иных исторических и цивилизационных контекстах вызывает определенные сомнения. Да и трудности, которые испытывает проект европейской интеграции в последнее время, отнюдь не увеличивают число сторонников либерализма.

В условиях турбулентности, неизбежно возникающей в силу нарастающего давления ревизионистских держав и сопротивления прежних безоговорочных лидеров мировой системы, а также в контексте неопределенности, размытости господствующих в мировой политике норм и правил, возвращение к рациональному и деидеологизированному реализму представляется весьма вероятным исходом. В историческом плане это в каком-то смысле ничто иное, как возвращение к «нормальности». Другое дело, что возвращение к политическому реализму отнюдь не означает заикленимости на проблемах безопасности, понимаемых исключительно в терминах сопоставления военных потенциалов. «Реальная политика» определяется соотношением между материальными возможностями, между «жесткой силой», с одной стороны, и легитимностью, влиянием и способностью достигать желаемых результатов, с другой. С этой точки зрения, при любых разговорах о новом более плюралистичном мироустройстве речь не идет о простом возвращении ведущих держав к политике с позиций силы. Кроме того, сила в новой системе координат глобализованного и информационно насыщенного мира является гораздо более дисперсной, нежели ранее, категорией. В последние годы целый ряд исследователей акцентирует внимание на относительном уменьшении роли военной силы и выдвижении на первый план экономических, идеологических и культурных параметров оценки мощи и потенциала государств на мировой арене. Это не означает, что использование жесткой, военной силы уходит в прошлое (как раз наоборот – возможна активизация ее применения в практической политике целым рядом стран и в самых широких географических ареалах). Однако упор на военную мощь перестает быть единственным основанием власти и влияния в современном мире. Как наглядно продемонстрировал пример США с их колоссальной, явно избыточной военной мощью, в обозримой перспективе будет лишь нарастать эффект «бессилия силы» – невозможности решения региональных или глобальных проблем при опоре только на традиционную жесткую силу. Экономическая мощь уже в наше время значит не меньше, а возможно и больше, чем военная сила. В перспективе все более существенную роль, в том числе при возникновении конфликтных ситуаций, будут играть факторы «мягкой силы»¹¹.

¹¹ См. об этом: Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004; Nye J. Power in the Global Information Age. From Realism to Globalization. L., N.Y., 2004. Хорошей иллюстрацией к сказанному выглядит сопоставление эффекта от более 100 млрд. долл. российских дотаций украинской экономике только в контексте скидок от стоимости энергоносителей и 5 млрд. долл., потраченных

Безоговорочное доминирование либеральной парадигмы в глобальном масштабе постепенно подходит к концу. Данный процесс ускоряется из-за завершения эпохи идеологизации мировой политики. Мир вступает в период турбулентности, одной из основных черт которого станет поворот от идеологизированного либерализма к политическому реализму как интеллектуальной доминанте при интерпретации и принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, нежели в последние десятилетия, международной среде.

США на наращивание потенциала мягкой силы, формирование местных политической и интеллектуальной элит, способных осуществить трансформацию украинской национальной идентичности из «нероссийской», сформировавшейся еще в советский период, в «антироссийскую» и «переучредить» украинскую государственность на основе идеи борьбы с имперским прошлым.

ЯШЛАВСКИЙ А.Э.
ИГИЛ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ*

Выход в 2014 году на авансцену мировой политики такого актора как группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (организация признана Верховным судом РФ как террористическая, ее деятельность запрещена на территории России) еще более отчетливо обозначил проблему распространения идеологии воинствующего исламизма не только в традиционно исламских регионах, но и за их пределами. Вслед за рядом стран Запада, начиная с 2015 г., в России нередко в политическом и медийном дискурсе вместо обозначений «Исламское государство» или ИГИЛ для названия этой группировки используется акроним ДАИШ (Daesh), происходящий от арабского наименования «ad-Dawlah al-Islamiyah fi 'l-Iraq wa-sh-Sham» («Исламское государство Ирака и Шама»). Как заявил по поводу этого названия глава МИД Франции Лоран Фабиус: «Это террористическая группировка, а не государство. Я не рекомендую использовать термин “Исламское государство”, поскольку он стирает грани между исламом, мусульманами и исламистами. Арабы называют это “Даиш”, и буду называть “головорезами Даиш”»¹.

Группировка ИГИЛ сумела в течение относительно короткого времени стать одним из ключевых игроков не только сирийской гражданской войны (что может быть объяснено тем, что она «на самом деле старше других группировок и старше, чем сам по себе сирийский кризис»²), но и региональной и даже мировой политики, оттеснив свою «материнскую» организацию «Аль-Каиду» с позиции «врага №1» международного сообщества. И именно эта группировка в наиболее «концентрированном» виде представляет, на наш взгляд, воплощение воинствующего салафитско-джихадистского исламизма как альтернативного идеологического проекта глобального масштаба.

Будучи крайним представителем весьма широкого спектра политических воззрений, связанных с политическим исламом, салафитский джихадизм, являющийся основой идеологии ИГИЛ, необходимо рассматривать в контексте современного исламизма, теоретическая база которого была разработана в конце 1960-х годов такими идеологами как Абуль-Ала Маудуди в Пакистане, Саид Кутб в Египте и Рухолла Хомейни в Иране. Первые два вышеупомянутых идеолога оказывали влияние прежде всего на мусульман-суннитов, а аятолла Хомейни — ориентировался главным образом на шиитов. Но все трое разделяли взгляд на ислам как на политическое движение и призывали к установлению исламского государства. Выступая против секулярного национализма, равно как против «безбожного коммунизма» и «материалистической западной демократии», эти идеологи также были настроены против тех представителей традиционного ислама, которые политической борьбе отводили второстепенное место.

Ассоциируемый с мусульманской религией, насчитывающей много столетий, исламизм следует рассматривать как новый феномен, выявившийся в последние несколько десятилетий как реакция на глобализирующуюся модернизацию. Расцвет

* Яшлавский Андрей Эдуардович – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН

¹ EI, EILL, Daech, comment appeler les jihadistes en Irak et en Syrie ? // France24. 17.09.2014. URL: <http://www.france24.com/fr/20140916-daech-etat-islamique-EI-hollande-fabius-france/>.

² Suhaib Anjarin. The Evolution of ISIS. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/2013/11/syria-islamic-state-iraq-sham-growth.html>.

политического ислама, исламизма приходится на последнюю четверть XX – начало XXI в.

Следует оговориться, что политический ислам – явление весьма многостороннее, включающее в себя целый ряд течений различного спектра от весьма умеренных до крайне агрессивных и ультрарадикальных. Одни из этих течений делают ставку на достижение своих целей ненасильственным путем и не заявляют революционных общественных изменений, другие готовы вести вооруженную борьбу и ставят перед собой задачу коренного переустройства не только какого-то конкретного общества, но и всего мира.

Многообразие форм политического ислама затрудняет его однозначное определение³. Существует точка зрения, согласно которой исламизм представляет собой веру в то, что ислам должен определять социально-политическую жизнь так же как и жизнь отдельного человека. Некоторые исследователи определяют исламизм как религиозную идеологию, настаивающую на применении государством шариатского права. Есть также определение исламизма как «антимодернистской идеологии реформ в мусульманских странах»⁴. Д.Пайпс определяет исламизм как «идеологию, требующую полной приверженности человека священному закону ислама и отвергающую, насколько это возможно, внешнее влияние, за некоторыми исключениями (например, доступ к военным и медицинским технологиям). Она насыщена глубоким антагонизмом по отношению к немусульманам и, в частности, враждебностью по отношению к Западу»⁵.

Росту исламизма как современной мировой идеологии способствуют ярко проявившиеся процессы религиозного возрождения в исламском мире, связанные с глубоким кризисом, в котором оказались доминировавшие прежде секулярные идеологии, особенно на фоне окончания «холодной войны». К факторам, способствовавшим росту популярности исламизма как альтернативного проекта, относятся и события на Ближнем Востоке на протяжении нескольких десятилетий после Второй Мировой войны, которые раз за разом демонстрировали неудачи секулярного национализма (в частности, арабского). Именно кризис светского национализма в исламских странах во многом и пробил брешь, через которую распространялось влияние исламизма как «антимодернистской, антисекулярной и антизападной политической идеологии, целями которой являлось обратить каждого мусульманина в правоверного, соблюдающего все религиозные правила, преобразовать всего лишь номинально мусульманское общество в религиозное сообщество, служащее Богу, установить правление Бога по всему миру»⁶.

Следует отметить, что в условиях глобализации, на фоне миграционных и демографических процессов исламизм становится все более и более активным игроком на идеологическом и политическом поле, расширив свою географию не только за счет стран традиционно мусульманских (арабские страны, Иран, Пакистан, Афганистан, республики Средней Азии, Турция, Индонезия) и стран с значительным автохтонным населением, исповедующим ислам (Россия, Индия, Китай, Израиль, ряд стран Черной Африки и т.д.), но и государств Запада. Из феномена «третьего мира» исламизм стал феноменом глобальным – в том числе западным и прежде всего европейским. Во многом рост исламизма связан с реакцией на доминирование Запада как в политической, экономической, военной сферах, так и в культурной и духовной

³ См., например: Strindberg A., Wårn M. Islamism. Cambridge, 2011. P. 25.

⁴ Ernst C.W. Following Muhammad: Rethinking Islam in the Contemporary World. Chapel Hill, 2004. P. 68.

⁵ Pipes D. Distinguishing between Islam and Islamism. URL: <http://www.danielpipes.org/954/distinguishing-between-islam-and-islamism>.

⁶ Demant P.R. Islam vs Islamism: The Dilemma of the Muslim World. Westport, 2006. P. 94.

областях. В немалой степени исламизм можно рассматривать не только как политическую альтернативу возникшим в западном мире идеологиям (либеральный капитализм, марксизм и т.д.), но и как своего рода духовный противовес западным ценностям, насаждение которых идеологами исламизма рассматривается нередко как одна из форм колониализма и/или неоколониализма. В этом смысле справедливо говорить об исламизме как об антизападном и антимодернистском феномене. Что не мешает, однако, исламистам проявлять известную гибкость и умело приспосабливаться к «модерну».

Целью религиозного движения, в основе которого лежит идеология глобально-го салафистского джихада, является упразднение в исламском мире национальных государств и восстановление былого величия исламского мира в едином государстве, простирающемся от Марокко до Филиппин, устраняющем существующие ныне границы. Для исламистских, суннитских группировок характерно убеждение в том, что настоящий ислам был только во времена «золотого века», когда существовало созданное в Медине Мухаммадом государство, находившееся после смерти пророка под «праведным руководством» четырех первых халифов. Одно из объяснений нынешней ситуации джихадистскими идеологами заключается в смене системы, существовавшей при «четырех праведных халифах» наследственной монархией. Эта незаконная, по их мнению, форма правления привела к множеству интеллектуальных, религиозных и политических болезней исламского мира, в том числе к появлению деспотических правителей, которые создали свои собственные законы, применяя их, а не данную Богом систему шариата. Джихадисты утверждают, что эти правители фактически сместили власть Бога и заняли его место. Современные режимы в исламском мире – «суть духовные наследники тех первых наследственных правителей – и их поддерживают в их отступничестве США и другие западные страны, использующие их в качестве своих марионеток для подрыва ислама и разрушения Божьих законов на Земле»⁷. Конечная задача борьбы в этом контексте – установление обновленной всемирной исламской уммы под властью истинного халифа и законов шариата. Большое число исламистских политических партий, а также экстремистских группировок призывают к восстановлению халифата и объединению мусульманских народов, путем либо политических действий, либо через насилие. При этом согласно джихадистским доктринам, любое правительство рассматривается как еретическое, поскольку оно устанавливает для людей свои (а не шариатские) законы и правила. Джихадисты утверждают, что осуществление власти — это прерогатива Бога, а не людей. Соответственно, они утверждают, что исламское государство будет охватывать умму и будет жить согласно исламским принципам.

Именно в этом контексте следует рассматривать провозглашение в июне 2014 г. группировкой ИГИЛ «халифата» – этот акт, в частности, обозначил декларируемое джихадистами неприятие существующих национальных и политических границ, возникших на Ближнем Востоке после Первой Мировой войны вследствие соглашений Сайкса-Пико. «Халифат» при этом репрезентируется как живая и единственно приемлемая альтернатива современным видам государства (как в западном, так и в мусульманском мире), универсальная для всех мусульман. Одновременно с провозглашением «халифата» сама группировка ИГИЛ была переименована в «Исламское государство» (ИГ). Как отмечает Дж. Раджан, «в отличие от предыдущих наименований, это название не связывает группировку символически (а следовательно, не ограничивается) ни с какой географической привязкой. По существу, оно обозначает намерение ИГ расширить джихад за границы Леванта в более широкий регион Ближнего Востока и Северной Африки, а также Центральной и Южной Азии и на

⁷ Habeck M.R. Knowing the Enemy: Jihadist Ideology and the War on Terror. Yale, 2006. P. 9.

международный уровень»⁸. Действительно, при провозглашении «халифата» было объявлено, что «законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится нулевой с расширением власти халифата и прибытием его войск в их районы». Самопровозглашенный «халифат», взявший под контроль значительные участки территории Сирии и Ирака (именно на территориях этих стран в свое время находилось ядро двух исторических халифатов — Омейядского и Аббасидского), претендует на власть над другими «провинциями» («вилаятами»), где действуют сторонники «Исламского государства». По состоянию на конец 2016 г. «филиалы» ИГИЛ в виде его «провинций» были провозглашены джихадистами в Ливии, на Синайском полуострове (Египет), в Саудовской Аравии, Йемене, Алжире, Афганистане, Пакистане, Нигерии и на российском Северном Кавказе. Впрочем, в большинстве случаев речь не идет о фактическом контроле над сколько-нибудь значительными территориями, как это имеет место в Сирии и Ираке, где в течение 2016 г. под ударами антитеррористических сил площадь «халифата» значительно сократилась (по данным британской аналитической компании IHS Markit, «Исламское государство» в 2016 г. утратило контроль над 23% ранее захваченных территорий в Сирии и Ираке)⁹.

Далеко зашедшие амбиции Абу Бакра аль-Багдади и возглавляемой им группировки вызвали резкое отторжение не только исламского «мейнстрима» по всему миру, но и сторонников радикального прочтения религии. Как указывает индийский ученый А.Рашид, «ни одна предшествующая исламистская группировка никогда не демонстрировала такой беззастенчивой наглости, чтобы объявить всему глобальному сообществу об установлении халифата, поскольку это теоретически влечет за собой подчинение каждого мусульманина халифу и его приказам. В случае фактически неизвестной фигуры вроде Абу Бакра аль-Багдади, который до 2010 года даже не был лидером своей собственной организации, присвоить себе титул халифа и требовать лояльности от всей Уммы (мусульманской нации), это было расценено как проявление излишней наглости и вызывающих действий. (...) Таким образом, неожиданно выдвинувшийся халиф и идея его зарождающегося халифата была отвергнута не только большинством мусульман и их правительствами по всему свету, но и почти всеми известными исламистскими и джихадистскими организациями и их лидерами, включая Аль-Каиду»¹⁰.

В идеологических построениях одного из основоположников «революционного джихадизма» египтянина Саида Кутба, оказавшего мощное влияние на идеологов в том числе и ИГИЛ, идея восстановления халифата придаетс я миллениаристское, утопическое звучание. Речь идет не столько о реставрации халифата, предводительствуемого «амиром правоверных», сколько об установлении, выражаясь языком западного мира, «царства Божия» на земле. В частности, по словам Кутба, исламская религия тождественна полной и всеобъемлющей революции против людской власти во всех ее проявлениях и разновидностях, включая все типы и формы государственного устройства. Она неуклонно восстает против любой системы, так или иначе основанной на человеческом авторитете, то есть против любой формы узурпации власти человеком. В то же время следует заметить, что разделяемая большинством воинствующих исламистских группировок идея установления халифата не помешала многим из них обрушиться с яростной критикой на группировку ИГИЛ, дальше всего пошедшую по этому пути.

⁸ Rajan V.G.J. Al Qaeda's Global Crisis: The Islamic State, Takfir and the Genocide of Muslims. N.Y., 2015.

⁹ BBC News. Islamic State group 'lost quarter of territory' in 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-38641509>.

¹⁰ Rasheed A. ISIS: Race to Armageddon. New Delhi, 2015. P. 37.

Как известно, запрещенная во многих странах (в том числе и в России) террористическая группировка ИГИЛ привлекает множество последователей из самых разных стран (как исламского, так и неисламского мира). Тысячи сторонников этой группировки вливаются в ее ряды – и этому феномену есть немало объяснений. Одно из основных связано с тем, что ИГИЛовский проект многими людьми, в том числе жителями Европы, воспринимается как единственно приемлемая альтернатива существующему миропорядку и существующим идеологиям¹¹.

Маргинализация и кризис идентичности мусульманской молодежи в Европе, чувствующей себя отчужденной от местного общества, создает благоприятные условия для вербовки молодых иммигрантов в экстремистские и террористические организации. Вербовка молодежи в ряд экстремистских группировок осуществляется, как правило, в ходе личных контактов и встреч единомышленников. В роли вербовщиков могут выступать имамы или боевики, имеющие опыт «джихада» в Ираке и Афганистане. На формирование мировоззрения молодых мусульман оказывают влияние исламистские сайты, к которым весьма легко получить доступ. То, что плодами подобной вербовки может быть не только участие европейских граждан, исповедующих ислам, в различных региональных конфликтах, но и злонамеренные действия против собственно европейских государств, красноречиво продемонстрировали террористические акты в 2015-2016 гг. в Париже, Брюсселе и т.д., осуществленные исламистски настроенными экстремистами, имеющими европейские паспорта.

В то же время столкновение с проявлениями исламофобии в западноевропейских странах нередко внушает молодым мусульманам чувство, что они живут в окружении, от которого постоянно приходится обороняться. «СМИ высмеивают исламскую религию, ее Бога, ее Пророка, ее Священную книгу и обычаи», – утверждает исследователь А.Ахмед, делая вывод, что исламофобия отталкивает молодого человека, который может быть уже рассержен своей социальной ситуацией, порожденной упомянутыми выше структурными проблемами, от общества и углубляет чувство отчужденности. Все это может породить чувство, что вдали от чуждой Европы есть «Исламское государство», которое обещает лучшую жизнь¹². И к слову, наличие территории, контролируемой группировкой ИГИЛ, усиливает восприятие ДАИШ как альтернативы. В этой связи уместно вспомнить появление в Интернете так называемого «Краткого путеводителя по Исламскому государству», авторство которого принадлежит британскому джихадисту индийского происхождения Абу Румайсаху аль-Британи (он же – Сиддхартха Дхар). Эта электронная брошюра, рассчитанная прежде всего на англоязычных интернет-пользователей, потенциальных рекрутов из западных стран, живописно расхваливает жизнь в «халифате» XXI века. Данная брошюра носит, возможно, пародийный, но в то же время и утопический характер. Восхваляя стирание «сатанинских» навязанных границ между Ираком и Сирией, Абу Румайсах приводит разговор с одним из юных «коллег», которому недостаточно освободить Палестину, но в его мечтах – «освобождение» Бирмы, Центральной Африки, Китая, словом – всего мира. Да и вся книга заканчивается обещанием прийти на улицы Лондона, Нью-Йорка и Парижа.

В своей пропаганде агитаторы ИГИЛ активно используют идеологический нарратив, эксплуатируя такие темы как «ислам под ударом» («идет глобальная война против ислама и всех настоящих мусульман»), «ислам находится под ударом «ближнего врага» (т.е. «отступнических» правительств в мусульманских странах)», «ислам

¹¹ Подробнее об этом см.: Яшлавский А.Э. Джихадисты из Европы на Ближнем Востоке: скрытая и явная угроза // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №10.

¹² Akbar A. Why Are European Muslims Joining ISIS? November 18, 2014. URL: http://www.huffingtonpost.com/akbar-ahmed/why-are-european-muslims-_b_6175334.html.

находится под ударом «дальнего врага» (т.е. Запада)), «большинство режимов и лидеров, именующих себя мусульманскими, на самом деле – инструменты в руках врага»), «ислам – путь к миру» («Только исламские общества по-настоящему справедливы»), «демократия – это обман и несовместима с исламом»), «долг сражаться» («это религиозная обязанность всех считающих себя мусульманами для защиты ислама и борьбы за создание чистого исламского халифата под законом шариата»). Также ИГИЛ регулярно использует религиозный нарратив, прославляя «джихад». Часто в социальных медиа публикуются фотографии погибших соратников с описанием их «мученичества», в то же время – по контрасту в интернете размещаются фото и видеокдры с изображением убитых противников (в т.ч. и обезглавленных).

Несмотря на претензии джихадистских идеологов на «особость» своего проекта, их устремленность к восстановлению халифата как идеального справедливого общества вписывается в контекст утопической и апокалиптической традиции, присущей авраамическим религиям. Неслучайно, некоторые авторы вводят в оборот понятие «апокалиптических джихадистских группировок». Более того, нетрудно провести параллели между джихадистской утопией и секулярными миллениаристскими тоталитарными проектами XX в.¹³ Так, например, ряд наблюдателей сравнивает устремления исламистов по созданию глобального исламского халифата с ранними большевистскими проектами всемирного коммунизма. Если рассматривать джихадистскую версию исламизма как возникшее в новейшее время извращение религии, отклонение от мейнстрима, то аналогии с секулярными квазирелигиозными тоталитарными идеологиями делаются еще более оправданными. Осознавая, что зачастую практикуемое сравнение воинствующего исламизма (особенно в его джихадистской форме) с фашизмом, нацизмом и большевизмом носит скорее эмоциональную окраску или выполняет пропагандистскую функцию, обратим внимание на имеющиеся черты сходства между указанными течениями. Конечно, довольно рискованно проводить прямую связь между тоталитаризмами, описываемыми нередко как «секулярные религии», и современными воинствующими салафитами. При этом следует признать, что в той мере, в какой секулярные тоталитарные идеологии XX в. являлись квазирелигиозными феноменами, прослеживаются довольно четкие параллели между ними и проектами джихадистских идеологов (хотя, конечно, нельзя не признать, что у салафитского джихадизма и сталинского большевизма или гитлеровского нацизма совершенно разные истоки и составные части). Политолог М.Хабек, рассматривая взгляды на «суверенитет Бога» одного из отцов современного радикального исламизма Маудуди, утверждавшего, что поскольку Бог един и является Владыкой всего сущего, то ничего не может быть вовне прямого контроля Бога и Его Закона, видит в них прообраз «формы тоталитаризма с государством и правителем, выступающими в качестве представителей Бога на Земле, уполномоченными регулировать все сферы как личной, так и общественной жизни»¹⁴. Так же, как тоталитарные движения XX столетия, джихадизм носит универсальный, наднациональный характер. Если футуристический проект джихадистов направлен на разрушение «джахилии» (язычество, невежество) и установление на земле «власти Бога», то и для тоталитарных идеологий XX в. в качестве основной задачи ставилось разрушение старого мира и построение мира нового. С тоталитарным миллениаризмом связано манихейское видение мира, который четко делится на «мы» и «они» (что приравнивается к оппозиции «Добро» и «Зло»). Соответственно, построение идеального общества возможно лишь при полном устранении «Зла». Подобная схема служит

¹³ Подробнее см.: Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Религия и терроризм: Проблема соотношения. М., 2016. С. 135-140.

¹⁴ Habek M.R. Knowing the Enemy. P. 39.

оправданием перманентному террору в отношении реальных или вымышленных врагов.

Необходимо отметить сходство между «глобальным джихадизмом» и тоталитарными идеологиями XX в. в плане создания своего мифа избавления, спасения человечества (или лучшей его части). Согласно этой мифологии, определенная человеческая группа обозначается как единственно законное воплощение человечества. Однако эта группа находится во враждебном пространстве, где правит «Зло», где другие группы соперничают с ней и/или даже угнетают ее. Устранение врагов – носителей зла ведет к торжеству «золотого века» (у воинствующих исламистов – это «глобальный халифат», где «неверным» будет предоставлен выбор либо принять ислам, либо платить джизью и принять подчиненное положение, либо погибнуть). Джихадистская идеология, как и светские тоталитарные идеологии, утопична. А мессианские мотивы, звучащие в риторике пропагандистов «глобального джихада» в целях установления в будущем халифата, хорошо соотносятся с мессианизмом тоталитарных идеологий XX в. Единственное бросающееся в глаза отличие состоит, пожалуй, в том, что тоталитарные идеологии XX века в соответствии со спецификой породившей их европейской цивилизации и с «духом времени» (zeitgeist) делали упор на открытии неких «законов истории», познание которых и позволяет им претендовать особую лидирующую роль. Исламисты ничего не открывают и опираются не на законы истории, а на законы шариата. Но в остальном, с точки зрения идеологических построений, как это ни парадоксально, между секулярными (чтобы не сказать атеистическими) тоталитарными идеологиями и возводящими набожность во главу угла сторонниками «глобального джихада» конца XX — начала XXI вв. существует глубокое внутреннее сходство, проявляющееся как на структурном уровне, так и деталях – в плане непримиримости к инакомыслию, манихейского восприятия мира как бескомпромиссной арены борьбы добра со злом, неприятия западных либерально-демократических ценностей и институтов, очевидной телеологичности. Сектантская и человеконенавистническая сущность экстремистов проявляется вне зависимости от того, под какими знаменами они выступают. «У истоков террора могут стоять «высокие» идеалы, мессианские абсолюты, вера в высшее благо. Невозможность иными средствами обратить других – и не просто других, а большинство – в эту веру, собственно и является в этом случае причиной обращения к террористическим методам»¹⁵, – эти слова были в свое время написаны применительно к ультралевым террористам, но их вполне можно отнести и к тем, кто называет себя бойцами глобального джихада.

¹⁵ Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С.306.

Раздел 2. Эволюция современных партийно-политических систем

АНАНЬЕВА Е.В. ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ*

Традиционно в любой стране конкуренция идейных конструктов обостряется в преддверии общенациональных выборов, когда политические партии выносят на суд избирателей свои концептуальные подходы и представления о будущем страны. Однако в ходе избирательной кампании 2015 г. в Британии ведущие политические партии не выдвигали так называемые «большие идеи» (big ideas) и не предлагали новые оригинальные концептуальные решения политических проблем, как неоднократно случалось раньше. Достаточно вспомнить совсем недавний пример – в 1997 г. Т.Блэр и «новые лейбористы», сдвинувшись к центру политического спектра, обратились к обществу с концепцией «третьего пути», расширив свой электорат за границы традиционного рабочего класса – включив «новые средние слои» (отметим, 75% работников страны были заняты в сфере услуг). Это существенно расширило электоральную базу лейбористов и обеспечило им на годы вперед политическое лидерство в стране с глубокими консервативными традициями. Лишь после третьего подряд поражения на парламентских выборах партия тори в декабре 2005 г. смогла выдвинуть в качестве своего лидера молодого Д.Кэмерона, который способен был стать общенациональной фигурой, в отличие от прежних лидеров консерваторов. К тому времени «третий путь» уже исчерпал себя, Т.Блэра дискредитировала иракская война, а новый глава лейбористов Г.Браун не смог завоевать симпатии избирателей.

Д.Кэмерон так же, как и Т.Блэр, повел свою партию к центру политического спектра и предложил концепцию «большого общества» (в противовес «большому государству») и «прогрессивного консерватизма». Однако реальное их наполнение оказалось далеко от концептуальности. Поиск новых идейных установок был довольно быстро свернут, а текущее управление общественными процессами свелось к выполнению чисто технической, почти бухгалтерской задачи – снижения государственного долга страны и дефицита государственного бюджета. Либерал-демократы, вошедшие в коалиционное правительство в качестве младшего партнера консерваторов, некоторое время обыгрывали идею «оранжевого либерализма»¹ (цвет Партии либерал-демократов – золотистый). Либерал-демократы пытались соединить четыре основных течения либеральной мысли – социал-либерализм, экономический либерализм, культурный либерализм и политический либерализм с уклоном к экономическому и политическому либерализму, снижению роли государства в противовес левым течениям в партии (группа «Социал-либеральный форум» и «Группа Бевериджа»), поддерживавшим концепцию «государства благосостояния». Однако сформулировать и предложить обществу внятную концепцию они так и не смогли. Тем не менее, авторы идейно подготовили формирование коалиционного

* Ананьева Елена Владимировна – к.филос.н., руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН.

¹ Marshall P., Laws D. (eds). The Orange Book: Reclaiming Liberalism. L., 2004.

правительства с консерваторами в 2010 г. Большинство из них вошли в первое правительство Д. Кэмерона (прежде всего Н. Клегг – лидер партии и зам. премьер-министра, В. Кейбл – министр по делам предпринимательства). К выборам 2015 г. практически все политические силы подошли с осознанием необходимости перемен. Тон задавали лейбористы, которые поставили задачу идейного обновления после отставки Г. Брауна (лидером стал Эд Милибэнд), и «обкатывали» несколько новых идей и программных установок. К их числу относились, прежде всего: «ответственный капитализм» (responsible capitalism), «до-перераспределение» (pre-redistribution), «синий лейборизм» (Blue Labour; синий – цвет Консервативной партии), «лейборизм одной нации» (One Nation Labourism; лозунг одной нации выдвинул еще в XIX в. премьер-министр Британии консерватор Б. Дизраэли). Правда, последний лозунг довольно быстро исчез и с сайта Лейбористской партии, и из ее политического нарратива².

Из этого краткого обзора перечисленных идейных конструктов трех ведущих британских политических партий очевидно, что они заимствуют друг у друга партийные цвета и идеи. Более того, в предвыборной борьбе 2015 г. и лейбористы, и консерваторы активно использовали «краденые» лозунги. Консервативная партия говорила, что она – «партия трудящихся» («We are the party of working people»), а лейбористы утверждали, что они – партия «фискальной ответственности» («fiscal responsibility»). С одной стороны, это обстоятельство наглядно подтверждало доминирование в Британии, как и в большинстве других развитых западных демократий, типа «всеохватных» (catch all) политических партий с размытой политической идентификацией и неопределенной социальной базой. С другой стороны, подобные заимствования явно свидетельствовали об утрате ведущими британскими партиями не только стержневых «больших» идей, но и собственной политической идентичности, своего лица. Будучи не слишком важной в «тучные» годы, метаморфоза становится политической проблемой в периоды социально-экономических пертурбаций и политических кризисов.

На авансцену политической жизни Британии довольно неожиданно для многих аналитиков выдвинулся гражданский национализм. В частности, даже после поражения на референдуме о независимости Шотландии в сентябре 2014 г. втрое возросла численность Шотландской национальной партии (ШНП), а также существенно пополнились и ряды ее союзницы – Партии «зеленых» Шотландии. Все более весомую роль в британской политике в последние годы стал играть и феномен Партии независимости Соединенного Королевства, выступавшей за выход Британии из ЕС и против иммиграции. Она не только победила на выборах в Европарламент в мае 2014 г., обойдя консерваторов и лейбористов, но и оттеснила Партию либерал-демократов на четвертое место в рейтингах популярности, а осенью 2014 г. впервые получила 2 мандата в британском парламенте за счет «перебежчиков» из Консервативной партии. И, разумеется, триумфом Партии независимости стал исход референдума о выходе Британии из состава ЕС (Брекзит).

Подъем малых партий объясняется их протестным и антисистемным характером. Технократический подход ведущих политических партий к решению задач развития страны, отсутствие ярких, привлекательных для избирателя концепций и лозунгов приводит к повышению роли лидера партии (и здесь, согласно опросам, лидеры других партий проигрывали Д. Кэмерону). При идеологическом вакууме происходит фрагментация политического поля, политические предпочтения граждан все больше зависят от текущих общественно-значимых событий, а не их идейных уста-

² Нарботки Лейбористской партии к выборам 2015 г. см.: Changing Britain Together. URL: <http://www.yourbritain.org.uk/agenda-2015/policy-review/policy-review/changing-britain-together>

новок или партийной лояльности. Никогда совокупный рейтинг двух ведущих партий не был столь низок – всего 60-65%. Отсюда, эксперты и политики в Британии все чаще говорили в последние годы о вероятности формирования еще одного «подвешенного парламента», а стало быть, нового коалиционного правительства.

Однако при разрыве между консерваторами и лейбористами в рейтингах, равном статистической погрешности; либерал-демократах, не набирающих и 10%; Партии независимости Соединенного королевства (ПНСК), набравшей сторонников за счет консерваторов; ШНП, повысившей рейтинги в Шотландии за счет лейбористов³, формирование коалиционного правительства стало бы весьма трудной задачей. ПНСК и тори заявляли о нежелании вступать в коалицию друг с другом. ШНП, «Зеленые» и Плайд Камри (Уэльс), исключив свое участие в коалиционном правительстве, если его возглавят тори, объявили, что не станут поддерживать в будущем парламенте те партии, которые выступают за модернизацию ядерной системы «Трайдент»⁴. Между тем, как полагали аналитики, либерал-демократы не наберут достаточного количества мест в парламенте, чтобы позволить консерваторам или лейбористам сформировать с ними двухпартийную коалицию.

Опросы общественного мнения перед выборами показали, что британцы в принципе не хотели (и не хотят) коалиционных правительств. Накануне выборов им предлагали самые разные варианты партийных союзов (лейбористы с либерал-демократами, лейбористы с ШНП, консерваторы с либерал-демократами), но все они оказались им не по душе. Однопартийное консервативное правительство было наименее нежелательным, и какой-то внятной альтернативы ему не было. Правильным оказался прогноз социолога П.Келлнера о том, что однопартийное правительство консерваторов (-3 п.п.) «менее нежелательно» для избирателей по сравнению с остальными вариантами – однопартийным лейбористским или каким-либо коалиционным⁵.

В Британии действует мажоритарная система голосования, которая, искажая волеизъявление граждан, обеспечивает преимущество основных крупных партий, позволяя им формировать стабильное однопартийное правительство и проводить свой политический курс в течение срока полномочий парламента.

Результат выборов оказался сенсационным: тори получили 331 место в парламенте, лейбористы – 232, ШНП – 56, ПЛД – 8, ПНСК и «Зеленые» – по 1 депутату⁶. Разгромлены были лейбористы, либеральные демократы и ПНСК. Консерваторы, одержав победу, смогли сформировать однопартийное правительство.

Реальная картина (без «мажоритарных искажений») выглядела следующим образом. В Британии около 50 млн. избирателей. Явка на выборы составила 66%. Сравним долю голосов, поданных за партии, с долей полученных ими мест в парламенте. За консерваторов голосовало 36,8% (что на 0,7% голосов выше, чем в 2010 г.), однако получили они на 4% больше мест, чем в 2010 году (331 против 306). И на выборах 2010 года доля полученных ими голосов (36,1%) также была существенно ниже доли избранных депутатов (47%).

³ Political Opinion Polls Since May 2012. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-27330849>

⁴ Greens, SNP and Plaid Cymru 'may back Labour' – if they scrap Trident. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/greens-snp-and-plaid-cymru-may-back-labour--if-they-scrap-trident-9926931.html>. Парламент проголосовал за модернизацию системы «Трайдент» в июле 2016 г.

⁵ Majority Conservative government the 'least bad option' – voters. URL: <https://yougov.co.uk/news/2015/04/24/ranking-coalitions/>

⁶ Данные приведены по: Election 2015 results. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2015/results>; UK general election results in full. URL: <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2015/may/07/live-uk-election-results-in-full>; Election polls made three key errors. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/may/09/election-polls-made-three-key-errors>.

За лейбористов проголосовало 30,5% электората (на 1,4% больше, чем на предыдущих выборах), но вместо того, чтобы завоевать больше мест, они получили на 24 места меньше, чем в 2010 году (232 против 256).

Таким образом, в последний момент 3% «стыдливых» (shy) сторонников консерваторов или колеблющихся избирателей, утверждавших в опросах о симпатиях к лейбористам, заполнили избирательный бюллетень в пользу тори. Соотношение же мест в парламенте изменилось судьбоносно: тори – 51%, а лейбористы – 36%. Обе партии по-прежнему имеют большую долю мест в парламенте, чем доля поданных голосов.

В выигрыше оказалась и ШНП, имеющая в своем регионе устойчивую электоральную базу и постепенно расширяющая ее: 50% голосов шотландцев (4,7% от общей численности британских избирателей) принесли ей 56 из 59 мест (квота Шотландии в Вестминстере), что составляет 95% от квоты региона, или 8,6% мест в Палате общин (то есть почти вдвое больше доли голосов шотландских избирателей в численности британского электората). Успех националистов оказался просто оглушительным – достаточно отметить, что на прошлых выборах их результат составлял всего 6 мест в палате Общин (менее 1% от общего числа мест). В результате этого триумфа номинально в парламенте Лейбористская партия, как и Консервативная, утратила общенациональный характер. У консерваторов, лейбористов и либерал-демократов по одному месту по нынешней квоте депутатов от Шотландии против 56 у Шотландской национальной партии – такова еще одна растущая проблема британской партийно-политической системы.

Как обычно в мажоритарной системе относительного большинства, при которой в округах «победитель получает все», малые партии – ПЛД (что было прогнозируемо) и ПНСК – оказались главными проигравшими. В Британии на выборах 2015 г. особенно ярко проявился недостаток мажоритарной избирательной системы – «несправедливость» представительства. За ПНСК проголосовало 12,6% избирателей, но она получила всего 1 место в парламенте (или 0,2%), что в 63 раза меньше, чем партия могла бы получить при пропорциональной системе голосования. ПЛД выглядела чуть получше, хотя формально ее электоральные результаты были даже менее убедительными. В 2010 г. либеральные демократы получили 57 мест в Палате общин (около 9%) при полученной в общенациональном масштабе доле голосов в 23% (более чем вдвое меньше доли голосов). После выборов 2015 г. их представляют 8 депутатов при 7,9% полученных по всей стране голосов (чуть более 1% мест).

В Британии идет глубокая трансформация традиционной двухпартийной системы. Выборы 2015 г. продемонстрировали долгосрочные процессы, и, несмотря на победу Консервативной партии, ясно, что мажоритарная избирательная система, которая способствует существованию двух крупных партий (а эти партии должны собирать под свои «зонтики» всю более широкую палитру запросов, мнений и идейно-политических течений), в последние годы работает все менее убедительно. Успехи Шотландской национальной партии или, скажем, Партии независимости Соединенного Королевства в традиционную двухпартийную систему явно не вписываются. Кроме того, в последнее время в экспертной среде нередко можно услышать мнение о возможности слияния ЛПВ и ПЛД. Однако этот ход далеко неочевиден, более того, не выдерживает столкновения с реальностью. В отличие, например, от С.П.Перегудова, я не считаю, что либерал-демократы и лейбористы объединятся, тем более что лейбористы избрали лидером партии Джереми Корбина, «твердого левого». Наоборот, либерал-демократы, воспользовавшись кризисом в ЛПВ, стали агитировать лейбористов переходить в их партию.

Каковы же последствия выборов 2015 г.? Понятно, что вновь будет возникать вопрос о введении пропорциональной избирательной системы в Британии. Он поднимается уже не первый раз. Проблема, однако, заключается в том, что проигравшими в рамках действующей мажоритарной системы относительного большинства (first-past-the-post system) в проигрыше (как показано выше) неизменно остаются малые партии. Между тем, две основные хорошо адаптированы к существующей системе. Более того, они извлекают из нее немалую политическую выгоду. Даже под давлением общественного мнения (которое, впрочем, тоже далеко неоднозначно) – трудно представить себе ситуацию, при которой партия, одержавшая уверенную победу на выборах именно благодаря существующей мажоритарной системе, вдруг выступила бы с инициативой ее упразднения.

Консерваторы, которые получили большинство мест, будут, конечно, настаивать на своей повестке дня. Во-первых, они хотят загнать Лейбористскую партию в угол, собираясь изменить законодательство о финансировании политических партий. Какое это имеет значение для Лейбористской партии? Раньше члены профсоюзов сдавали деньги в кассу лейбористов просто по умолчанию, теперь будет заявительная система. В Шотландии уже проделали такой маневр, и касса лейбористов сократилась на 40%, что существенно. Второе, что тори собираются сделать (и что они собирались сделать еще в коалиционном правительстве), к 2018 г. изменить границы избирательных округов, сделав численность избирателей в них более равной (ныне границы округов действительно несколько в пользу лейбористов), и сократить их количество до 600. Далее, консерваторы собираются (что действительно важно) распространить деволюцию и на Англию, т.е. решить так называемый «западнолотианский вопрос». Его суть состоит в том, что депутаты от Англии (как региона) в общенациональном парламенте – в Вестминстере – не имеют право решать вопросы, относящиеся к компетенции Холируда, а депутаты от Шотландии в общенациональном парламенте имеют право голосовать по законам, которые распространяются на Англию. Соответственно, принцип «English votes for English laws» (отсечение депутатов от Шотландии от голосования по вопросам, касающимся Англии) будет набирать силу, знаменуя переход от унитарного устройства к федеративному.

Внутриполитические последствия (которые носят конституционный характер, влияют на партийно-политическую систему) имел и референдум о независимости Шотландии, и референдум о членстве Британии в ЕС, поэтому движение к реформированию Соединенного Королевства будет продолжаться. И в отношении шотландского референдума, и в отношении референдума о ЕС Кэмерон предпринял сугубо в узкопартийных интересах тактические меры, которые поставили под удар стратегические цели страны.

Как было с шотландским референдумом? Из года в год 30% шотландцев высказывались за независимость Шотландии. И Первый министр Шотландии А.Сэлмонд, договариваясь с Лондоном о порядке проведения референдума, хотел внести в бюллетень два вопроса. Один – «Да» или «Нет» независимости, а второй – о расширении полномочий шотландского парламента. Кэмерон самонадеянно отказался от второго вопроса, потому что думал: поскольку шотландцы проголосуют против отделения, то нет смысла расширять полномочия Холируда. В результате, когда накануне референдума настроения оказались 50:50, Королевство могло потерять Шотландию, и «деволюцию-максимум» пришлось обещать – даже в большей степени, чем изначально рассчитывала Шотландия. Таким образом, правительство Д.Кэмерона само положительно ответило на второй, исключенный им из бюллетеня, вопрос.

Так было и с референдумом о членстве страны в ЕС. Премьер-министр Кэмерон пообещал провести референдум, потому что Партия независимости Соединен-

ного Королевства привлекала избирателей из числа сторонников Консервативной партии. К тому же, лидеру тори нужно было успокоить и дисциплинировать накануне парламентских выборов евроскептиков среди сторонников собственной партии, чтобы сохранить хотя бы видимость единства партии. Пообещать этот референдум было легко до выборов 2015 г., потому что на тот момент никто не предполагал, что консерваторы так уверенно и однозначно (по числу полученных благодаря мажоритарной системе мест) одержат на них победу. Кэмерон мог обещать референдум, поскольку предполагалось, что по итогам выборов возникнет коалиционное правительство. Непонятно было, какое именно – с консерваторами или без консерваторов. В любом случае коалиция консерваторов с любой другой партией означала, что партнер по коалиции идею референдума решительно отвергнет, и соответственно референдума не будет. Однако успех консерваторов на выборах спутал все карты. Получилось, что Кэмерон выиграл битву (выборы), но проиграл войну (референдум).

Голосование по выходу из ЕС во многом зависело от текущей ситуации в Евросоюзе. Миграционный кризис ее заметно усугубил. Тем не менее, вплоть до момента голосования ситуация не была однозначной. По опросам общественного мнения, твердых сторонников выхода было только 20%, а твердых сторонников членства Британии в ЕС – 30%, при высокой доле неопределившихся и волатильности мнения остальных. Незадолго до референдума опросы показывали 42-43% и на той, и на другой стороне при 16-18% неопределившихся. Референдум дал отрицательный ответ на вопрос в бюллетене незначительным большинством. Страна оказалась расколота.

На этом фоне Шотландская национальная партия выступает с заявлениями о том, что Шотландия, которая придерживается проевропейских позиций, и проголосовала за сохранение Британии в составе ЕС, вновь проведет референдум о независимости. В общенациональном парламенте всего 56 шотландских депутатов, однако они обладают политическим весом, который будет сказываться на всей внутренней и внешней политике Британии.

Парадокс сложившейся в 2016 г. ситуации в том, что после выборов и Брекзита ситуация остается очень тяжелой в обеих ведущих партиях страны. Июньский референдум не примирил стороны внутри партий и не смягчил межпартийную борьбу. Д.Кэмерон, проиграв референдум, вышел в отставку. На посту лидера партии его сменила Т.Мэй, став премьер-министром. И лидером тори, и премьер-министром она стала без выборов: остальные претенденты сняли свои кандидатуры или их забаллотировала парламентская фракция. Внеочередные парламентские выборы Т.Мэй проводить не намерена, не желая «играть в политические игры». Действительно, разногласия между «брекзитерами» (евроскептиками) и «бремейнами» (еврооптимистами) среди тори в этом случае вновь обостряются и выйдут на поверхность. В силу этого, консерваторы не смогут за счет внеочередных выборов увеличить свое незначительное большинство в парламенте (6 мест), воспользовавшись своим нынешним огромным преимуществом в популярности среди населения (42% против 25% у лейбористов)⁷.

В рядах лейбористов внутрипартийные разногласия обострились до предела. Правые лейбористы в 2014 г. сделали ошибку: они протащили изменение правил избрания партийного лидера. Раньше в выборах лидера участвовали три коллегии выборщиков – профсоюзы, члены партии и парламентская фракция. Для того, чтобы убрать левых – партийных активистов и профсоюзы – правые лейбористы добились принятия новой внешне очень демократичной процедуры: все сторонники Лейбо-

⁷ Voting intention: Labour voting intention at lowest level since 2009. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/12/09/voting-intention-labour-voting-intention-lowest-le/>

ристской партии, зарегистрированные избиратели, могли заплатить 3 фунта стерлингов и как полноправные члены проголосовать на выборах лидера партии в 2015 году. «Трехфунтовые сторонники» (около 200 тысяч) в массовом порядке приняли участие в голосовании: было разослано 600 000 бюллетеней! В результате на выборах нового лидера партии неожиданно победил Джереми Корбин, стоящий на крайнем левом фланге Лейбористской партии. Он выставил свою кандидатуру случайно, потому что группа левых в партийной фракции считала свои долгом выставить кандидатуру, даже не надеясь на победу. Успех Корбина был столь же неожиданным, сколь и ошеломляющим – он получил 59,5% голосов избирателей. Между тем в целом по стране лишь 14% избирателей придерживаются твердых левых взглядов. Правое крыло, недовольное Дж.Корбином, понимая, что с таким лидером ЛПВ не имеет шансов победить на следующих парламентских выборах, после референдума о членстве Британии в ЕС пошло в наступление. Партийная фракция выразила Корбину недоверие за «вялую» кампанию в пользу ЕС, спровоцировав новые выборы лидера партии. Национальный исполком, стремясь ограничить влияние левых, повысил взнос до 25 фунтов стерлингов. Однако дело обернулось еще большим проигрышем для правых лейбористов: на этот раз Корбин одержал победу с 61,8% голосов – т.е. больше, чем в 2015 году, – и при более высокой явке (77,6%). В голосовании участвовало свыше полумиллиона человек из 654 006 имевших право голоса – Лейбористская партия стала самой крупной в Европе. Корбин получил неоспоримое большинство во всех трех категориях: 59% – члены партии, 70% – зарегистрированные сторонники (опросы подтвердились), 60% – члены аффилированных с ЛПВ профсоюзов⁸.

Получается, что теперь партия будет стоять перед тем же выбором, что и в 1980-х годах, когда в 1983 году, при Майкле Футе, ее предвыборный манифест назвали «самой длинной запиской самоубийцы в истории». Она будет стоять перед тем же выбором, что и Консервативная партия в 1990-х и начале 2000-х годов, когда члены партии голосовали за лидера в соответствии со своими узкопартийными интересами, в партии был раскол по вопросу об отношении к евроинтеграции, и, соответственно, отсутствовала стройная программа. Перед Лейбористской партией будет стоять дилемма – «принципы или власть». Сторонники Корбина отдают предпочтение принципам, а не завоеванию власти. Им импонирует искренность и честность Корбина, даже если они не всегда с ним согласны.

Как Корбин будет взаимодействовать с правым крылом? По всей видимости, к 2020 году (следующим выборам) лейбористы не смогут создать впечатление единства партии, не смогут составить цельную последовательную программу, их лидер не сможет стать общенациональной фигурой. Соответственно, Т.Мэй, чей личный рейтинг намного превышает рейтинг Дж.Корбина (равно как и популярность тори выше популярности лейбористов), сохранит пост премьер-министра Великобритании, возможно, до 2025 года. Лейбористская партия будет до 2020 г. пребывать в глубоком кризисе, как и либеральные демократы. Ситуация в ЛПВ сможет измениться после выборов 2020 г. в случае избрания нового лидера партии.

Пожалуй, единственным исключением и партией существенно упрочившей свои позиции после поражения на референдуме о независимости Шотландии и поражения на референдуме о членстве Британии в ЕС, стала ШНП. Ее численность увеличилась в два раза: до 90 тысяч. Она успешно выступила на парламентских выборах 2015 г. и продолжает укреплять позиции в преддверии переговоров Лондона и Брюсселя об условиях выхода Британии из ЕС. Если Лондон не добьется от Брюс-

⁸ Labour leadership: Jeremy Corbyn defeats Owen Smith. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-37461219>

селя «мягкого Брежита», лидер ШНП Н.Стерджен угрожает вторым референдумом о независимости Шотландии. Более того, перекройка границ избирательных округов в 2018 г., кризис в ЛПВ, что укрепит позиции тори в стране, вызовет недовольство в Шотландии, где к Консервативной партии относятся без симпатий еще со времен М. Тэтчер. Однако усиление позиций шотландских националистов в целом лишь создаст Соединенному Королевству дополнительные проблемы и порождает новые асимметрии в партийно-политической системе Британии.

Северная Ирландия также проголосовала за сохранение членства Британии в ЕС, что вполне объяснимо: выход страны из ЕС означает, что с Республикой Ирландия будет установлена государственная граница. И в отношениях с этим регионом Лондон ожидают проблемы.

ПНСК, выиграв референдум, впала в глубокий кризис после ухода ее лидера Н.Фараджа в отставку. Выполнив свою экзистенциальную миссию – выход Британии из ЕС – партии предстоит поиск новой цели, что тем более сложно, поскольку ПНСК – партия «одного человека». Будет ли близкое личное знакомство Н.Фараджа⁹ и нового президента США Д.Трампа способствовать повышению шансов ПНСК на британской политической арене, пока прогнозировать рано.

Таким образом, Соединенному Королевству явно предстоят нелегкие времена. Переформируется ли партийно-политическая система, сохранится ли государственное устройство, ждет ли их фрагментация, или они продемонстрируют устойчивость – покажет время.

⁹ После окончания президентской кампании в США он уже несколько раз встречался с избранным президентом Д. Трампом, который предложил его кандидатуру в качестве посла Британии в США.

За последнее десятилетие крайне правые и праворадикальные партии (в рамках данной статьи понятия употребляются как синонимы) заметно расширили электоральную базу и постепенно стали весомой политической силой и неотъемлемой частью политических систем стран Западной Европы. Во многих странах ультраправые преодолевают свой прежний маргинальный имидж и год за годом отвоевывают голоса избирателей, превращаясь при этом в реальную угрозу для партий мейнстрима. Так, например, на региональных выборах в Германии в 2016 году праворадикальная партия Альтернатива для Германии (АдГ) получила места в половине из 16 немецких ландтагов. А в земле Мекленбург-Передняя Померания АдГ получила бо́льшую электоральную поддержку, чем Христианско-демократический союз канцлера Ангелы Меркель. В Австрии на президентских выборах 2016 года впервые со времен Второй мировой войны победу едва не одержал кандидат от ультраправой партии.¹ Рост популярности крайне правых партий красноречиво отражают и результаты последних выборов в Европарламент: в 2014 г. – из трех ведущих стран континента Германии, Англии и Франции в двух последних победу одержали именно ультраправые (Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party), получила 27,49% и французский Национальный Фронт (Front National) – 24,86% голосов избирателей). Сильные позиции ультраправые занимают также в Швейцарии и Скандинавских странах. И хотя многие эксперты по-прежнему утверждают, что крайне правые укрепляют позиции только в «слабых» институтах, а их электоральные успехи являются следствием протестного голосования (против доминирующих традиционных партий и политического истеблишмента в целом), но не привлекательности их идеологических установок, идей и ценностей – в этих оценках присутствует определенная доля политкорректности и лукавства. Разразившийся в 2015 году в Европейском Союзе иммиграционный кризис, прокатившаяся в 2015-2016 гг. по ряду европейских стран волна жестоких террористических актов лишь усилили формирующийся общеевропейский правый уклон. Антииммиграционная, евроскептическая и националистическая риторика являются в настоящий момент ключевыми моментами программ западноевропейских ультраправых партий и находят отклик у все большего количества граждан Европейского Союза.

Факторы роста ультраправых партий

Ренессанс правого радикализма в Западной Европе произошел спустя несколько лет после окончания Второй мировой войны. В некоторых странах уже в начале 1950-х имели место удачные попытки участия в политической жизни партий крайне правого толка. Можно бесконечно углубляться в теоретическую сущность послевоенных ультраправых в попытке найти определенную идеологическую преемственность с довоенным периодом или симпатию к основателям и вдохновителям

* Бадаева Анна Сергеевна – к.полит.н., научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН

¹ Норберт Хофер, кандидат от австрийской праворадикальной Партии Свободы, на президентских выборах весной 2016 года уступил своему сопернику от Партии зеленых Александру ван дер Беллену ничтожные 0,6%. Оспорив результаты и добившись повторных выборов, Норберт Хофер не смог опередить своего соперника и потерпел чувствительное поражение.

фашизма, как это делают некоторые исследователи². Показательна в этом плане ситуация в Австрии, где вследствие процесса денацификации более двух миллионов австрийцев оказались полностью отлучены от политической жизни своей страны. В итоге в 1949 году бывшие члены Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) создали «Союз Независимых», который несколько позже в 1956 г. был поглощен Австрийской партией свободы, получившей в том же году 6,5% голосов избирателей на выборах в Национальрат. По итогам парламентских выборов 2013 года этой партии принадлежит 20,5% мест в законодательном органе Австрии.

Как представляется, основной причиной повсеместного возрождения в Европе ультраправых течений явились изменения в социальной, экономической, политической и культурных сферах послевоенных западноевропейских государствах. Лидеры новых крайне правых партий находили популярные лозунги и предлагали программы, находящие отклик у определенной категории избирателей. Так, австрийский Союз Независимых активно работал с электоратом в среде мелкого и среднего австрийского бизнеса, находящегося преимущественно в провинции. Схожий формат своей деятельности имело крайне правое движение, основанное Пьером Пужадом в начале 1950-х гг. во Франции. Партия П.Пужада, осуждающая аристократическое общество Франции и отстаивающая свободы мелких предпринимателей получила 11,6% голосов избирателей на парламентских выборах 1956 года.

По мере становления государства всеобщего благосостояния и современных демократических институтов, роста приверженности постматериальным ценностям стала отчетливее проявляться отмеченная известным политологом Г.Китчельтом тенденция: противоборствующие на политической сцене партии взаимодействуют путем использования различных технологий для привлечения наибольшего числа избирателей и освоения новых политически выгодных для себя структур. В этих условиях правые радикалы способны продемонстрировать высокую политическую эффективность и трансформировать западноевропейскую партийную систему в целом.³

Уже 1970-е гг. ознаменовались появлением целой плеяды новых ультраправых партий в большинстве западноевропейских стран. В свою очередь, традиционные партии этого региона также оказались перед необходимостью адаптироваться к современным условиям постиндустриального мира. В том числе к неудовлетворенности значительной части населения своим социально-экономическим положением, к росту имущественного неравенства на фоне повышения уровня образования, к опасению и даже страху граждан остаться без работы в условиях рационализации производства и увеличивающихся иммиграционных потоков. В подобных условиях возникновение феномен большого числа ультраправых и праворадикальных партий и тем более их политический успех были связаны скорее не с содержанием их идеологий, а с теми политическими нишами, тем политическим пространством, которое им удалось занять, и теми реальными общественными проблемами, которые они смогли акцентировать с выгодой для себя.

В Скандинавии в начале 1970-х гг. экономическая программа новообразованных ультраправых партий обеспечила им настоящий политический прорыв (около 15% голосов избирателей) уже на первых парламентских выборах, на которых им довелось принять участие. Датская и норвежская Партии прогресса, а также шведская Новая демократия обещали своему избирателю уменьшение налогообложения и

² Minkenberg M. Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland. Opladen, 1998.

³ Kitschelt H. (with the collaboration of A.J. McGann). The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis. Ann Arbor, 1995.

вмешательства государства, и при этом требовали увеличения финансирования здравоохранения и пенсионной системы.⁴

Во Франции, напротив, в 1970-е гг. экономическая программа ультраправых принесла им мизерные дивиденды на выборах. Основанный в 1972 г. Национальный фронт предлагал схожие со скандинавскими крайне правыми идеи, однако на своих первых трех парламентских выборах не набирал больше 0,5% голосов избирателей. Ситуация изменилась в середине 1980-х гг. Антииммигрантская составляющая изначально присутствовала в риторике Национального фронта, и именно она обеспечила внезапный скачок популярности партии: 9,8% голосов и 35 депутатских мандатов на выборах в Национальное собрание в 1986 г. (В 1988 во Франции была восстановлена мажоритарная система выборов в Национальное собрание, которая действует до сих пор и, согласно итогам парламентских выборов в 2012 году, не позволила Национальному фронту получить более 2 представителей в государственном законодательном органе при поддержке 13,6% избирателей).

С 1980-х гг. вообще подъем новой волны электорального успеха праворадикальных партий в Западной Европе оказался в значительной мере связан с политизацией вопроса об иммиграции. Если раньше в 1970-е гг. первые политические вопросы, возникшие в связи с притоком иммигрантов, касались скорее необходимости защиты национальной рабочей силы, то в 1980-е гг. к ним присоединилась культурно-религиозная составляющая. Потоки трудовой миграции не останавливались, но дополнились иной категорией лиц: желающими воссоединиться по семейным мотивам и беженцами, которых становилось все больше и от которых европейские страны не могли отказаться уже в силу своих международных обязательств. Внимание избирателей сфокусировалось на мигрантах, как новой угрозе благосостоянию европейского общества и собственной безопасности европейских граждан. При этом недовольство населения усиливалось необходимостью тратить все более весомые бюджетные средства на безработных, нередко криминализирующихся и нежелающих интегрироваться в европейское общество иммигрантов.

В 1990-х гг. в Западной Европе успешно выступать на выборах стали те партии, которые сумели вовремя почувствовать настроение масс и переключиться на новые социальные проблемы, связанные с ростом иммиграции, проблемами глобализации, продолжающимся расширением и растущей бюрократизацией ЕС. В этой связи программы западноевропейских ультраправых партий начали привлекать все большее количество избирателей. Благодаря красноречивым лозунгам о приоритете защиты национальных ценностей, с легкостью находящим отклик и понимание в сердцах простых граждан, в научной литературе и СМИ у праворадикальных партий появились и новые определения: популисты и евроскептики, национал-консерваторы и ксенофобы.

Иммиграционный кризис в ЕС в 2015 году обострил ситуацию как никогда. Партии мейнстрима оказались под прессом мощной критики со стороны своих избирателей по вопросам касающимся их неспособности сократить потоки инокультурной иммиграции, решить проблемы исламизации и криминализации. и, наконец, их неспособности противостоять усиливающейся террористической угрозе в странах ЕС. Между тем правящие элиты, в свою очередь, также адаптируются к происходящим событиям и изменениям общественных настроений. В их распоряжении имеется достаточное количество ресурсов и наработанные коммуникативные и иные стратегии, способные сбить рост популярности праворадикалов и снизить их результативность на выборах.

⁴ Bjorklund T., Andersen J. Scandinavia and the Far Right. The Far Right in Europe / An Encyclopedia. Ed. by P. Davies and P. Jackson. Oxford, 2008. P. 147-163.

Реалии «правого поворота» в Западной Европе

На диаграмме 1 представлены результаты нескольких западноевропейских ультраправых партий на парламентских выборах с 1970-х по 2010-е гг. Они отражают постепенный рост крайне правых настроений в обществе, достигший своего максимума в последнее десятилетие. Большинство из этих партий являются если не второй, то третьей политической силой в каждой из стран, которую они представляют.

Диаграмма 1

Результативность западноевропейских ультраправых партий на парламентских выборах (1970-2010-е гг.)

В 2015 году Датская народная партия и Истинные Финны вышли на второе место на парламентских выборах в Дании и Финляндии. В том же году Швейцарская народная партия стала первой на выборах в своей стране. Национальный фронт, Партия независимости Соединенного королевства, Шведские демократы и Австрийская партия свободы являются третьими по количеству поданных за них голосов избирателей политическими силами на последних парламентских выборах во Франции, Великобритании, Швеции и Австрии соответственно. Но далеко не в каждой из вышеуказанных европейских стран праворадикалам удастся поучаствовать в формировании властных структур и тем более попытаться воплотить в жизнь продвигаемые ими идеи.

Основная причина — трудности проникновения во властные структуры в условиях политической конкуренции в рамках существующих избирательных систем, ориентированных на отсеечение радикальных сил и усиление политического центра,

равно как и на поддержание управляемости политических процессов в соответствующих странах. Например, хорошо известно, что при мажоритарной системе выборов в государстве, как правило, складывается двухпартийная партийно-политическая система, при которой шансы новых и мелких партий попасть в парламент – и тем более занять там политически значимые позиции, т.е. завоевать существенное количество мест – сведены к минимуму (если только электорат этих малых или радикальных партий не локализован географически, как у региональных европейских националистов где-нибудь в Шотландии, например).

В этой связи, современные праворадикальные партии во Франции и Великобритании, несмотря на свою относительно высокую и растущую популярность у электората, испытывают серьезные трудности в получении депутатских мандатов. Так на парламентских выборах в Великобритании в 2015 году Партия независимости Соединенного Королевства в целом по стране набрала 12,6% голосов избирателей, но при этом получила в итоге всего 1 место из 646 в Палате общин.⁵ Схожая ситуация складывается во Франции: крайне правые из Национального фронта занимают в парламенте 2 места из 577, получив 13,6% голосов избирателей на выборах.⁶ Популярность Национального фронта во Франции в последние годы стала настолько высокой, что на региональных выборах в 2015 году системные партии вынуждены были пойти на сговор с целью не допустить победы ультраправых в регионах: во втором туре отстающие социалисты отзывали своих кандидатов, призвав при этом своих избирателей голосовать за республиканцев, по логике «враг моего врага – мой друг». (Подобная тактика уже помогла однажды республиканцам в ходе президентских выборов в 2002 году, на которых по итогам первого тура уверенно лидировал Жан-Мари Ле Пен. Тогда во втором туре он потерпел разгромное поражение от имевшего изначально более низкий рейтинг Жака Ширака – благодаря мобилизации французских не только право-консервативных, но и левых избирателей под популярным лозунгом «За вора, но не за фашиста!».⁷) Ставки были высоки, поскольку накануне выборов, согласно территориальной реформе, количество регионов сократилось с 22 до 13. В итоге Национальный фронт не смог одержать победы ни в одном регионе. С другой стороны, он втрое увеличил количество региональных советников, продолжая таким образом укореняться по всей территории Франции. Действительно, ситуация на политической сцене Франции весьма неординарна. Некоторые эксперты, в частности, Арно Дюбьен, директор франко-российского аналитического центра «Обсерво», комментируя последние региональные выборы во Франции, указал на окончательное становление в этой стране с мажоритарной традицией трехполюсной партийной системы, в которой есть левые, правоцентристы и ультраправые.⁸ В настоящий момент французские ультраправые готовятся к новому серьезному сражению: президентским выборам в 2017 году. При этом не случайно партийное руководство ведет активную работу над улучшением имиджа Национального фронта, нацеливаясь максимально консолидировать электорат. Важным событием 2015 года стало исключение из рядов партии ее собственного основателя Жана-Мари Ле Пена, расистские и антисемитские высказывания которого наносили тяжелый удар по репутации Национального фронта. Во главе с новым лидером Национальный фронт начал постепенно меняться, приобретая респектабельные очертания. Ряд отечественных исследователей усматривает в этом сдвиг Национально фронта от крайне

⁵ <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2015/may/07/live-uk-election-results-in-full>

⁶ [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__LG2012/\(path\)/LG2012/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__LG2012/(path)/LG2012/FE.html)

⁷ http://www.liberation.fr/evenement/2002/04/23/votez-escroc-pas-facho_401301

⁸ <https://interaffairs.ru/news/show/14293>

правых позиций к центру.⁹ Так, партия не выступает больше с призывом отмены евро, отказалась от жесткой антиисламской риторики, активно приглашая в партию в том числе и арабов, сфокусировав при этом свое внимание на борьбе с нелегальной миграцией.

В странах с пропорциональной избирательной системой оппозиционные партии, как правило, формируют коалиции и блокируют реальную возможность правых радикалов повлиять на политические решения, принимаемые в законодательных органах. Несколько лет подобная ситуация складывалась в Швеции, где в 2010 г. Шведские демократы преодолели 4% барьер и получили 20 мест из 349 в парламенте страны. На выборах в 2014 г. Шведские демократы увеличили результативность вдвое, но ни одна другая партия не сочла возможным сотрудничать с ними. Между тем, в скором времени ситуация может измениться в пользу Шведских демократов. В кризисный 2015 год в Швецию прибыло максимальное количество беженцев из расчета на душу населения по сравнению с другими странами Европейского Союза. Несмотря на то, что больше половины граждан Швеции выступают за кардинальное сокращение потока иммигрантов, Шведские демократы являются единственной партией активно поддерживающей их нарастающие требования. Социологический опрос, проводимый центром Yougov, показал, что в начале 2016 года партию Шведские демократы готовы были поддержать 25,2% населения.¹⁰ При таком раскладе шведские ультраправые могли бы стать победителями на ближайших парламентских выборах, обойдя как Социал-демократическую, так и Умеренную коалиционную партии. К концу 2016 года, согласно социологическим прогнозам, популярность Шведских демократов снизилась до 21,5%, тем не менее этот результат на 9% выше того, что смогли получить шведские ультраправые на парламентских выборах в 2014 г.¹¹ Следует отметить, что лидер Шведских демократов Йимми Окессон, как и лидер Национального фронта Марин Ле Пен, ведет активную работу по улучшению имиджа своей партии, придавая ему социально-консервативные очертания. Если раньше Шведских демократов рассматривали как партию «одного вопроса», то с конца 2013 года помимо проблем связанных с иммиграцией, Й.Окессон начал касаться и экономических трудностей: рост неравенства в Швеции (коэффициент Джини, измеряющий неравенство в доходах, вырос за одно поколение в Швеции на 25%), недостаток рабочей силы в определенных секторах экономики, продолжительность рабочего времени и прочее. Подобная тактика привлекает на сторону Шведских демократов все большее количество избирателей, среди которых уже не только синие воротнички, но и представители среднего класса, разочаровавшиеся в политике сменяющих друг друга право- и левоцентристских коалиций.¹² Не отстают от шведских соседей и «Истинные финны», лидер которых в последнее время осуществляет аналогичный шведам и французам ребрендинг собственной партии, смягчая, прежде всего, ее антииммигрантскую риторику. Так, Тимо Сойни, высказывался о том, что у партии есть мнения не только по вопросам миграции, есть много проблем в экономике. Ну а теперь, учитывая занимаемую должность министра иностранных дел, ему явно есть что сказать и о политике.

Что же скрывается за резким изменением тональности лидеров западноевропейских ультраправых партий? Продолжительный опыт борьбы за симпатии электората выявил, что откровенно шовинистская риторика часто отпугивает широкие слои

⁹ Осипов Е. Ле Пен не прошла. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/12/15/620953-le-pen-ne-proshla>

¹⁰ <http://www.aftonbladet.se/nyheter/article21279957.ab>

¹¹ <http://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/article23919959.ab>

¹² http://www.bbc.com/russian/society/2015/11/151111_sweden_migrants_far_right_party

избирателей и загоняет ультраправых в малоперспективное политическое гетто. Большая часть граждан усматривает в жесткой националистической риторике бессмысленную попытку разжигания межэтнической и межконфессиональной розни, чреватую серьезными внутренними конфликтами. Одновременно обвинения в ксенофобии, экстремизме, расизме и тесных связях с фашизмом являются мощным дискредитирующим средством в руках правящей элиты. Отсюда попытки ребрендинга самых разных право-радикальных партий практически по всей Европе, стремление представить их поборниками национальных культур и ответственного отношения к иммиграции, способные, по мнению инициаторов, открыть правым радикалам дорогу в большую политику.

Однако ребрендинг не способен изменить сложившуюся политическую репутацию, тем более, что обвинения в ксенофобии и связях с фашизмом зачастую отнюдь не выглядят необоснованными. Например, партия Шведские демократы уходит своими корнями в нацистское движение «Сохраните Швецию шведской». До 1996 года ее члены носили специальную униформу, а 50% ответственных членов партии Шведских демократов имели криминальное прошлое.¹³ В свою очередь норвежская ультраправая Партия прогресса прославилась тем, что в ее ряды входил фанатик-убийца Андерс Брейвик. Многие члены европейских правых партий до сих пор позволяют себе компрометирующие высказывания, особенно болезненно воспринимаемые гражданами в привыкшей к практически безграничной толерантности Европе. Так, представительница Шведских демократов Гунилла Шмидт в наиболее напряженный момент миграционного кризиса в 2015 г. предложила решить проблему беженцев, «поставив пулемет на Эресуннском мосту», соединяющем Данию и Швецию.¹⁴ А бывший лидер французского Национального фронта Жан-Мари Ле Пен прославился своими двусмысленными антисемитскими высказываниями.¹⁵ В борьбе за власть современным западноевропейским ультраправым приходится сегодня тщательнейшим образом работать над собственным имиджем, и тут еще имеются резервы.

Особая ситуация складывается в Германии с праворадикалами. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) единственный раз в 1969 г. завоевала 4,3% голосов на федеральных выборах. Затем на протяжении десятилетий результат партии был ниже 0,5%. И только начиная с 2005 г. ее популярность несколько возросла. Многие исследователи склоняются к тому, что у НДПГ едва ли есть серьезное политическое будущее.¹⁶ Ведомство по охране конституции ФРГ определяет ее как правоэкстремистскую. Не без оснований НДПГ уличают в сотрудничестве с неонацистскими группировками. Кроме того партию неоднократно пытались признать незаконной организацией. 1 марта 2016 г. в городе Карлсруэ была предпринята очередная попытка через суд запретить НДПГ.¹⁷ Трудно сказать, является ли это событие случайным на фоне разразившегося миграционного кризиса в 2015 г. и в связи с ростом антииммиграционных настроений в немецком обществе как питательной среды для некоторого подъема рейтингов популярности НДПГ, но на последних земельных выборах в 2014 г. партии не хватило всего 0,05% чтобы попасть

¹³ Widfeldt A. Party Change as a Necessity- the Case of the Sweden Democrats // Representation. 2008. V.44. №3. P. 269

¹⁴ <http://lifenews.ru/news/161228>

¹⁵ <http://www.europe1.fr/politique/polemique-sur-la-fournee-l-intervieweuse-de-le-pen-ne-regrette-rien-2155105>

¹⁶ Белов В. Власть Германии снова пытаются запретить праворадикальную партию. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/02/632159-vlasti-germanii-snova-pitayutsya-zapretit-pravoradikalnuyu-partiyu>

¹⁷ Камкин А. Запрет НДПГ – защита демократии или борьба с инакомыслием? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7404#top-content

в земельный парламент Саксонии. С 2006 г. НДПГ имеет представителей в другом восточногерманском земельном парламенте – Мекленбурга Передней Померании. Помимо опасений в «фашизции провинции» НДПГ обвиняют еще и в «связях с Путиным» и «симпатии к России».¹⁸ И в современных европейских информационных и политических реалиях это едва ли не более тяжкое обвинение. Как бы там ни было, стоит отметить, что позиции НДПГ, как и прочих праворадикалов, сильны именно в Восточной Германии, где, по мнению западных исследователей, в послевоенный период не проходило столь мощного анализа исторического прошлого в духе освобождения от нацизма и покаяния, как на западе Германии.

Именно в восточной Германии в 2013 г. была основана ультраправая партия – Альтернатива для Германии (АдГ), придерживающаяся евроскептических и национал-консервативных взглядов. Уже на первых всенародных выборах, а именно в Европарламент в 2014 г., новую правую партию поддержали 7% избирателей. А после выборов в земельные парламенты в 2016 г. Альтернатива для Германии получила мандаты в 10 из 16 ландтагов Германии. Наибольшего успеха АдГ добилась в земле Мекленбург-Передняя Померания, получив 21,8% голосов избирателей, обойдя Христианско-демократический союз (ХДС), возглавляемый канцлером Ангелой Меркель. Впереди оказалась только Социал-демократическая партия Германии. На выборах в Берлине АдГ завоевала 12%, опять же перетянув на свою сторону голоса бывших сторонников ХДС. В 2015 г. правительство Германии, в лице А.Меркель, направило в Берлин наибольшее (по сравнению с другими 15 федеральными землями) число беженцев. Региональные выборы, состоявшиеся спустя год после прибытия переселенцев, естественным образом стали референдумом о доверии курсу канцлера. Между тем, несмотря на поразительный успех, АдГ не удается пока существенным образом повлиять на политику, проводимую земельными правительствами, поскольку традиционные партии категорически отказываются политически взаимодействовать и тем более вступать в коалиции с правыми радикалами.

Почти одновременно с АдГ на востоке Германии, в Саксонии, зародилось ультраправое политическое движение ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада), организующее по всей Германии многотысячные демонстрации и другие акции против исламизации Европы. Среди его участников как простые рабочие, так и представители среднего класса, люди, которые не чувствуют, что их опасения были услышаны и поняты политическим истеблишментом страны. Количество сторонников ПЕГИДА значительно возросло после волны страшных терактов на территории Европы, а также скандалов, демонстрирующих бездействие и беспомощность властных структур по отношению к криминализирующимся иммигрантам. В свою очередь правящие круги активно критикуют действия оппонентов. Канцлер Ангела Меркель заявила, что «в Германии нет места для агитации против иммиграции» и что она примет участие в протестной акции мусульман в Берлине. А в своем новогоднем обращении к народу Германии, приуроченном к началу 2016 года, А.Меркель обвинила демонстрантов ПЕГИДА в предрассудках и разжигании ненависти.¹⁹ По всей видимости, канцлер Германии полагает, что призывы к совести и чувству вины немецких граждан в связи с нацистским историческим наследием Германии являются до сих пор максимально действенным методом борьбы с популярностью ультраправых движений. Однако стоит отметить, что в последнее время бундесканцлерин заговорила о необходимости резкого ужесточения миграционной поли-

¹⁸ <http://www.dw.com/ru/6-фактов-о-правоэкстремистской-ндпг-и-ее-возможном-запрете-в-германии/a-19085065>

¹⁹ http://www.focus.de/politik/deutschland/neujahrsansprache-der-kanzlerin-merkel-fluechtlinge-sind-fuer-deutschland-eine-chance-von-morgen_id_5183457.html

тики Германии. Связано это прежде всего с тем, что А.Меркель решила в очередной раз выставить свою кандидатуру на пост канцлера, выборы которого должны пройти в Германии в 2017 году.

Бывший премьер министр Великобритании Дэвид Кэмерон изначально действовал иначе, заимствуя у праворадикалов их наиболее популярные лозунги, в т.ч. изрядную долю евроскептицизма. Поэтому обещание провести референдум о выходе его страны из ЕС стало одним из принципиальных пунктов предвыборной кампании Д.Кэмерона и во многом обеспечило победу Консервативной партии на парламентских выборах в 2015 году. Тем не менее, он не смог удержаться у власти, сдержав свое обещание и проведя всенародный референдум в июне 2016 г., итогом которого стало решение британцев выйти из Европейского Союза. Результаты британского плебисцита укрепили не только позиции Партии независимости Соединенного Королевства, но и придали уверенности в собственных силах и возможном успехе остальным западноевропейским правым и праворадикальным партиям и движениям.

В обозримом будущем правым радикалам, ультраправым партиям безусловно будет крайне сложно консолидировать количество электората, достаточное для победы на общенациональных выборах. Можно говорить о достижении ими предела своих электоральных и политических возможностей. Однако текущие социально-экономическая и политическая ситуация в Европейском Союзе настолько сложны, что в любой момент вполне возможен еще более выраженный правый поворот избирателей, о чем, кстати, свидетельствуют проводимые социологические опросы. Неконтролируемые миграционные потоки, волна террористических актов на территории ЕС, обостряют у простых граждан чувство уязвимости и незащищенности, перерастающее в очевидный рост разочарования и даже открытого недовольства традиционными партиями и политиками, их возглавляющими.

В настоящее время наиболее вероятным направлением развития европейских крайне правых партий и движений выступает усиление мозаичности их программ, дальнейший дрейф к центру и трансформация не в традиционных (с неизменно консервативными социальными и политическими идеалами – тут как раз могут быть варианты), но в респектабельных правых – как это уже происходит в Дании, Норвегии, Финляндии, где представители ультраправых партий постепенно вливаются в состав политической элиты, в правительственные круги, и как это может произойти во Франции в случае усиления позиций Национального фронта или маловероятной пока, по прогнозам социологов, победы Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 года.

КАМЕНСКАЯ Г.В. ПОПУЛИСТСКАЯ ВОЛНА – ЧТО ДАЛЬШЕ?*

Изучение современного партийно-политического ландшафта, истории становления партийных систем, их эволюции и типологизации традиционно протекает в рамках спокойной академической дискуссии политологов и историков. Периодически – на время крупных избирательных кампаний в ведущих странах мира – она прерывается всплеском интереса к этой тематике со стороны журналистов и широкого исследовательского сообщества, а затем вновь возвращается на страницы специализированных изданий. В 2016 году наиболее оживлённые и подробные комментарии, несомненно, сопровождали острейшую борьбу, которая развернулась в ходе кампании по выборам президента США, а затем неожиданную для большинства аналитиков победу Дональда Трампа. Сюжет прошедших американских выборов оказался настолько острым и захватывающим, а развязка труднопредсказуемой, что не только специалистам надолго хватит материала для анализа – к событиям лета-осени 2016 года не раз будут возвращаться и СМИ. Следующий период повышенного внимания журналистов и экспертов к электоральной теме вполне ожидаемо связан с «большими выборами» 2017 года в Европе – президентскими во Франции и парламентскими в Бундестаг ФРГ, на которых определятся шансы Ангелы Меркель в четвёртый раз занять пост канцлера.

Уже завершившийся «американский марафон» Хилари Клинтон и Дональда Трампа, предстоящая борьба Марин Ле Пен за президентский пост на выборах 2017 года, где она, по прогнозам, выходит во второй тур, вопрос о том, сколько голосов партия «Альтернатива для Германии» отберёт у грандов немецкой политической жизни – ХДС и СДПГ на выборах в Бундестаг, особенно если до сентября 2017 года в стране произойдут новые теракты, несколько затемнили другие знаковые перемены в европейской партийно-политической палитре. Среди них – рост популярности партии «Пять звёзд» в Италии, восхождение «Подemos», отбирающей голоса у Испанской социалистической рабочей партии, приход в большую политику ультраправых «Шведских демократов», получивших на парламентских выборах 2014 года 13% голосов избирателей, победа на повторных выборах в Австрии представителя партии «зелёных» Александра Ван дер Белена, сумевшего лишь со второй попытки отодвинуть Норберта Хофера, кандидата националистической Партии свободы, от поста президента и другие события, которые свидетельствуют о глубокой трансформации или, как минимум, о движении к трансформации партийных систем многих стран.

Подводя итоги 2016 года и пытаясь выявить то общее, что проявилось в этих и целом ряде других событий, политологи практически единодушно говорили о «бунте против глобализации» и возрождении идей национализма, о выходе на авансцену политической жизни политиков популистского толка, об усилении изоляционистских настроений и центробежных тенденций, о «новом регионализме», что проявляется как в политической сфере, так и в экономике – во всё более отчётливом разделении мира на несколько региональных блоков. Особенно яркие публицистические оценки получили итоги референдума в Британии и победа Дональда Трампа, которые ставились в один ряд как неоспоримые свидетельства победы консервативно настроенных избирателей и национально ориентированных групп элит над кандидатами и проектами, представляющими глобалистские интересы.

* Каменская Галина Валентиновна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН

Растущий разрыв «молчаливого большинства» и космополитических элит в западном обществе давно стал предметом изучения социологов и политологов. Так, С.Хантингтон писал: «Взгляд широкой общественности на национальную идентичность существенно отличается от взгляда элит. Эта разница во взглядах отражает глубинный конфликт... между высоким уровнем национального самосознания общества и не менее высокой степени, в которой элиты денационализированы и привержены космополитическим, субнациональным и транснациональным ценностям. Народ, нация в целом озабочены общественной безопасностью, которая... включает в себя неизменность – в пределах, допускающих неуклонное развитие, – традиционных паттернов языка, культуры, обычаев, структур, а также религиозной и национальной идентичности. Для многих элит эта безопасность вторична по сравнению с участием в глобализованной экономике и международной торговле, в трансмиграции и деятельности международных институтов, пропагандой транснациональных ценностей и поддержкой идентичностей и культур социальных меньшинств».¹ И хотя в работе Хантингтона, основанной на большом массиве социологических данных, речь шла о США на рубеже XX-XXI вв., не будет преувеличением сказать, что сделанные им выводы применимы к большинству современных западных обществ. Достаточно вспомнить, например, выступления противников однополых браков во Франции – хотя закон о легализации таких союзов, включая разрешение усыновлять детей, вступил в силу с 2013 года, демонстрации за его отмену не прекращаются до сих пор, собирая в Париже десятки тысяч (по оценкам организаторов – сотни тысяч) участников.

Одна из наиболее глубоких линий раскола между приверженцами традиционных ценностей, с одной стороны, и элитами, ориентированными на глобалистский проект, проходит по вопросу миграционной политики. Нарастание миграционного потока и изменение его состава, по единодушному мнению аналитиков, служит мощным катализатором антиглобалистских, националистических настроений, особенно в странах Западной Европы, и, соответственно, быстрого роста электоральной поддержки партий и движений, типологически схожих с «Национальным фронтом» во Франции и «Альтернативой для Германии». Новое качество этим тенденциям способно дать нарастание террористической угрозы в крупнейших городах Европы. Теракты в Париже в январе и ноябре 2015 года, в Брюсселе в марте 2016 года, в Ницце в июле 2016 года, в Германии в декабре того же 2016 года, если называть только самые резонансные и крупные по числу жертв преступления, могут в скором будущем иметь кумулятивный эффект в плане перераспределения голосов избирателей в пользу партий, выступающих за ужесточение миграционной политики. Отвечая на запрос общества, ведущие системные партии, скорее всего, также будут постепенно сдвигаться в сторону таких мер, как усложнение процедуры получения мигрантами гражданства и затруднение процесса воссоединения семей, повышение требований к образовательному уровню переселенцев, сокращение программ предоставляемой им медицинской и социальной помощи.

Результаты состоявшихся или предстоящих в ближайшие годы выборов, которые называют «выборами – отрицанием», определяются не только ценностным расколом национально ориентированного большинства и приверженных наднациональным целям элит, но и причинами экономического порядка. Стали уже общим местом утверждения о размывании среднего класса в экономически развитых странах. Так, в США его доля впервые за многие десятилетия стала меньше 50%. При этом доходы среднего класса не растут или растут незначительно, существенно отставая от темпов роста экономики в целом, а долговая нагрузка на домохозяйства увеличива-

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 507-508.

ется. Изменения на рынке труда, происходящие в настоящее время, в наибольшей мере угрожают именно позициям «благополучной середины»: занятость быстрее всего сокращается в тех сегментах, где заработная плата позволяет поддерживать уровень жизни среднего класса, а три четверти вновь создаваемых рабочих мест относятся к категории низкооплачиваемых.

Анализируя по горячим следам причины победы Дональда Трампа, Лоуренс Макдональд, один из бывших высокопоставленных сотрудников банка «Леман Бразерс» и автор бестселлера «Колоссальный крах здравого смысла», привёл красноречивые цифры, показывающие истоки недовольства американцев не только политикой демократов, но и действиями руководства республиканцев, что стало одной из важнейших слагаемых успеха «несистемного» кандидата. Если называть лишь некоторые из этих цифр, то наиболее впечатляюще выглядят результаты исследования компании МакКинси, согласно которым 70% американцев за последние 10 лет ощутили снижение своих доходов. За те же 10 лет численность населения Америки увеличилась на 29,4 млн. человек, в то же время прирост рабочих мест с постоянной занятостью составил лишь 2,1 млн. К концу президентского срока Барака Обамы, в декабре 2016 года, по данным статистических служб, количество неработающих американцев составило 95 млн. человек (из 218 млн. трудоспособного населения), а государственный долг страны вырос с 8,8 трлн. долл. в 2008 г. до 18,5 трлн. долл. в 2016 г.²

Коротко суммируя, можно сказать, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе динамика эволюции партийных предпочтений в ведущих странах Запада будет определяться подъёмом протестной волны, направленной против той реальности, которая формируется сочетанием двух основных факторов. Во-первых, продолжением начатой с 60-х гг. XX в. политики разрушения устоев христианской культуры и традиционной морали, что одновременно сопровождается быстрым изменением этнического состава западных обществ. И, во-вторых – это особенно отчётливо проявилось с началом кризиса 2008 г., – экономической неустойчивостью. Если специалисты начали оценивать её как «новую нормальность» с крайне низкими процентными ставками и невысокими темпами роста экономики, то у значительной части населения эта «новая нормальность» породила тревогу, ощущение угрозы своему материальному положению и чувство неопределённости будущего. Причём в первую очередь такое ощущение оказалось свойственно среднему классу – прежде вполне благополучным социальным группам, уверенным в стабильности своего благосостояния и перспективах его постоянного, длительного роста. Оба названных фактора служат основным катализатором роста электоральной привлекательности гибридных партий и движений «право-левой» ориентации или, как их обычно называют оппоненты, популистских. В их программах сочетается «правая», консервативная социально-культурная составляющая и дирижистские и даже левые экономические подходы, которые могут включать как умеренные лозунги, так и довольно радикальные, или, по крайней мере, воспринимаемые таковыми в сравнении с позициями основных системных участников политического процесса.

Наиболее известными к настоящему времени примерами подобного рода партий или партийных платформ могут служить «синие лейбористы» в Великобритании, «Истинные финны», «Альтернатива для Германии», французский «Национальный фронт». Их общими требованиями выступают ограничение наднационального регулирования, обеспечение правопорядка, защита национальной культуры, сохранение традиционных семейных ценностей и трудовой этики, ужесточение миграционного законодательства, протекционистская экономическая политика, меры поддержки и

² <http://worldcrisis.ru/crisis/2553956>

развития малого и среднего бизнеса, стимулирование занятости. Если посмотреть, например, на историю электоральных успехов партии «Истинные финны», которая очень типична, но не столь широко обсуждается, как постоянно упоминаемый в СМИ «Национальный фронт», то как раз умеренно-консервативная программа позволила им совершить настоящий рывок на выборах, увеличив своё представительство в парламенте с 5 мест в 2007 г. до 39 – в 2011, т.е. почти в восемь раз (а число поданных за партию голосов избирателей даже еще более впечатляюще – с 1% до 19,1% с 1999 по 2011 г.). «Истинные финны», сторонников которых оппоненты характеризовали не иначе, как популисты, радикальные националисты и даже шовинисты, стабильно заняли свою нишу, внеся в политическую повестку дня страны проблемы, ранее замалчиваемые основными партиями, но значимые для избирателей. На выборах 2015 г. партия доказала, что огромный успех предыдущих выборов не был случайным и подтвердила свои позиции, завоевав 38 депутатских мест (пусть и получив несколько меньшее число голосов – 17,6%). Это позволило партии получить 4 портфеля в составе нового кабинета министров, сформированного по результатам парламентских выборов, причём её представители заняли целый ряд ключевых должностей в правительстве – посты министра обороны, иностранных дел (лидер партии Т.Сойни), социального обеспечения и здравоохранения, министра труда и юстиции. Как и французский «Национальный фронт», «Истинные финны» за короткий срок дистанцировались от наиболее непримиримо настроенных представителей своей партии, избавились от прежде звучавших радикальных лозунгов и требований, пресекли открытые проявления расовой нетерпимости в партийной риторике и стали вполне респектабельной силой, участвующей в «большой политике» внутри страны наравне с другими партиями.

История их стремительного и уверенного вхождения в политику, как и других прежде маргинализируемых истеблишментом партий, казалось бы, служит наглядной иллюстрацией выводов тех аналитиков, которые называют предстоящие годы партийно-политической жизни Европы и США периодом подъёма популистской волны, реванша консервативных сил, наступления антиглобализма и электоральных побед национально ориентированных политиков, за которыми стоят соответствующие элитные группы. На событийном уровне это действительно так. Однако сюжеты борьбы за голоса избирателей, даже самые яркие и имеющие неожиданную развязку, не должны заслонять от аналитиков другие процессы, которые быстро развиваются и, несомненно, будут иметь самые глубокие последствия, в том числе для партийно-политической сферы.

По необходимости кратко акцентируем внимание на нескольких моментах. Во-первых, несмотря на соперничество и регулярную смену соотношения сил партий в парламентах, коллизии борьбы за президентский пост, в ведущих экономиках мира продолжается и ускоряется процесс концентрации активов в руках сверхтонкой прослойки собственников. Ещё в начале 2000-х гг. Пол Кругман, анализируя тенденции в области распределения доходов, сложившиеся в американском обществе в 80-90-е гг. XX в., отмечал, что основной выигрыш от длительного периода экономического роста в стране сконцентрировался в руках 10% наиболее обеспеченного населения, тогда как доходы остальных 90% стагнировали или увеличивались незначительно. При этом «...к концу 1980-х в верхней части шкалы распределения доходов происходило нечто выходящее из ряда вон: богачи уходили в отрыв от людей просто обеспеченных, а свехбогачи – от богачей обыкновенных. (...) После 1970-х годов только высший 1% населения США добился большего, чем в поколении, жившем

сразу после Второй мировой войны... У высших 0,1% населения доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 годом».³

Обращаясь уже к сегодняшнему дню, другой американский экономист, Джозеф Стиглиц, делает вывод о том, что оживление экономики, начавшееся после недавнего кризиса 2008 г., принесло выгоды лишь тому же 1% жителей страны. По его словам, «Последствия кризиса 2008 года для обычных американцев оказались особенно суровыми, учитывая то, что в период с 2007 по 2013 год более 14 миллионов заложенных домов было отобрано... Агрессивная монетарная политика (так называемая «политика количественного смягчения») была нацелена преимущественно на восстановление прежних цен на фондовом рынке, а не на кредитование малого и среднего бизнеса. В результате она оказалась весьма эффективной с точки зрения восстановления прежнего уровня благосостояния богатых людей, но не сделала ничего, чтобы помочь среднестатистическим американцам или хотя бы создать для них рабочие места. Именно поэтому в первые три года так называемого восстановления экономики после кризиса 95 процентов увеличений в доходах пришлось на долю Одного процента...».⁴ Иными словами, население США, за исключением богатых и сверхбогатых групп, во время президентского срока Барака Обамы, несмотря на позитивную экономическую статистику, не почувствовало никакого улучшения своего материального положения. Напротив, концентрация богатства в руках немногих, как и ранее, сопровождается сокращением среднего класса и обеднением низших слоёв.

Резкая имущественная поляризация в США, зафиксированная П.Кругманом, Дж.Стиглицем и другими аналитиками, изучающими проблему экономического неравенства, лишь отражает общую картину в современном мире. Для доказательства этого достаточно обратиться даже к открытым источникам, скажем, к докладу «Экономика для 1%», подготовленного по материалам Credit Suisse организацией «Оксфам» для Давосского форума. Как сообщают эксперты «Оксфам», 1% богатейших семей мира владеет состоянием, равным богатству всего остального человечества. Но и среди этого 1% нарастает «неравенство» – круг свехбогачей сужается: в 2010 году в него входили 388 человек, в 2015 году – 62 человека, а уже через два года – лишь 8. Их совокупное состояние в настоящий момент сравнялось с состоянием беднейшей половины жителей планеты.⁵ С учётом сложившейся динамики специалисты «Оксфам» прогнозируют, что через 25 лет следует ожидать появление обладателя триллионного состояния.

Не менее впечатляющие данные приведены в широко известном докладе Швейцарского государственного института технологий в Цюрихе. Его специалисты, опираясь на базу данных Orbis от 2007 года, доказали, что всего лишь 147 компаний контролируют 40% собственности, которой располагают все существующие корпорации. В большинстве своём это финансовые институты, связанные друг с другом и с крупнейшими компаниями мира сложной сетью взаимного владения акциями и участия в прибылях.⁶

О том, какой, по представлениям глобальных элит, должна быть следующая логическая фаза «самоорганизации экономики», можно видеть по соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), подписанному в октябре 2015 года 12 государствами, обсуждаемым пока проектам о Трансатлантическом торговом и инвести-

³ Кругман П. Кредо либерала. М., 2009. С.136-137.

⁴ Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М., 2016, С.40.

⁵ <http://www.vedomosti.ru/business/news/2016/01/18/624360-oxfam-naseleniya-zemli>

⁶ <https://www.gazeta.ru/finacial/2011/10/20/3807590.shtml>

ционном партнерстве (ТАТИП) и Соглашении о торговле услугами (СТУ). В общих чертах речь в них идёт о приоритете наднационального регулирования и арбитража, а полном открытии финансовых рынков. Важнейшей частью пакета соглашений выступает передача частному бизнесу, в том числе или, точнее, прежде всего, транснациональному, т.н. «услуг государства», включая образование и здравоохранение. Т.е., фактически, приватизация основных социальных функций современного государства, выполнение которых, наряду с обеспечением безопасности, служит основой легитимности власти и сохранения «общественного договора».

Подъём «популистской волны» ни в коей мере не затрагивает пропорции распределения богатства как на уровне отдельных стран, так и в мире в целом. В своей работе «Капитал в XXI веке» Томас Пикетти показал, что лишь колоссальные потрясения XX века – две мировые войны, социалистическая революция в России, разрушение империй, великая депрессия – изменили соотношение между национальным доходом и капиталом, обеспечив в мировом масштабе несколько десятилетий снижения имущественного неравенства и роста благосостояния широких слоёв общества. Такой же вывод в отношении США делает и уже упоминавшийся Пол Кругман, утверждая, что «...средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Рузвельта – и прежде всего мер по контролю над доходами в военные годы».⁷ Однако уже с 1970-1980-х гг. рост неравенства возобновился, продолжаясь после разрушения СССР с огромным ускорением.

Сейчас властвующие группы сконцентрировали в своих руках огромные, невиданные ранее экономические ресурсы, контролируют ведущие мировые СМИ и теснейшим образом интегрированы в политику. Что нового может принести популистская волна? Интересы наднациональных элит сохраняются и главный их интерес – это удержание власти в условиях исчерпания существующей экономической модели. В этом свете острейшая предвыборная борьба в США, а также события после избрания Дональда Трампа, идущие вразрез с американской политической традицией плавной передачи власти, предстают не как столкновение «общества и номенклатуры», а как конкуренция двух проектов сохранения власти элит. Весьма примечательно, что о кандидатах, предложенных новым президентом на ключевые посты в своей администрации, один из сенаторов-демократов, Шерод Браун, сказал «это президент-миллиардер, окруженный миллиардерами и миллионерами в своем кабинете, обсуждающий миллиардерскую повестку, нацеленную на ущемление среднего класса».⁸

Тем, кто не готов отказаться от традиционных ценностей и чьи экономические интересы всё более ущемляются процессами имущественной поляризации, по сути, нечего противопоставить «повестке миллиардеров» – у них нет образа привлекательного будущего и ответа на ключевой вопрос современного мира: будущее для всех или для немногих? Ностальгическое обращение к классике Модерна давно запоздало – системное наступление на его основные институты продолжается. Подъём консервативных настроений, бесспорно, наблюдаемый сейчас во многих странах Европы и США, в отсутствие нового глобального проекта, является лишь реакцией общества, которую определённые группы элит используют в своей борьбе.

⁷ Кругман П. Ук. соч., С.13-14.

⁸ <https://www.bfm.ru/news/340326>

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ А.А.
ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ФРАНЦИИ – ОТ
БИПОЛЯРНОГО К ТРЕХПОЛЮСНОМУ*

В политической жизни Франции традиционно противостояли друг другу два блока – «левых» и «правых» сил, предлагавшие конкурирующие модели общественного устройства. Корни конфликта между правыми и левыми уходили в социальное размежевание между пролетариатом, государственными служащими, с одной стороны, и так называемыми «независимыми производителями» – крестьянами, ремесленниками, владельцами собственных торгово-промышленных предприятий, интеллигенцией, не работающей по найму, с другой. Ключевую роль в биполяризации политической жизни играла специфика избирательной системы (мажоритарная в два тура с необходимым для прохождения во второй тур барьером в 12,5% голосов). Обычно эта система приводила к тому, что во втором туре оставались два кандидата – от правительственного большинства и от оппозиции.

Однако в последнее десятилетие в партийно-политической системе, в отношении французов к политике и партиям происходили настолько масштабные перемены, что они дали возможность исследователям сделать вывод о «кризисе системы политического представительства». Дискредитация политической деятельности, упадок традиционных форм участия в политике и резкое усиление влияния экстремистских группировок выступают в качестве симптомов данного кризиса.

Кризис системы политического представительства

В связи с процессами глобализации национальное государство постепенно лишалось рычагов контроля над экономическими процессами, движением капиталов, информационных потоков и рабочей силы. В рамках ЕС французским правящим кругам необходимо выдерживать определенные экономические параметры, чтобы иметь возможность участвовать в интеграционных процессах европейских государств. Пространство для маневра в социально-экономической политике оказалось для французских правящих кругов существенно ограничено.

Параллельно с уменьшением амплитуды колебаний социально-экономической политики в зависимости от политической окраски сил у власти происходило усложнение политической повестки дня. На первый план политической жизни вышли вопросы, ранее считавшиеся второстепенными (иммиграция, борьба с терроризмом и преступностью, проблемы строительства объединенной Европы, охрана окружающей среды и т.д.).

В годы кризиса, по данным периодически проводившихся с декабря 2009 по апрель 2015 г. опросов, французы жили в атмосфере нарастания пессимистических настроений. Эти настроения охватывали как настоящее и будущее страны, так и личное положение и жизненные перспективы респондентов. За последние пять лет количество граждан, с оптимизмом оценивающих будущее, снизилось с 45 до 32%¹. При этом речь идет не столько об объективных факторах (бедность, ухудшение условий жизни), сколько о субъективном ощущении утраты былой социальной ста-

* Преображенская Арина Александровна – к.полит.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Le Barometre de la confiance politique. Les résultats : vague 5 – janvier 2014 (Sélection de résultats) p.13. URL: <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/les-resultats-vague-5-janvier-2014/>

бильности, характерной для послевоенной эпохи «славного тридцатилетия», когда высокие темпы роста ВВП сочетались с практическим отсутствием безработицы и сопровождались постоянным ростом покупательной способности населения. Растущая безработица, постепенное вытеснение бессрочного контракта новыми формами занятости – контрактами на фиксированный срок, различными видами частичного и неполного трудоустройства способствовали росту у населения неуверенности в будущем. Политолог Паскаль Перрино охарактеризовал подобное состояние общества как «коллективную депрессию».² При этом все более явным становится растущее размежевание между зажиточными и малообеспеченными слоями населения: открытость внешнему миру и «культурный либерализм» высокооплачиваемых кадров противостоит получающему все большее распространение среди работников с низкой квалификацией враждебному отношению к глобализации, евроскептицизму и «культурному консерватизму».

Нарастание неуверенности французов в будущем, усугубление социального пессимизма привели к отрыву политического класса от масс населения, к отторжению гражданами профессиональных политиков и мира политики в целом. Опросы наглядно демонстрировали, что в годы кризиса усилилось недоверие к политическим институтам и деятелям. Так, в апреле 2015 г. только 24% избирателей были убеждены, что демократия функционирует хорошо – причем буквально за пять лет этот показатель упал на 23% (почти вдвое!).³ Все чаще в СМИ звучали обвинения в адрес ведущих политических деятелей в финансовых злоупотреблениях. На этом фоне имидж политических лидеров приобретал в сознании французов все более негативную окраску. Характерно, что в апреле 2015 г. партии заняли последнее место по степени доверия среди многих политических и экономических акторов: им доверяли всего 9% опрошенных⁴. По данным того же опроса 66% избирателей считали, что политики в основном коррумпированы (+ 4% по отношению к опросу декабря 2013 г.), а 86% полагали, что политики в своей деятельности руководствуются не всеобщими, а личными интересами (+4% по отношению к опросу декабря 2013 г.)⁵.

В то время как число проблемных точек и политических разломов в обществе росло, политическое представительство долгое время оставалось в рамках противоборства «левых» и «правых» сил, что более не отражало весь спектр противоречий и просто не соответствовало современным реалиям. Разочарованностью «системных партий» и зачастую относящихся к категории «проигрывающих от глобализации» французов не без успеха старались привлечь к себе политические движения, находящиеся на крайне правом и левом флангах политического спектра. Крайне правый Национальный фронт связывал рост безработицы и преступности с увеличением числа иммигрантов, а крайне левые организации обличали хищнический характер капитализма, неолиберальной глобализации и предлагали перераспределить материальные блага всем нуждающимся.

Отметим при этом, что размежевания в современном французском обществе проходят вне традиционного политического позиционирования. Так, по вопросам о роли государства в экономике традиционная линия раздела между правыми и левыми избирателями сохраняется. Но по проблемам объединенной Европы, открытия экономики и глобализации – сторонники правых и социалистической партии сов-

² Le Monde 13.01.2014 URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2014/01/13/les-francais-s-enfoncent-dans-la-depression-collective_4346973_823448.html?xtmc=cevipof&xtcr=1

³ Fractures françaises, enquête réalisée par Ipsos/Steria pour la Fondation Jean-Jaurès, Le Monde et Sciences Po (programme « Vie politique »), avril 2015, P.40.

⁴ Ibid. P.34

⁵ Ibid. P.40.

местно противостоят крайне правым и крайне левым. По принципиальным социокультурным сюжетам (смертная казнь, усыновление гомосексуальными парами и т.д.) – левые выступают против традиционных правых и сторонников крайне правого Национального фронта (НФ). В сфере социальной справедливости, перераспределении материальных благ – избиратели Национального фронта занимают промежуточное положение между левыми и правыми.

На протяжении десятилетий роль фактора, сдерживающего проникновение маргинальных политических сил в выборные органы власти, несомненно играла действующая в стране мажоритарная избирательная система. Но возрастающее влияние «периферийных партий» привело к тому, что во второй тур выборов, преодолев 12,5% барьер, всё чаще выходили не только кандидаты от правительственной и ведущей оппозиционной партии, но и кандидаты от организаций, зачастую находящихся на крайне правом или левом полюсах политического спектра. Тем самым, во втором туре вместо традиционных дуэлей появлялись «треугольники» или даже «четырёхугольники». Так, во втором туре департаментских выборов 2015 г. было зарегистрировано 278 треугольников, на региональных выборах того же года – 2 дуэли, 10 треугольников, 1 четырёхугольник.

При относительном равенстве сил левых и правых, НФ постепенно начал выступать на выборах в роли своего рода третьей силы. Соотношение голосов во втором туре департаментских выборов 2015 г. – 45,1% за правых, 31,9% за левых и 22,4% за крайне правый «Национальный фронт»⁶ – свидетельствует о продолжающемся сдвиге оси политической жизни Франции вправо и эволюции партийно-политического пространства от биполярного к трехполюсному (ряд авторов полагает возможным говорить даже о возникновении «четырёхполюсной» партийной системы, имея ввиду обособление крайне левых на левом фланге политического спектра). Причем к неравновесному трехполюсному – его составляет два полноценных полюса (правые и левые), в которые может входить несколько партий и движений, и одна партия (Национальный фронт).

Политические группировки крайне левого толка, по мнению экспертов, пока не представляют собой самостоятельной политической силы.⁷ Их политический вес на выборах относительно невелик, он остается в пределах 6-10% голосов. Однако во время правления президента-социалиста Франсуа Олланда, крайне левые небезуспешно попытались занять вакантное место левой оппозиции, опираясь на поддержку недовольных «правой» политикой властей в социально-экономической области сторонников социалистов. Усиление их влияния на избирателей сыграло существенную роль в дезорганизации и неудачах левого лагеря в 2014-2015 гг. Так, в первом туре департаментских выборов марта 2015 г. социалисты заняли лишь третье место, получив 13,28% голосов, в то время как списки других левых партий и экологов собрали в совокупности 23,42%⁸.

Расстановка политических сил перед президентскими выборами 2017 года.

Основные политические силы страны вступили в завершающую стадию подготовки к президентским выборам, которые состоятся в апреле-мае 2017 г. – опреде-

⁶ Résultats des élections départementales 2015. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/elecresult__departementales-2015/\(path\)/departementales-2015/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/elecresult__departementales-2015/(path)/departementales-2015/FE.html)

⁷ Fractures françaises, enquête réalisée par Ipsos/Steria pour la Fondation Jean-Jaurès, Le Monde et Sciences Po (programme « Vie politique »), avril 2015, P.24.

⁸ Résultats des élections départementales 2015. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/elecresult__departementales-2015/\(path\)/departementales-2015/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/elecresult__departementales-2015/(path)/departementales-2015/FE.html)

лялись конкурентоспособные кандидатуры, шел процесс переговоров для привлечения на свою сторону политических союзников.

Политические лидеры стремились приспособиться к современным условиям, ответить на новые запросы избирателей. Внутрипартийная жизнь стала значительно более открытой. Традиционно выдвижение партийных функционеров на значимые партийные посты происходило после аппаратных игр кулуарным путем, на президентских выборах «естественным кандидатом» считался лидер партии. Однако в 2010-х гг. сначала социалисты, а в нынешней избирательной кампании и правые начали организовывать праймериз, в которых могли принимать участие сторонники данной организации, а иногда и все желающие граждане. Помимо определения наиболее популярного кандидата своего лагеря организаторы праймериз преследовали цель избежать дробления электората между возможными кандидатами одного политического лагеря. Избирательные кампании стали приобретать черты спортивных соревнований, интеллектуальных конкурсов и шоу, что привлекало внимание широких кругов общественности.

Праймериз правых – Республиканцев – состоялись 20 и 27 ноября 2016 г. Данное голосование вызвало интерес среди французов – предвыборные телевизионные дебаты смотрели 8,5 млн. телезрителей, в голосовании участвовали более 4 млн. человек. Было представлено 7 кандидатов, причем согласно опросам общественного мнения с большим отрывом лидировали мэр г.Бордо, бывший премьер (1995-1997 гг.) Ален Жюппе и бывший глава государства Николя Саркози. Однако за несколько недель до первого тура в их борьбу вмешался премьер-министр 2007-2012 гг. Франсуа Фийон, долгое время занимавший в рейтинге правых 3-4 место. Фийон совершил настоящий политический взлет и вышел в лидеры по итогам 1-го тура, набрав 44% и обогнал Жюппе, получившего поддержку 28% участвовавших в голосовании и Саркози, за которого проголосовало только 20% участников праймериз, выбив последнего из избирательной гонки. В ходе предвыборных дебатов бывшему премьеру удалось доказать избирателям, что он вышел из тени бывшего главы государства и является самостоятельной политической фигурой. Потерпевший поражение Саркози публично поддержал своего бывшего премьер-министра.

В ходе предвыборной кампании Фийон отчетливо позиционировал себя как правого кандидата и сделал ставку на традиционный правый электорат, в то время как Жюппе предпринял попытку привлечь на свою сторону право и даже левоцентристов. В представленных на суд общественности программах Фийона и Жюппе наблюдались совпадения по основным направлениям социально-экономической политики. Оба кандидата следовали традиционным постулатам правых – они предлагали сократить государственных расходы и количество госслужащих, добиться повышения экономического роста путем снижения налогообложения с предприятий, отменить принятый социалистами закон о 35 часовой рабочей неделе, повысить возраст выхода на пенсию до 65 лет. Вместе с тем если мэр Бордо предлагал внедрять реформы постепенно, то бывший премьер склонен к радикальным реформам, решительным, бескомпромиссным действиям.

По отношению к проблемам общественного развития и семейным ценностям Фийон проявил себя более консервативным политиком, нежели Жюппе. Так, характеризуя французскую национальную идентичность Жюппе заявил, что «идентичность Франции это прежде всего многообразие», в то время как соперник считал, что «базой, основой нашей идентичности остаются наша культура и язык, хотя они обогащались вкладом иностранного населения».⁹ Сторонник жесткой иммиграционной

⁹ Le Monde 25.11.2016. URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2016/11/25/ce-qu-il-faut-retenir-du-debat-fillon-juppe_5037604_4854003.html

политики, противник усыновления гомосексуальными парами Фийон нашел благодарную аудиторию среди коренных французов, приверженцев консервативных семейных ценностей, избирателей, воспитанных в католической традиции.

Во втором туре праймериз Фийон одержал уверенную победу, набрав 67,3% голосов против 32,7% голосов у его конкурента. По словам президента института общественного мнения Elabe Бернара Сатане, Фийон «нашел идеальное равновесие между экономической темой и проблематикой властных полномочий, между ценностями свободы и власти. Он воплощал спокойный разрыв с прежним режимом. Он смотрелся менее мстительным и более системным, нежели Николя Саркози. И казался более радикальным, нежели Ален Жюппе, сделавшим ставку на объединение правых и центристов».¹⁰

Выдвижение от правых кандидатуры Фийона могло внушить некоторую надежду социалистам. Консерватор по проблемам национальной идентичности и семейных ценностей, сторонник либерализма в экономической и социальной сферах, Фийон выглядел скорее способным перетянуть к себе часть избирателей Национального фронта, нежели соблазнить центристов и левоцентристов, за влияние на которых были готовы побороться социалисты. Во французском обществе сильны позиции сторонников государственных гарантий в социальной сфере. Так, в декабре 2016 г. при выборе приоритетов для будущего 56% опрошенных высказались за «улучшение ситуации с зарплатой» и меньшинство – 44% – за «улучшение конкурентоспособности французской экономики». Такие понятия как «социальное обеспечение» и «общественные службы» вызывали позитивное отношение у соответственно 71% и 52% французов, в то время как такие термины как «либерализм» и «прибыль», радете́лем которых выступил Фийон, заслужили положительные эмоции только соответственно у 27 и 24% французов¹¹. То есть предложения Фийона в социально-экономической сфере открывали простор для критики его политическим соперникам слева.

Однако электоральные перспективы социалистов осложняются крайне низкой степенью доверия французов к действующей власти, а также отсутствием идейного единства внутри партии, противоречиями с другими левыми группировками. Глава государства Франсуа Олланд в 2016 г. в глазах общественного мнения опускался все ниже и ниже, побивая один рекорд непопулярности за другим. Произошедшая в результате мирового финансового и экономического кризиса дестабилизация экономики и финансовой системы страны поставили правящие круги перед острой необходимостью оздоровления государственных финансов и реформ системы социального обеспечения, трудового законодательства и налоговой системы. На первый план выдвинулись проблемы бюджетной экономии, повышения конкурентоспособности экономики и гибкости рынка труда. Предпринимаемые властями меры были рассчитаны на перспективу и не способны привести к быстрому улучшению экономической ситуации. Экономическое оживление 2015-2016 гг. было недостаточным для создания новых рабочих мест, и снижение числа безработных оказалось незначительным. Либеральные экономические реформы не находят поддержки среди значительной части левых избирателей. Отход президента-социалиста от свойственной левым практики стимулирования спроса к линии на поощрение предложения и строгой бюджетной экономии негативно воспринимался прежде всего левыми избирателями, которые привели к власти Олланда в 2012 году. Если доля сторонников либерализма в социальной сфере не превышает трети электората, то среди привержен-

¹⁰ Les Echos, 21.11.2016

¹¹ См.: SciencesPO CEVIPOF L'enquête électorale française: comprendre 2017 LA NOTE / #12 / vague 9 Decembre 2016.

цев левых сил количество сторонников либеральных мер составляет всего 6%.¹² Сдвигаясь вправо, ФСП теряла контакт с широкими слоями населения, своими традиционными сторонниками. Кроме того, президент Олланд не относился к числу ярких, харизматичных политических деятелей. В отличие от Николя Саркози, который служил мишенью для критиков за то, что он был «гиперпрезидентом», Олланд зачастую представлял перед общественностью «недопрезидентом».

В 2014-2015 гг. левые силы потерпели поражения на всех выборах в местные органы власти – муниципальных, департаментских, региональных, а также на выборах в Европарламент и частичных выборах в Сенат. Социалисты потеряли избирательную базу на местах, которую набирали много лет. По степени влияния в местных органах власти они откатились на четверть века назад, к 1990-м гг. – под их влиянием остался юго-запад, некоторые города центра и крупнейшие метрополии страны.

Удар по имиджу Олланда нанесла и вышедшая в октябре книга Жерара Даве и Фабриса Лома по итогам 61 беседы с главой государства «Президент не должен этого говорить». Откровения президента по вопросам внутренней и внешней политики вызвали критику среди его единомышленников и обвинения в разглашении государственной тайны со стороны правых. Согласно данным опросов, в октябре 2016 г. только 4% французов были удовлетворены деятельностью Олланда на посту президента.¹³

Для социалистов перед выборами жизненно важным является вопрос о политических союзах и взаимоотношениях внутри левого блока. Единственным шансом на выход во второй тур на победу стало бы выдвижение единого кандидата от левых сил. Однако на практике это оказалось нереализуемым. Экономический курс Олланда вызывал неприятие части однопартийцев. Депутаты от ФСП в парламенте были далеки от партийной солидарности. В Национальном собрании оформилась целая группа «фрондёров», которые регулярно воздерживались при голосовании важнейших вопросов. Из-за противостояния левой части депутатов ФСП Вальс для одобрения Национальным периодически прибегал к статье 49-3 Конституции, которая предоставляет возможность проводить законы без обсуждения в парламенте, путём постановки вопроса о доверии правительству.

Задачи руководства ФСП по мобилизации электората осложнялись отсутствием противоречиями с другими левыми организациями (экологистами, коммунистами, Левым фронтом). В 2015 г. социалистам на выборах в местные органы власти не удалось заключить общенациональные предвыборные соглашения со своими союзниками по левому лагерю. Так, в первом туре департаментских выборов списки ФСП получили лишь 13,28% голосов, причем остальные списки левых партий собрали в 23,42%¹⁴.

При подготовке к президентским выборам 2017 г. политические деятели левого толка оказались неспособными объединиться уже в первом туре. Свою кандидатуру на выборы главы государства выдвинул лидер находящегося на крайне левом фланге политического спектра Левого Фронта Жан-Люк Меленшон. Его антикапиталистическая риторика привлекает часть левых избирателей, которые болезненно восприняли отход президента-социалиста от свойственной левым практики стиму-

¹² См.: SciencesPO CEVIPOF L'enquête électorale française: comprendre 2017 LA NOTE / #12 / vague 2 Mars 2016. URL: <http://www.eneff.fr/les-notes/>

¹³ Le Figaro 25.10.2016. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2016/10/25/25001-20161025ARTFIG00143-popularite-a-4-de-bonnes-opinions-hollande-touche-le-fond.php>

¹⁴ Résultats des élections départementales 2015. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/electresult__departementales-2015/\(path\)/departementales-2015/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Departementales/electresult__departementales-2015/(path)/departementales-2015/FE.html)

лирования спроса, переход к строгой бюджетной экономии. В ноябре 2016 г. о желании голосовать за Меланшона заявляли 14% опрошенных. В поддержку данной кандидатуры выступило руководство коммунистов.

В ноябре 2016 г. о своем желании участвовать в президентской кампании объявил покинувший в конце августа правительство из-за несогласий с президентом министр экономики, промышленности и цифровых технологий Эммануэль Макрон. В кабинете Вальса Макрон является автором ряда реформ по либерализации экономического развития – «закона в поддержку экономической активности и развитии» (так называемого закона Макрона) 2015 г., закона о труде, призванного ослабить жесткость рынка труда и сделать более гибким рабочий график, который был представлен министром труда Эль Комри в феврале 2016 года. Среди сторонников Макрона равное количество лево- и правоцентристов. Характерно, что 47% приверженцев Макрона отдало предпочтение во втором туре президентских выборов 2012 г. за Олланду, 40% – за Саркози.¹⁵

1 декабря 2016 г. президент Олланд заявил, что не будет участвовать в борьбе за президентский пост на второй срок. Текущий рейтинг главы государства давал ему мало оснований для оптимизма. 5 декабря премьер Вальс объявил о выдвижении своей кандидатуры и о своем выходе из правительства с целью полной концентрации на избирательной кампании. Праймериз социалистов запланированы на конец января 2017 г. Бесспорно, лидером среди представленных 8 кандидатов является бывший премьер. Лишь отчасти конкуренцию ему смогут составить бывший министр экономики Монтебур и один из лидеров «фрондеров» в парламенте Бенуа Амон. В начале декабря наблюдалась «триполяризация» левого лагеря – Вальсу отдавали предпочтение 13% избирателей, Меланшону и Макрону – по 14%.¹⁶ Подобная расстановка сил среди левых кандидатов фактически лишает шансов их представителя на участие во втором туре президентских выборов. Несмотря на вероятность того, что Вальс в ходе кампании сможет увеличить свое влияние на избирателей, в сужающемся политическом пространстве между Меланшоном слева и Макроном справа может остаться недостаточно места для набора бывшим премьером 20-25% голосов, необходимых для выхода во второй тур.

Вполне ожидаемым стало вступление в борьбу за пост главы государства лидера Национального фронта Марин Ле Пен. При анализе перспектив НФ нельзя сбрасывать со счетов тот факт, хотя лидер партии стремилась вывести партию из маргинального положения «националистов и ксенофобов» и создать имидж «патриотических правых». Однако атаки со стороны «системных партий» на НФ как на организацию, не следующую республиканским идеалам, могут поколебать желание французов, в подавляющем большинстве приверженцев демократических убеждений, отдать свои голоса лидеру НФ. Так, после первого тура региональных выборов, состоявшихся в декабре 2015 г., кандидаты Национального фронта лидировали в 6 регионах. Списки, возглавляемые Марин Ле Пен в регионе Нор–Па-де-Кале–Пикардия и ее племянницы Марион Марешаль-Ле Пен в регионе Прованс–Альпы–Лазурный Берег набрали исторически наиболее высокие для партии показатели – соответственно 40,64% и 40,55% голосов. Во втором туре НФ собрал 6,82 млн голосов избирателей, превзойдя показатели Ле Пен на президентских выборах 2012 г. (6,42 млн голосов). Но благодаря «республиканскому фронту» и мобилизации граж-

¹⁵ SciencesPo. CEVIPOF. SciencesPO CEVIPOF L'enquête électorale française: comprendre 2017 LA NOTE / #12 / vague 6 Septembre 2016.

¹⁶ INTENTIONS DE VOTE À MOINS DE 5 MOIS DE L'ÉLECTION PRÉSIDENTIELLE Le 07 Décembre 2016. URL: http://www.bva.fr/fr/sondages/intentions_de_vote_a_moins_de_5_mois_de_l_election_presidentielle.html

дан потерпели поражение (явка во втором туре по сравнению с первым выросла с 49,91% до 58,41% избирателей).¹⁷ Хотя крайне правые и упрочили свое влияние на местах, получив 358 депутатских мандатов вместо 118 в 2010 г., НФ так и не смог одержать победу ни в одном регионе.

Экономическая платформа НФ, которая представляет собой синтез антифискальной демагогии с предложениями, направленными на поддержку системы социального обеспечения и атаками против глобализации, расценивается общественным мнением как неконкурентоспособная. Хотя победа Ле Пен на президентских выборах представляется невозможной, кандидат крайне правых в состоянии набрать в первом туре около 25% голосов, что лишает шансов на выход во второй тур или представителя правящей Французской социалистической партии (ФСП), или оппозиционной партии Республиканцев (РП). В связи с выдвижением от РП кандидатуры Фийона, способного перетянуть к себе некоторое количество сторонников крайне правых, в особо уязвимое положение попадают социалисты.

Таким образом, в условиях трехполюсного политического пространства наибольшую важность для кандидатов от основных политических сил – правящей Французской социалистической партии и оппозиционной партии Республиканцев, приобретает именно первый тур. Из промежуточного этапа он превращается в судьбоносный. Положение социалистов осложняется отсутствием социально значимых успехов в экономической политике, прежде всего на рынке труда, катастрофически низким уровнем общественной поддержки президента, идейной разнородностью электората и организационной раздробленностью левых сил.

Позиция кандидата от правых сил – Ф.Фийона – выглядит явно предпочтительнее, однако в представленном им проекте общественного развития не нашли достаточного отражения социальные аспекты будущей политики. Открытым остается вопрос, сможет ли лидер правых внести в свою программу такие ориентиры социального развития, которые смогут убедить голосовать за него большинство французских избирателей.

¹⁷ Elections régionales et des assemblées de Corse, Guyane et Martinique 2015. URL: <http://elections.interieur.gouv.fr/regionales-2015/FE.html>

ПРОХОРЕНКО И.Л.
ИСПАНИЯ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН*

В последние десятилетия в развитии партийных систем стран Европы (и шире – Запада) сформировался совершенно определенный тренд – движение к политическому центру самых разных партий и политических сил (от социал-демократов до консерваторов). В контексте этой тенденции четкое деление политических партий на правые и левые становилось достоянием истории и следствием инерции мышления политических аналитиков. На самом деле имело место последовательное сокращение идеологических различий. А сужение диапазона стратегических расхождений управленческой политики левоцентристских и правоцентристских правительств постепенно ограничивало для основных системных партий поле идеологического маневра и одновременно «оголяло» крайне правый и крайне левый политические фланги¹. В условиях затяжного кризиса образовавшиеся пустоты на полюсах политического спектра стали занимать новые политические силы гибридного типа, оспаривающие монопольные лидерские позиции партий мейнстрима.

Эти новые партии грозят разрушить привычное размежевание политических сил на правые и левые и перевернуть устоявшиеся представления о партийно-политических системах европейских стран. Парадоксальным образом в центре дискуссии о параметрах современных политических процессов и о будущем ЕС оказалась одна из самых периферийных стран Евросоюза – Греция. Начиная с весны 2010 г. в Евросоюзе на различных уровнях обсуждалась не только угроза дефолта для Греции (и некоторых других стран Южной Европы), но и возможность распада зоны евро. Фактически в центре дискуссий оказался вопрос о жизнеспособности самого проекта Экономического и валютного союза и даже больше – вопрос о прочности и потенциале самого европейского интеграционного проекта.

В Греции широкое объединение левых и леворадикальных сил, существующее с 2004 г., в мае 2012 г. официально оформилось в партию Коалиция радикальных левых, известную по греческой аббревиатуре СИРИЗА. СИРИЗА победила на выборах в Европарламент 2014 г., набрав 26,6 % голосов, и на парламентских выборах в январе 2015 г. (с результатом 36,34 %), получив 149 депутатских мест из 300 и сформировав коалиционное правительство во главе с 40-летним Алексисом Ципрасом. Предвыборная программа 2015 г. характеризовала СИРИЗУ как леворадикальную партию анти-истеблишмента, стремящуюся изменить сложившиеся принципы устройства государства и общества и деятельности политических элит (национальных и европейских) и более адекватную, более совершенную и более справедливую политику².

На самом деле получилось так, что СИРИЗА фактически отстаивает не левые идеи, а защищает национальные интересы страны в столкновении с пусть и обоснованными притязаниями европейских бюрократических структур и политических элит. Правительство Ципраса вступило борьбу за списание государственного долга стра-

* Прохоренко Ирина Львовна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Подробнее см.: Холодковский К.Г. Самоопределение России. М., 2013. С. 73–137.

² См. текст предвыборной программы партии СИРИЗА: What the SYRIZA Government Will Do. ΣΥΡΙΖΑ, Συνασπισμός Ριζοσπαστικής Αριστεράς. URL: <http://syrizanet.gr/index.php/en/theseis/45-what-the-syriza-government-will-do>.

ны, по крайней мере – за пересмотр его условий, которые считает несправедливыми и противоречащими национальным интересам (основную часть займов страна получила от Европейского фонда финансовой стабильности и Европейского центрального банка). И в этом смысле в действиях СИРИЗА не было ничего специфически «левого». Они оказались схожи с тактикой других антиистеблишментских, нередко именуемых популистскими партий, критикующих политику европейских властей с разных позиций, – Партии независимости Соединенного Королевства (*United Kingdom Independance Party – UKIP*), греческой «Золотой зари», итальянских «Лиги Севера» и «Движения пяти звезд» или Национального фронта во Франции. Только эффект оказался политически куда более сильным, поскольку СИРИЗА находилась у власти. И в центре политической дискуссии при этом оказались проблемы взаимоотношений с брюссельской бюрократией и перспективы ЕС, а также роль и место политического истеблишмента традиционных европейских политических партий.

Надо сказать, что политические и электоральные успехи греческой СИРИЗЫ воодушевили единомышленников во многих европейских странах. Не осталась в стороне и Испания. Новая испанская партия *Podemos* (исп. «Мы можем») в короткий срок сумела преодолеть непростой этап превращения из довольно рыхлого в организационном плане протестного общественно-политического «Движения 15-го мая» («Движения возмущенных») на базе самоорганизовавшихся ячеек в политическую партию. Официально зарегистрированная в марте 2014 года в качестве партии, «*Podemos*» уже в мае получила пять депутатских мест в Европарламенте нового состава из 54, которые отведены Испании (ее поддержали около 8% избирателей). Подобно итальянскому «Движению пяти звезд», получившему 21% голосов и 17 мест в Европейском парламенте, *Podemos* развивает идеи прямой демократии, выступая с позиций критики традиционных политических институтов.

Новая правоцентристская партия общенационального формата, создана в 2006 г. в Каталонии. «Граждане – Партия гражданства» (исп. *Ciudadanos – Partido de la Ciudadanía*) провозгласила своей идеологией социал-либерализм, постнационализм и неприятие агрессивного регионального национализма, приверженность идеалам светского государства. В Европарламенте партия имеет два депутатских места (3,16% голосов испанских избирателей). В руководстве новых протестных партий – представители творческой интеллигенции, университетские преподаватели, в основе финансирования лежит принцип краудфандинга – массовых добровольных пожертвований с использованием сетевых технологий.

Пересмотр партийной стратегии традиционными политическими партиями также становится неизбежен в изменившихся политических условиях, которые диктуют необходимость присутствия во внутрипартийных дискуссиях «старых» национальных партий не только социально-экономических и политических проблем конкретной страны, но и вопросов об оценке нынешнего этапа и перспективах европейской интеграции. На характер дискуссии безусловно влияют факторы асимметричного влияния кризиса на европейские страны, неодинакового восприятия его негативных последствий и различной степени устойчивости партийно-политических систем государств ЕС. В этом плане важны не только растущая уязвимость политических элит единой Европы перед лицом общественного мнения, но и усиление той части национальных элит, которая настроена критически или очень критически в отношении европейского проекта.

Важность подобной дискуссии в национальных политических партиях мейнстрима бесспорна: европейский интеграционный проект – это фактически детище правоцентристских и левоцентристских политических партий. От того, какой выбор сделают традиционные партии – займут выжидательную, оборонительную или наступательную позицию, примут ли устремленную вперед стратегию лидер-

ства, зависит их успех. Но возможна ли открытая дискуссия во всех крупных партиях Евросоюза, не несет ли она риски для партийно-политических систем государств-членов? Вот уже несколько лет в научной литературе ведутся споры о так называемом «спящем великане». Предлагаются эмпирические гипотезы и проводятся сравнительные исследования в поисках ответа на два ключевых вопроса: могут ли открытое обсуждение вопросов европейской интеграции и неизбежные в связи с этим политико-идеологические размежевания, выливаясь во внутрипартийные кризисы и противостояния разных политических фракций, заменить принцип традиционного деления партий на правых и левых новым раскладом, более подходящим контексту европейского политического пространства, и не грозит ли это серьезными политическими потрясениями в государствах-членах³.

Казалось бы, ведущие политические партии в странах-участницах ЕС обладают большими конкурентными преимуществами и поэтому могут себе позволить замалчивать или обсуждать кулуарно проблемы европейской интеграции, занимая умеренные центристские позиции, в то время как мелкие или маргинальные партии имеют побудительные причины занять более радикальные позиции в межпартийной конкурентной борьбе. Однако рост протестных массовых движений и увеличение электоральной поддержки возникших на их волне партий нового типа заставляют партии мейнстрима в Евросоюзе менять свои стратегию и тактику. Причем не только на национальном, но и на наднациональном уровне, стремясь расширить пространство для маневра. Еще совсем недавно испанские социалисты упрекали партию *Podemos* за использование идей и практик популизма. Однако нельзя не заметить определенного сходства в поведении партийных лидеров *Podemos* (Пабло Иглесиаса) и социалистов (нового генерального секретаря ИСРП Педро Санчеса). Как показывают рейтинговые исследования деятельности евродепутатов, представители ИСРП ведут себя более энергично и даже агрессивно, чем представители новых «гибридных» партий (чье поведение в Европейском парламенте, в свою очередь, считается более чем демонстративным)⁴.

Долгое время считалось, что фактором, сдерживающим усиление политического влияния несистемных партий и радикальных движений в европейских странах, способны выступить старые проверенные избирательные системы, ориентированные на отсечение от участия в принятии политических решений крайних правых и крайних левых сил. Однако существующие электоральные формулы не способны сдержать рост влияния новых «гибридных» партий, которые увеличивают число своих сторонников, заполняя лакуны на крайних флангах политического спектра, понемногу отвоевывая у «старых» традиционных партий все новые его сегменты и меняя существующие политические балансы, рамки стратегического взаимодействия и соперничества между партиями. При этом сами протестные партии переживают внутренние идеологические разногласия, нередко приводящие к расколам, а опыт участия «новичков» в реальном политическом управлении зачастую оказывается более чем разочаровывающим (как уже показала деятельность итальянской партии «Пяти звезд», как, впрочем, и греческой СИРИЗА). Дополнительным импульсом трансфор-

³ См.: Eijk C. van der, Franklin M.N. The sleeping giant: potential for contestation on European matters at national elections in Europe. Paper delivered at the annual meeting of the American Political Science Association, San Francisco, CA, September 2001. URL: <http://shakti.trincoll.edu/~mfrankli/vdEijk%26Franklin.pdf>; Marks G., Ray L., Wilson S.J. National political parties and European integration: hypotheses and evidence. Paper presented at the European Community Studies Association Meeting, Pittsburgh, June 2-5, 1999. URL: http://aei.pitt.edu/2328/1/002512_1.pdf; Vries C.E. de. Sleeping giant: fact or fairytale? How European integration affects national elections. // European Union Politics. 2007. Vol. 8. No 3. P. 363-385.

⁴ См.: MEPranking EU. The best quantitative analysis of the EP activity. Spain. URL: <http://www.mepranking.eu/state.php?st=ES#ranking>.

мации национальных партийно-политических систем в Европейском союзе становится конфликт поколений: люди среднего и старшего возраста симпатизируют правым протестным партиям, более молодые, как правило – левым.

Вполне репрезентативным примером происходящих изменений является Испания. Для ведущих политических сил Испании – Народной партии (НП) и Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) – 2016 год стал серьезным испытанием. На очередных всеобщих парламентских выборах в декабре 2015 г. ни одной из них не удалось набрать абсолютного и даже простого большинства голосов для формирования однопартийного правительства. НП получила 28,71% голосов избирателей и 123 места в конгрессе и лишилась в итоге 63 депутатских мандата, ИСРП – 22,01% (90 мест, потеряла 20 мандатов), «Граждане – Партия Гражданства» – 13,94% (40 депутатов), «Мы можем» – 12,69% (42 депутата). Остальные голоса поделили между собой в основном региональные националисты (14,55%, или 41 депутат), общенациональная избирательная коалиция левых сил «Народное единство» (3,68%, 2 места), избирательная коалиция региональных левых и зеленых политических партий Каталонии с участием местного отделения партии «Мы можем» (3,69%⁵, 12 депутатов).

Попытки НП найти сторонников в нижней палате генеральных кортесов и сформировать коалиционное правительство (первое на протяжении всей постфранкистской истории) закончились безрезультатно, хотя сама жизнь настоятельно требовала от социалистов (левых центристов) и народников (правых центристов) путем переговоров прийти к согласию по ключевым вопросам развития страны в условиях успеха на выборах партий антиистеблишмента.

Лидер Народной партии Мариано Рахой отказался выставлять свою кандидатуру в качестве председателя правительства на голосование, будучи уверенным в поддержке лишь 123 депутатов от своей партии (в первом туре голосования необходимо набрать абсолютное большинство голосов, в настоящее время это 176 из 350). В свою очередь, генеральному секретарю партии социалистов Педро Санчесу, в блоке с «Граждане – Партия Гражданства», в ходе двух голосований в начале марта также не удалось получить необходимого числа голосов. Лидер партии «Мы можем» поначалу выразил согласие присоединиться к ИСРП, однако в последний момент выдвинул неприемлемые условия своего участия – потребовал для своей партии ключевых постов в правительстве.

Новые парламентские выборы, состоявшиеся 26 июня 2016 г. в соответствии с предусмотренной Конституцией процедурой на случай невозможности сформировать правительство по итогам всеобщих выборов (эта процедура была применена впервые в демократической Испании), как и ожидалось, не изменили сложившуюся расстановку политических сил и также не разрешили по сути тупиковую ситуацию. НП несколько укрепила свои позиции: 33,01% голосов избирателей и 137 депутатских мест (на 14 мест больше). ИСРП получила чуть меньше, чем в декабре 2015 г., – 22,6% голосов, или 85 мест в конгрессе (меньше на 5). Сохранила свои позиции избирательная коалиция Каталонии с участием *Podemos*, 8 депутатских мест поте-

⁵ Больше число депутатских мест у избирательной коалиции региональных левых и зеленых политических партий Каталонии, по сравнению с коалицией «Народное единство», несмотря на то, что их поддержали примерно одинаковое число избирателей, объясняется особенностями избирательного законодательства страны. Пропорциональное представительство осуществляется по партийным спискам по формуле д'Ондта, когда общее число голосов, полученных каждой партией, делится на последовательный ряд делителей, а места распределяются согласно наибольшим полученным частным. При этом избирательным округом является провинция, поэтому региональные партии густонаселенной Каталонии, где влияние регионального национализма очень велико, обладают в данном случае явным преимуществом.

ряла «Граждане – Партия Гражданства», три новых места получила партия «Мы можем». Явка избирателей оказалась достаточно высокой (69,84%).

2 сентября в ходе первого голосования в конгрессе депутатов лидер Народной партии потерпел неудачу, несмотря на поддержку депутатов от партии «Граждане – Партия Гражданства» (170 голосов за, 180 – против в отсутствие тех, кто воздержался).

В то же время достиг своей кульминации раскол в руководстве социалистов. К началу октября произошла отставка молодого и амбициозного Педро Санчеса с поста генерального секретаря партии, который он занимал с июля 2014 г. Новым руководителем ИСРП стал Хавьер Фернандес (род. 1948 г.), ветеран партии и представитель ее умеренного крыла, бывший председатель исполнительного комитета ИСРП, экс-глава регионального отделения ИСРП в Астурии и бывший председатель автономного правительства региона. Считается, что особую роль в таком исходе внутрипартийного кризиса в ИСРП сыграл влиятельный испанский политик Фелипе Гонсалес, генеральный секретарь партии в 1979-1997 гг. и председатель правительства Испании в 1983-1996 годах.

Испанскому монарху как главе государства в ходе пяти раундов переговоров с представителями политических партий, которые по итогам выборов 2016 г. прошли в конгресс депутатов, удалось, наконец, убедить оппозицию согласиться с необходимостью принять кандидатуру Мариано Рахоя в качестве председателя нового испанского правительства.

Фракция ИСРП в большинстве своем воздержалась в ходе второго голосования 29 октября, тем самым обеспечив нужный для НП и страны исход голосования, позволивший избежать новых, третьих по счету, всеобщих парламентских выборов как раз накануне Рождества и преодолеть сложившуюся и, фактически, патовую ситуацию в Испании. В результате за Рахоя во втором туре голосования было подано 170 голосов присутствовавших на заседании членов конгресса (НП, «Граждане – Партия Гражданства» и коалиция региональных политических партий Канарских островов). 68 депутатов от ИСРП воздержались, 111 парламентариев проголосовали против (в том числе 15 представителей фракции социалистов, которые тем самым нарушили распоряжение Федерального комитета ИСРП о согласованном голосовании фракции социалистов). Депутат Педро Санчес демонстративно покинул зал заседания конгресса депутатов перед самым началом голосования. 31 октября 2016 г. Мариано Рахой принял присягу, 4 ноября были приведены к присяге члены его нового правительства.

События в Испании не позволяют сделать однозначные выводы касательно динамики и направления развития внутривнутриполитической ситуации в стране. Наблюдатели и эксперты уверенно говорят лишь о крайне низкой договороспособности испанских политических элит, о традиционном отсутствии в Испании политической культуры компромисса, о «каудильистских» (вождистских) наклонностях лидеров старых и новых политических партий и пренебрежении ими национальными интересами страны в угоду партийно-идеологическим амбициям. Все это не позволило сформировать коалиционное правительство, подобное тому которое пришло к власти по итогам парламентских выборов, например, в соседней Португалии осенью 2015 года. Но вот по поводу того, каковы параметры изменения испанской партийной системы в целом, высказываются разные точки зрения.

С одной стороны, большинство аналитиков сходится во мнении о том, что налицо трансформация партийно-политической системы Испании: превращение прежней достаточно неустойчивой «двух с половиной» партийной или квазидвухпартийной, как ее иногда называют, системы (две ведущие общенациональные партии – правые и социалисты плюс партии региональных националистов) в еще менее

устойчивую четырехпартийную (ИСРП, НП, «Мы можем» и «Граждане – Партия гражданства»). Большинство экспертов высказывают сомнение, что такая ситуация может продлиться долго, учитывая тот факт, что новые политические партии – это партии лидеров, возникшие на волне евроскептицизма и массового недовольства политикой бюджетной экономии сначала правительства социалистов, а затем и Народной партии в ситуации финансово-экономического кризиса и его негативных последствий, особенно тяжело сказавшихся на социально-экономической и политической ситуации в Испании.

С другой стороны, отчетливо проявляется тенденция к многопартийности в партийно-политической системе Испании, которую не в силах сдержать действующее избирательное законодательство (система пропорционального представительства по формуле д'Ондта с заградительным 3-процентным барьером на выборах в конгресс депутатов). Появились не только партии – «новички». Серьезные внутрипартийные кризисы грозят расколом и дроблением партий. В данном отношении показателен недавний пример федерации партий правых каталонских националистов «Конвергенция и союз», созданной в 1978 г. в результате объединения партий «Демократическая конвергенция Каталонии» и «Демократический союз Каталонии»: в июне 2015 г. федерация прекратила свое существование из-за разногласий в руководстве по вопросу о независимости региона.

В свою очередь, нельзя предугадать, будет ли преодолен давний кризис внутри ИСРП. Нынешняя смена руководства социалистов является лишь переходом к новому этапу этого идеологического по сути и отчасти поколенческого по своему проявлению долгого внутрипартийного кризиса. Не стоит забывать и о сложных взаимоотношениях исполнительного комитета и региональных отделений Испанской социалистической рабочей партии в условиях локализации партийно-политической системы страны и продолжающейся федерализации испанского «государства автономий».

В этих условиях только время покажет, сможет ли хотя бы Народная партия избежать серьезных внутрипартийных разногласий, а возможно и внутреннего кризиса, и насколько устойчивой окажется новая (с четырьмя ведущими партиями) партийно-политическая система Испании.

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ВОЗВРАТ К ТРАДИЦИЯМ?*

2015 год оказался для Лейбористской партии в известном смысле поворотным. В этом году произошли два события, которые, несомненно, окажут значительное влияние на судьбу ЛПВ: в мае в Великобритании состоялись парламентские выборы, на которых партия потерпела поражение (причём показала наихудший результат с 1987 г.), а в сентябре ЛПВ возглавил представитель её левого крыла Джереми Корбин.

Эти события подвели черту под целым периодом развития ЛПВ, начавшимся в середине 1990-х годов. В то время лидер лейбористов Тони Блэр приступил к модернизации идеологии и политической практики ЛПВ, стремясь превратить её в партию «нового лейборизма» и «третьего пути». «Новый лейборизм» Блэра означал масштабную ревизию традиционного лейборизма, отказ от этатистских, коллективистских и тред-юнионистских установок «старой левой» идеологии. А «третий путь» пролегал уже не между неконтролируемым капитализмом и коммунизмом, как раньше, но между кейнсианским государством благосостояния и неолиберализмом. В тот период Лейбористская партия в значительной мере сдвинулась к центру, в сторону социального либерализма. Социалистические элементы её традиции были отодвинуты на задний план, зато всячески подчёркивалась связь «нового лейборизма» с прогрессивным либерализмом Дж.М.Кейнса и У.Бевеиджа. Интересно отметить, что свою модернизаторскую деятельность на посту лидера ЛПВ Блэр в 1994 г. начал с того, что объявил о полной и безоговорочной победе правого, социал-демократического крыла ЛПВ над левым, социалистическим. Правда, как показали недавние события, это вывод оказался несколько преждевременным...

Радикальный поворот в мировоззрении и политике ЛПВ, связанный с именем Блэра, некоторыми журналистами и политологами был назван «блэровской революцией». В этой связи интересно отметить, что само слово «революция», происходящее от латинского “revolvere” («вращаться»), буквально означает «поворот». Первоначально этот термин использовался в астрономии и астрологии для описания движения планет, позднее он вошёл в социально-политический лексикон, но определённое время сохранял изначальный смысл «возвращения в исходную точку». И «блэровская революция», в полном соответствии с первоначальным значением этого термина, завершилась приходом к руководству в ЛПВ «твёрдого левого» Джереми Корбина, стремящегося вернуть партию к её социалистическим истокам. Остановимся подробнее на том, как и почему это произошло.

Некоторый отход ЛПВ от принципов «нового лейборизма» наметился вскоре после того, как Блэра в 2007 г. на посту премьер-министра и лидера ЛПВ сменил Гордон Браун. Буквально через несколько месяцев после смены лидера лейбористов Великобритания вступила в полосу экономических трудностей, вызванных влиянием глобального финансового кризиса. Начавшийся в 2007 г. экономический спад заставил кабинет Брауна вернуться к кейнсианским методам регулирования экономики. Его правительство отошло от прежней монетарной ортодоксии и обратилось к мерам по налогово-бюджетному стимулированию экономики. Было национализировано несколько банков и усовершенствована система финансового регулирования, был запущен печатный станок, средства активно вливались в банковский и реаль-

* Работяжев Николай Владимирович – к.полит.н., ведущий научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

ный сектор экономики, повышались налоги. Это, впрочем, не принесло партии ожидаемых политических дивидендов. Снижению доверия избирателей к ЛПВ способствовал и ряд других обстоятельств – участие британских вооружённых сил в непопулярной войне в Ираке, чрезмерно либеральная иммиграционная политика. В результате на парламентских выборах 2010 г. ЛПВ потерпела поражение. После выборов Браун ушёл в отставку с поста лидера партии, а ЛПВ возглавил Эдвард Милибэнд.

При новом лидере ЛПВ в определённой мере отошла от установок «нового лейборизма», хотя и не порывала с ним полностью. Можно согласиться с мнением британского политолога, что если идеология «нового лейборизма» представляла собой гибрид неолиберализма и социал-демократии, то при Милибэнде ЛПВ приблизилась к социал-демократии, поскольку заняла критическую позицию по отношению к капитализму и объявила своими ключевыми ценностями равенство, демократию и сообщество (community)¹. Находясь в оппозиции, партия выступала против политики «жёсткой экономии», проводимой коалиционным либерально-консервативным правительством Д. Кэмерона, ратовала за увеличение государственных инвестиций, более справедливую налоговую систему и большее социальное равенство.

После 2010 г. ЛПВ пыталась разработать новую идейно-политическую концепцию, которая бы отличалась как от «нового», так и от «старого» лейборизма. Одной из таких концепций стал «ответственный капитализм». Эд Милибэнд провозгласил, что целью ЛПВ должно стать формирование «ответственного капитализма» – альтернативы современной британской экономике, в которой гипертрофирован финансовый сектор. «Ответственный капитализм», в соответствии с представлениями Милибэнда, предполагал ограничение финансовых спекуляций и развитие реального сектора экономики. Позднее, в 2012 г. Милибэнд выдвинул концепцию «лейборизма одной нации» (One Nation Labour). Суть её состояла в том, что ЛПВ стремится прежде всего ликвидировать в британском обществе социальные барьеры и создать для всех равные жизненные шансы. Таким образом, можно говорить о том, что за время пребывания в оппозиции после 2010 г. Лейбористская партия в определённой степени полевела и отчасти вернулась к своим традициям.

Ещё одной альтернативой новому лейборизму стал «синий лейборизм» (Blue Labour), стремящийся включить в лейбористскую идеологию некоторые концепты британских консерваторов (синий – цвет Консервативной партии). Это течение, возникшее в 2009 г. и значительно усилившееся после поражения ЛПВ на выборах 2010 г., можно охарактеризовать как социал-консервативное. Будучи привержены лейбористским традициям, «синие лейбористы» в то же время отстаивают такие консервативные ценности, как семья, религия, патриотизм, приверженность местным комьюнити. Важно отметить, что «синие лейбористы» в гораздо большей степени, чем лейбористы «новые», озабочены сохранением британской идентичности и потому занимают гораздо более консервативные позиции по проблемам мультикультурализма, регулирования иммиграции и др. При этом «синие лейбористы» критикуют рыночную коммерциализацию межчеловеческих отношений, противопоставляют ей коммунитарные ценности (взаимопомощь и сотрудничество). Они стремятся к возрождению традиций лейборизма и традиционных ценностей этого движения – взаимной помощи, солидарности.

¹ Goes E. The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy. Manchester, 2016. P. 13-14.

Предвыборный манифест ЛПВ 2015 года² показал, что в социально-экономическом плане партия несколько сдвинулась влево, а её идеология интегрировала ряд концептов «синего лейборизма». ЛПВ, говорится в манифесте, возрождает традицию лейборизма как партии работы, семьи и комьюнити. В целом манифест был выдержан в социальном ключе и обещал избирателям больше социального равенства и справедливости. Его лозунгом и лейтмотивом было: «Британия преуспевает только тогда, когда преуспевают работающие люди». При этом и в предвыборном манифесте ЛПВ, и в выступлениях лидеров партии утверждалось, что лейбористы стремятся заставить британскую экономику работать для всех, а не только для верхних слоёв общества (как это, с их точки зрения, имеет место при правительстве Кэмерона). В то же время в манифесте ЛПВ подчёркивалось, что лейбористы намерены ежегодно сокращать дефицит государственного бюджета – что, в сущности, означало, что «левизна» Лейбористской партии является весьма относительной.

В манифесте перечислялся целый ряд мер в сфере социальной политики, которые ЛПВ намеревалась претворить в жизнь – причём лейбористы утверждали, что ни одна из них не потребует дополнительных заимствований. Так, ЛПВ обещала увеличить минимальную заработную плату, повысить подоходный налог для тех, кто зарабатывает более 150 тыс. фунтов в год, заморозить плату за электричество и газ до 2017 г., вложить дополнительные средства в Национальную службу здравоохранения, сохранить расходы на образование на прежнем уровне.

Однако результаты выборов 7 мая 2015 г. оказались для лейбористов разочаровывающими. Партия набрала 30,4% голосов и получила 232 места в Палате общин (на 26 меньше, чем в 2010 г.). ЛПВ, таким образом, показала наихудший результат с 1987 года. На следующий день после выборов Эд Милибэнд ушёл в отставку с поста лидера ЛПВ, партию временно возглавила Харриет Харман.

Кто же голосовал в мае 2015 г. за лейбористов? В социально-демографическом плане электорат ЛПВ выглядит следующим образом. Прежде всего, в нём преобладают женщины (за лейбористов проголосовало 29% мужчин-избирателей и 33% женщин). Лейбористов склонны поддерживать более молодые люди (так, ЛПВ отдали свои голоса 36% избирателей в возрасте от 18 до 29 лет). ЛПВ пользуется большей популярностью среди работников государственного сектора. Если из занятых в частном секторе за консерваторов проголосовало 43%, а за лейбористов – 26%, то среди сотрудников общественного сектора тори получили 33% голосов, а лейбористы – 36%. Важно отметить, что ЛПВ традиционно поддерживают слои населения с невысокими доходами и более низкой квалификацией. Так, за лейбористов проголосовало 37% средне- и низкоквалифицированных рабочих и безработных и только 28% представителей верхнего среднего и среднего классов. Из числа тех, чей доход на домохозяйство ниже 20 тыс. фунтов стерлингов в год, свои голоса лейбористам отдали 36%; в то же время те избиратели, чей ежегодный доход на домохозяйство превышает 70 тыс. фунтов, поддержали в основном консерваторов (тори получили 51% голосов избирателей из этой социальной категории, лейбористы – только 23%). Стоит также упомянуть, что за ЛПВ проголосовало 45% избирателей, арендующих социальное жилье.³

Лейбористы могли рассчитывать на значительную поддержку в Шотландии и Уэльсе – во многом потому, что, начиная с конца 1990-х годов, лейбористские правительства проводили в них политику деволюции (передачи более широкого круга

² Britain can be better: The Labour Party Manifesto 2015. URL: <http://www.labour.org.uk/page/-/BritainCanBeBetter-TheLabourPartyManifesto2015.pdf>.

³ <https://yougov.co.uk/news/2015/06/08/general-election-2015-how-britain-really-voted/>

полномочий на региональный уровень). И действительно, в Уэльсе ЛПВ показала достаточно хороший результат (здесь лейбористские кандидаты победили в 25 из 40 избирательных округов). А вот в Шотландии, которая исторически была «доменом» лейбористов, у ЛПВ отобрала несколько десятков депутатских мандатов Шотландская национальная партия. (Из 59 мандатов ШНП получила 56, в то время как ЛПВ – лишь 1). Шотландские избиратели, судя по всему, не простили лейбористам того, что ЛПВ поддержала консервативно-либеральное правительство в ходе референдума о независимости Шотландии в 2014 г., призывая шотландцев голосовать против отделения от Соединённого Королевства.

Помимо провала в Шотландии, поражение ЛПВ было обусловлено также рядом других причин как объективного, так и субъективного характера. Так, у ЛПВ не было убедительной экономической программы, а многие избиратели ассоциировали правление лейбористов с кризисом 2007-2009 годов и их неспособностью его преодолеть. Более того, некоторый поворот Милибэнда в сторону более традиционных лейбористских ценностей оттолкнул от партии часть избирателей из среднего класса.

Далее, электоральную поддержку лейбористов ослабили экономические успехи правительства Кэмерона, которые ЛПВ явно недооценила. Лейбористская партия, постоянно критиковавшая режим «жёсткой экономии», не смогла адекватно оценить достижения коалиционного кабинета и, соответственно, настроения избирателей.

Нельзя также не отметить, что часть избирателей из рабочего класса, которые, казалось бы, должны были поддерживать ЛПВ, проголосовали за Партию независимости Соединённого Королевства в силу своей озабоченности проблемой иммиграции. Эти избиратели полагают, что лейбористы недооценивают важности сохранения британской идентичности. Таким образом, получилось, что ПНСК отобрала часть голосов у ЛПВ.

Повлияло на результаты парламентских выборов также и то, что Милибэнд не является харизматичным политиком и сильным лидером. Это обстоятельство активно обыгрывалось консервативной прессой. Его стиль поведения, жесты, голос, другие личностные особенности – всё это становилось объектом пристального внимания в близких к консерваторам масс-медиа, подводившим читателя к выводу, что человек с подобными манерами не может быть премьер-министром Великобритании.⁴ Более того, – тори утверждали, что Милибэнд будет находиться в полной зависимости от Шотландской национальной партии, и на их плакатах и карикатурах его изображали марионеткой в руках лидера ШНП Николы Стерджен.

Наконец – last but not least – лейбористы не смогли к выборам 2015 г. предложить избирателям новый яркий политический проект, сопоставимый с «новым лейборизмом». Как уже говорилось, после ухода Блэра с поста лидера ЛПВ партия вступила в период идейных исканий, и её новая идентичность формируется с большим трудом.

12 сентября 2015 г. состоялись выборы лидера ЛПВ, причём в них участвовали не одни только члены Лейбористской партии и аффилированных с ней трейд-юнионов. Голосовать могли все желающие, для этого достаточно было внести 3 фунта в казну ЛПВ, подтвердить приверженность ценностям и целям ЛПВ и зарегистрироваться в качестве сторонника партии. Причём среди таких сторонников Лейбористской партии значительную долю составила протестующая молодёжь, сторонники социалистических традиций рабочего движения, члены различных левых и радикально-левых группировок. В результате новым лидером ЛПВ стал представитель

⁴ Goes E. The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy. Manchester, 2016. P. 11.

её левого крыла Джереми Корбин, набравший 59,5% голосов. (В то же время в электорате Великобритании доля избирателей, близких по своим взглядам к Корбину, составляет примерно 14%⁵).

Корбин принадлежит к «твёрдым левым», сохраняющим верность базовым установкам демократического социализма. Он впервые был избран в британский парламент в 1983 г. и примкнул к группе «Социалистическая кампания», объединявшей наиболее левую часть лейбористов. Вскоре после избрания он начал вести еженедельную колонку в газете «Morning Star» и продолжает её вести до настоящего времени. Интересно отметить, что в 1988 г. Корбин – в числе ряда других левых депутатов британского парламента – подписал обращение к советскому руководству с призывом полностью реабилитировать Л.Троцкого. Позднее он жёстко критиковал «новый лейборизм» и в период 1997–2010 гг. более 400 раз голосовал в Палате общин против позиции своей партии. Короче говоря, новый лидер ЛПВ намерен вернуть партию к её социалистическим истокам. В свою очередь, Тони Блэр назвал победу Корбина трагедией и катастрофой. По словам Блэра, лейбористы под руководством Корбина никогда не смогут победить на выборах, потому что его радикальная левая программа отпугнёт большинство избирателей.⁶

Корбин выступает за отказ от политики «жёсткой экономии», кейнсианские методы регулирования экономики, увеличение государственных расходов, национализацию железных дорог, некоторых банков и энергетики, а также за умеренное повышение налогов на корпорации и крупные личные состояния. При этом он заявляет о поддержке малого и среднего бизнеса. Ещё более радикальными являются взгляды Корбина в сфере внешней политики. Он выступает за выход Великобритании из НАТО, отказ от британской программы ядерного сдерживания «Трайдент» и даже за объединение Ирландии. Стоит также отметить, что Корбин высказывал симпатии политике Уго Чавеса.

Заслуживает внимания и отношение Корбина к событиям на Украине. По мнению лидера лейбористов, важнейшей причиной украинского кризиса стало инспирированное и поддерживаемое Соединёнными Штатами расширение НАТО на восток, действия же российского руководства после победы киевского Евромайдана «не были неспровоцированными»⁷. Эта точка зрения существенно отличается от того видения украинских событий, которое доминирует в британском политическом классе, в том числе в среде лейбористов.

Что касается взглядов Корбина на процесс европейской интеграции, то они являются достаточно противоречивыми. Исторически левые лейбористы были евроскептиками, и воззрения самого Корбина и сейчас остаются в достаточной степени евроскептическими. Корбин полагает, во-первых, что Евросоюз (как и НАТО) является американским проектом и инструментом политики США в Европе и, во-вторых, что ЕС – это средство навязывания всем странам-членам неолиберальной экономической модели, которую он отвергает. Эта точка зрения имеет мало общего с взглядами лейбористского истеблишмента.

Впрочем, в июне 2016 г. Корбин все же призвал своих сторонников проголосовать на референдуме за сохранение членства Британии в Евросоюзе, поскольку оно, во-первых, обеспечивает Великобритании инвестиции, рабочие места и защиту рабо-

⁵ Ананьева Е.В. Лейбористская партия Великобритании: принципы или власть? Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 22, 2015 (№22). С.4. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/anazap22.pdf>

⁶ Новым лидером британских лейбористов стал левый радикал Корбин. URL: <http://inosmi.ru/europe/20150912/230241289.html?id=230241352>

⁷ Corbyn J. Nato belligerence endangers us all. URL: http://www.morningstaronline.co.uk/a-972b-Nato-belligerence-endangers-us-all#.V26_JcbWiM8

тающих, потребителей и окружающей среды, и, во-вторых, вместе с ЕС Англия сможет лучше ответить на глобальные вызовы XXI века. Но от своих сомнений по поводу европейской интеграции лидер ЛПВ, по-видимому, не избавился. Европеистски настроенные лейбористы утверждали, что кампанию за сохранение членства Соединённого Королевства в ЕС Корбин вел без особого энтузиазма и не смог мобилизовать сторонников евроинтеграции.

Неудивительно, что результаты референдума о Брекзите 23 июня 2016 г. вызвали в ЛПВ серьёзный внутрипартийный кризис. Стремясь заставить Корбина уйти с поста лидера партии, две трети министров из теневого лейбористского кабинета после референдума подали в отставку. Недовольство проявилось и в парламентской фракции ЛПВ, большинство которой проголосовало за вотум недоверия главе партии. Однако, несмотря на давление, Корбин отказался уходить, заявив, что парламентарию-лейбористы не имеют полномочий для его смещения.

Однако вскоре его лидерству был брошен еще более серьёзный вызов. В июле 2016 г. два известных политика-лейбориста – Анджела Игл и Оуэн Смит – заявили о своем желании баллотироваться на пост главы ЛПВ на новых внутрипартийных выборах. Игл, впрочем, вскоре сняла свою кандидатуру, и Смит стал единственным конкурентом Корбина. Стоит отметить, что Смит, хотя и является несколько более умеренным лейбористом, чем Корбин, также находится на левом фланге ЛПВ и позиционирует себя как социалиста. Он выступает даже за социалистическую революцию, осуществляемую мирным и парламентским путём. «Я не марксист, – утверждает Смит, – но я полагаю, что мы живем в капиталистическом обществе и что Лейбористская партия должна стремиться достичь социализма, работая внутри него»⁸. Правда, Смит подчёркивает, что он выступает только за демократический, эволюционный путь преобразований и потому признаёт бизнес важной составной частью британского общества.

Таким образом, борьбу за пост главы ЛПВ в 2016 г. вели два кандидата, представлявшие её левое крыло. Выборы лидера ЛПВ в 2016 г. проходили по тем же правилам, что и в 2015-м, т.е. голосовать могли не только члены партии и аффилированных с ней тред-юнионов, но и зарегистрированные сторонники ЛПВ. Итоги выборов были оглашены 24 сентября 2016 г. По результатам голосования Корбин значительно опередил Смита, набрав около 62% голосов, причём получил на 62 тысячи голосов больше, чем в 2015 г. Таким образом, лидером ЛПВ остался политический деятель, поддерживаемый рядовыми лейбористами и сторонниками партии, но находящийся в конфликте с лейбористским истеблишментом и с парламентской фракцией ЛПВ, настроенными гораздо более умеренно.

Перспективы руководимой Корбином Лейбористской партии остаются весьма туманными. Вернувшись к своим социалистическим и тред-юнионистским традициям, она не сможет завоевать голоса среднего класса. Ведь даже относительная «левизна» руководимой Милибэндом ЛПВ оттолкнула часть избирателей из этой социальной группы. А для того, чтобы победить на выборах, партии необходимо будет сдвинуться в сторону центра. Как будет решать эту дилемму Джереми Корбин, пока непонятно. Но можно с уверенностью предсказать, что руководимую Корбином Лейбористскую партию ожидают новые внутренние конфликты.

⁸ <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/17/owen-smith-labour-leadership-interview>

РОВИНСКАЯ Т.Л.
«ПИРАТСКИЕ» ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США:
ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ*

Международное Пиратское движение, возникшее в середине 2000-х годов, стало ответом на новые вызовы в информационной сфере. В силу своей специфики, информационная сфера оказалась особенно чувствительна к эффектам глобализации: появление крупных информационных концернов, попытки контроля со стороны государств над потоками информации не просто монополизировали рынок как экономическую категорию или приносят инструменты государственного управления в информационную сферу, но и неизбежно попирают при этом важнейшие ценности демократического мира – свободу слова и обмена информацией, право гражданина на неприкосновенность персональных данных и частной жизни, открытость политического процесса и транспарентность органов власти.

Родоначальницей движения стала Пиратская партия Швеции (*Piratpartiet*)¹, созданная 1 января 2006 г. Идея ее создания возникла в 2005 г. у шведского политика и предпринимателя в области информационных технологий Рикарда Фальквинге во время громких дебатов об изменении законодательства в области авторского права, которые так и не привели к существенному результату². Спустя несколько месяцев аналогичные партии возникли в Австрии, Германии, Франции, Испании и многих других странах (в настоящее время они созданы или находятся в процессе создания в 67 государствах³), а также в отдельных регионах (например, отдельные штаты США, федеральные земли ФРГ, автономные сообщества в Испании и др.). Некоторые партии имеют молодежные отделения (Швеция, Германия и др.). Во многих странах «пиратские» партии еще не зарегистрированы официально, но уже ведут активную деятельность.

В 2006 г. зародилась, а в 2010 г. была официально оформлена неправительственная организация «Интернационал пиратских партий» («Пиратский интернационал», *Pirate Parties International, PPI*)⁴, объединяющая наиболее активные «пиратские» партии (ПП) мира. 21 февраля 2010 г. была создана международная ассоциация «Пираты без границ» (*Pirates Without Borders*)⁵ со штаб-квартирой в городе Санкт-Галлен (Швейцария). Ее членами, – в отличие от «Пиратского интернационала», объединяющего партии, – могут становиться отдельные люди.

Наиболее активные и успешные ПП, представители которых занимают выборные посты (в муниципальных, региональных, государственных или наднациональных представительных органах власти), находятся в Исландии, Германии, Австрии, Чехии, Нидерландах, Швейцарии, Франции, и Испании. Официально зарегистрированные и допущенные к участию в выборах «пиратские» партии действуют также в Швеции, Дании, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Эстонии, Бельгии, Люксембурге, Италии, Греции, Польше, Венгрии, Болгарии, Хорватии, Словении, Черногории, Израиле, Тунисе, Японии, Австралии и Канаде; кроме того, официально зарегистрированы ПП в

* Ровинская Татьяна Леонидовна – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН

¹ Piratpartiet. URL: <http://www.piratpartiet.se/>

² Anderson N. Political Pirates: A History of Sweden's Piratpartiet URL: <http://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/>

³ PP International. URL: <http://www.pp-international.net/>

⁴ <http://www.pp-international.net/>

⁵ <http://blog.pirates-without-borders.org/>

некоторых штатах США. И этот перечень постоянно расширяется за счет активных, но незарегистрированных пока пиратских партий в других странах мира (в т.ч. в России).

«Пиратские» партии являются прямыми последователями и выразителями идей «киберлибертарианства» – политической философии, зародившейся в середине 90-х годов XX в. в США, когда известный американский поэт, прозаик и политический активист Джон Перри Барлоу в 1996 г. написал "Декларацию независимости киберпространства" (*A Declaration of the Independence of Cyberspace*), где бросил вызов «традиционным правительствам индустриального мира», противопоставляя государственной цензуре в области информации «свободное киберпространство». Создание политических партий, выражающих эти идеи, превратило киберлибертарианство в новую политическую идеологию информационного общества, продвигающую философию борьбы за гражданские права «в цифровом пространстве». Таким образом, «пиратские» партии – это новые политические партии, целью которых является борьба за соблюдение гражданских прав и свобод в информационном обществе (в том числе, противодействие электронной слежке и цензуре, неприкосновенность частной жизни и персональных данных), содействие свободному распространению знаний, свободный некоммерческий обмен информацией и недопустимость его преследования, реформа законодательства в области интеллектуальной собственности, патентов и копирайта, транспарентность государственной власти и политики в целом. Название «пиратские» подчеркивает принципиальное несогласие с искусственными ограничениями некоммерческого обмена информацией (при этом категорически осуждается коммерческое «пиратство»). Свободный обмен информацией (не преследующий коммерческих целей) – прежде всего, в Интернете – признается естественным и необходимым, поскольку информация, создаваемая, сохраняемая и распространяемая в Сети, в силу своей «нематериальной» специфики не может рассматриваться как обычный коммерческий товар и является достоянием всего общества.

Импульсом для развития «пиратского» движения во всем мире стала деятельность разоблачительного сайта *WikiLeaks*⁶, созданного также в 2006 г. австралийским интернет-журналистом и телеведущим Джулианом Ассанджем с целью обнародования сверхсекретных материалов о политике, тайнах дипломатии, военных преступлениях и коррупции в высших эшелонах власти. В знак протеста против политических преследований за свободу слова со стороны «непрозрачных» для народа правительств, «пираты» всего мира (полностью разделяющие политическую позицию *WikiLeaks*), оказывают всестороннюю информационную, техническую и финансовую поддержку организации вплоть до размещения ее материалов на своих серверах.

Наибольших политических успехов добились «пиратские» партии в Западной Европе, где они менее чем за десятилетие стали весомой альтернативной политической силой левого толка: их присутствие в законодательных органах власти всех уровней продолжает расширяться. В настоящее время самой успешной в Европе и в мире является Пиратская партия Германии (*Piratenpartei*)⁷. Она имеет несколько десятков депутатских мандатов в ландтагах (земельных парламентах) четырех земель – Берлина, Северного Рейна-Вестфалии, Саара и Шлезвиг-Гольштейна⁸; а также более 300 мандатов – в муниципальных органах власти 16 федеральных земель⁹. Это и самая многочисленная Пиратская партия в мире (более 16 тыс. членов к концу 2016 г.)¹⁰.

⁶ <https://wikileaks.org/index.en.html>

⁷ <https://www.piratenpartei.de/>

⁸ Landesparlamente. URL: <http://www.landtagspiraten.de/>

⁹ Mandate in Kommunalvertretungen. URL: <http://www.kommunalpiraten.de/>

¹⁰ Mitglieder. URL: <http://wiki.piratenpartei.de/Mitglieder>

Заметных политических успехов в своей стране добилась Пиратская партия Исландии (*Píratar*)¹¹. Спустя лишь пять месяцев с момента своего основания (в ноябре 2012 г.), на парламентских выборах 27 апреля 2013 г. она получила три из 63 мест в исландском альтинге – старейшем парламенте мира¹². Причем, одним из депутатов от партии стала Биргитта Йонсдоттир, известная активистка проекта *WikiLeaks*. На досрочных парламентских выборах 29 октября 2016 г. партия получила уже 10 мест в парламенте, поделив второе место с Лево-зеленым движением (*Left-Green Movement*)¹³. Своих представителей в законодательных органах власти имеют также «пиратские» партии Чехии, Швейцарии, Австрии, Нидерландов, Франции, Каталонии (Испания).

21 марта 2014 г. в Европейском парламенте в Брюсселе была создана Пиратская партия Европы – ППЕ (*European Pirate Party – PPEU, European Pirates – PIRATES*)¹⁴, основной задачей которой стала координация деятельности ПП разных стран при подготовке к выборам в Европарламент. Понятно, что идейно-политически ПП близки антиистеблишментским партиям, неформалам, европейским зеленым. В результате на выборах 22-25 мая 2014 г. один «пират» (представитель ПП Германии) получил депутатский мандат в Европарламент в парламентском блоке «Зеленые – Европейский свободный альянс» (*The Greens/European Free Alliance*) до 2019 г.¹⁵

Политическая активность европейских ПП не сводится лишь к борьбе за представительство в органах власти. Весьма знаменательны проводимые ими протестные кампании. Так, был достигнут реальный успех в масштабной кампании по противодействию Антифальсификационному торговому соглашению (*Anti-Counterfeiting Trade Agreement, ACTA*)¹⁶, которое в случае его принятия узаконит слежку за интернет-пользователями со стороны провайдеров, крупные штрафы и уголовную ответственность за нелегальный контент. Европейские ПП организовали массовые протесты во многих странах Западной Европы, в результате которых Европейский парламент в июле 2012 г. проголосовал против участия ЕС в Соглашении¹⁷, а затем Европейская комиссия в декабре 2012 г. подтвердила выход Евросоюза из ACTA. Несмотря на то, что Соглашение может функционировать и без ЕС, выход означает неучастие в нем ни одной из стран-членов Союза.

Большая часть обозначенных ПП угроз в области информации так или иначе связана с деятельностью органов власти и крупных корпораций (главным образом, американского происхождения). Одной из важных задач европейского «пиратского»

¹¹ <http://www.piratar.is/>

¹² «Пираты» получили три места в старейшем парламенте мира. URL: <http://hitech.vesti.ru/news/view/id/1879>

¹³ General Elections 2016 in Iceland. Iceland Monitor. URL: <http://icelandmonitor.mbl.is/news/elections-2016-results/>

¹⁴ Presentation of the European Pirate Party. URL: <https://europeanpirates.eu/presentation>.

¹⁵ European Parliament / Results of the 2014 European Elections. URL:

<http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-de-2014.html>.

¹⁶ Суть ACTA сводится к нескольким ключевым моментам: суровое наказание (огромные штрафы и лишение свободы) за любое нарушение авторских прав; содействие участников рынка выявлению нарушителей (массовое "стукачество"); применимость не только к виртуальным, но и к физическим товарам. На практике это означает: уголовное наказание за распространение и приобретение продукции, признанной контрафактной; узаконенную слежку за интернет-пользователями со стороны провайдеров; обыски информационных носителей (проверку ноутбуков, планшетов, плееров, телефонов на предмет наличия пиратской продукции – например, при въезде в страну-подписанта) и их безвозмездная конфискация в случае обнаружения такой продукции и т.п. Соглашение предполагает также учреждение международного органа, обладающего широкими полномочиями в своей области (подобно ВТО) и представляющего собой сложную систему контроля за соблюдением авторского права.

¹⁷ Whittaker Z. "Last Rites" for ACTA? Europe Rejects Antipiracy Treaty. URL: <http://www.cnet.com/news/last-rites-for-acta-europe-rejects-antipiracy-treaty/>

движения стала борьба против *PRISM* (*Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronics*) – государственной программы США по электронной слежке, о которой стало известно 6 июня 2013 г. благодаря публикациям в газетах *The Guardian* и *The Washington Post* секретных данных, предоставленных бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом. 24 июня 2013 г. ПП Великобритании, Каталонии, Швеции, Эстонии, Чехии, Словении и некоторых других стран Европы при поддержке ПП Флориды (США) инициировали кампанию *AntiPRISM*, направленную на борьбу со слежкой за пользователями в Сети¹⁸. В рамках кампании члены партий призвали Европейский союз создать комиссию с целью: определения всех возможностей *PRISM*; источников и информации, которая отслеживалась в рамках программы; степени нарушения ею европейских законов; выявления чиновников ЕС, которые знали о программе или были к ней причастны. Кроме того, инициаторы *AntiPRISM* потребовали от правительств европейских стран предоставить политическое убежище Э.Сноудену и обеспечить ему дополнительную защиту (это требование так ни к чему и не привело). ПП считают, что европейские правительства должны усилить защиту персональных данных граждан, инициировать подписание международного соглашения о свободе Интернета и оказать финансовую поддержку разработчикам приложений, обеспечивающих защиту конфиденциальной личной информации. Активисты также призвали принять соответствующие меры, чтобы не допустить в будущем появления программ, подобных *PRISM*.

В самих Соединенных Штатах Пиратская партия (*The United States Pirate Party, USPP*¹⁹) возникла 6 июня 2006 г. (в один год с ПП Швеции), а именно – после рейда шведской полиции на серверы крупнейшего интернет-хостинга *The Pirate Bay* (Пиратская бухта). Основателями новой партии в США выступили аспирант Университета Джорджии Брент Эллисон и его друг Алекс Инглиш. Как утверждал Б. Эллисон, «именно рейд привлек внимание... людей всего мира к этим вопросам... Это оказалось лучшим событием для интернет-сообщества»²⁰. В 2012 г. в США был создан Пиратский национальный комитет (*Pirate National Committee, PNC*) как коалиция партий отдельных штатов. Комитет состоит из делегатов от партий-членов и является органом управления Пиратской партии США²¹. В настоящее время в США существует восемь активно действующих ПП от штатов (Массачусетс, Нью-Йорк, Флорида, Висконсин, Джорджия, Калифорния, Орегон, Вашингтон), получивших официальную регистрацию на уровне штата. В процессе формирования находятся ПП семи штатов (Мэриленд, Коннектикут, Огайо, Иллинойс, Миннесота, Канзас, Аризона)²².

Особенностью протестной деятельности ПП в США является тот факт, что за десятилетие существования «пиратского» движения в Соединенных Штатах им до сих пор не удалось полностью выполнить ни одну из поставленных задач, количество которых год от года лишь увеличивается. Имеют место преимущественно краткосрочные и локальные успехи. Это объясняется, во-первых, очевидным неравенством сил: слишком серьезны политические противники «пиратов» и слишком сильны их позиции. Во-вторых, в Соединенных Штатах в последнее десятилетие наблюдается общая тенденция к усилению попыток крупных корпораций информационной индустрии и индустрии развлечений провести выгодные им законопроекты, так или иначе предполагающие регулирование «свободного Интернета» и информационного рынка в целом.

¹⁸ Пиратские партии инициировали кампанию *AntiPRISM*. URL: <http://www.securitylab.ru/news/441824.php>.

¹⁹ <https://uspirates.org/>

²⁰ Milchman E. The Pirates Hold a Party. *Wired*, 06.06.2006. URL: <http://archive.wired.com/politics/law/news/2006/06/71180?currentPage=all>.

²¹ About. Pirate Party. URL: <https://blog.pirate-party.us/about/>

²² States. Pirate party. URL: <https://blog.pirate-party.us/states/>

Это неизбежно означает коммерциализацию, введение цензуры и нарушение конституционных гражданских прав. Поддерживая подобные законопроекты и соглашения, государство в лице президентской администрации и государственных ведомств способствует усилению этой тенденции. В-третьих, любая третья партия в США заведомо проигрывает двум основным политическим партиям на электоральном поприще в силу специфики политической системы страны, где существуют экономические и политические механизмы противодействия участию в выборах более мелких партий. Таким образом, американским «пиратским» партиям приходится действовать в более сложных условиях, чем их европейским коллегам, и поэтому их политические успехи выглядят гораздо скромнее.

Но в плане противодействия попыткам ограничения свободы в сети Интернет и в информационной сфере в целом активность ПП исключительно высока. Основными мишенями активного протеста американских «пиратов» стали – Антифальсификационное торговое соглашение (ACTA) 2007 г., Закон о защите IP-адресов (*PROTECT IP Act, Preventing Real Online Threats to Economic Creativity and Theft of Intellectual Property Act, PIPA*) 2011 г., Закон о прекращении онлайн-пиратства (*Stop Online Piracy Act, SOPA*) 2011 г., программа АНБ США *PRISM* (после скандала 2013 г.), Закон об обмене информацией в области кибербезопасности (*Cybersecurity Information Sharing Act, CISA*) 2014 г. и международное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) 2015 г.

В случаях с законопроектами, легализующими государственную цензуру в сети по требованию правообладателей, частных компаний или профильных государственных ведомств под видом соблюдения авторских прав или борьбы с «киберугрозами», американским «пиратам» совместно с правозащитными организациями и IT-компаниями удалось добиться успеха: билли Закона о борьбе с нарушениями и подделками в киберпространстве (*Combating Online Infringement and Counterfeits Act, COICA*)²³, Закона о защите IP-адресов (*PIPA*) и Закона о прекращении онлайн-пиратства (*SOPA*)²⁴, Закона об обмене данными киберразведки и их защите (*Cyber Intelligence Sharing and Protection Act, CISPA*)²⁵ не прошли в Конгрессе. Однако, видимо утомленные непрерывной борьбой и не располагающие достаточными ресурсами, чтобы заблокировать лоббистскую деятельность крупных информационных корпораций и тем более силовых ведомств, «пиратские» партии и правозащитники не смогли эффективно противодействовать последнему подобному проекту Закона об обмене информацией в целях кибербезопасности (*CISA*)²⁶, который был принят Сенатом 27 октября 2015 г.

²³ Представленный сенатором Патриком Лейхи в Сенате 20 сентября 2010 г. проект COICA предлагал поправки к ст. 113 раздела 18 Кодекса США, согласно которым министр юстиции получал право наложить запрет на любой домен и заблокировать любой сайт, где совершаются «противоправные действия» (в нарушение авторских прав).

²⁴ В результате вето, наложенного сенатором-демократом Роном Уайденом, билль не был поставлен на голосование в Сенате, однако снова появился там 12 мая 2011 г. как проект PIPA, а затем – 26 октября 2011 г. в Палате представителей как проект SOPA. Оба билля означали радикальное ужесточение государственной цензуры в Интернете, уголовное преследование за любое нарушение авторского права (в частности, за видео-трафик, продажу контрафактных лекарств и иных товаров).

²⁵ Предложенный членом Палаты представителей Майклом Роджерсом 30 ноября 2011 г. проект CISPA расширял возможности американских правоохранительных органов, а также правообладателей в борьбе с нелегальным контентом, контрафактной продукцией и «пиратством» в Интернете. По сути, проект являлся аналогом SOPA, но дополнительно разрешал обмен информацией интернет-трафика (включая персональные данные пользователей) между правительством США и частными производственными/IT-компаниями «в целях кибербезопасности».

²⁶ Проект CISA – аналог CISPA – был представлен в Сенате 10 июля 2014 г., а затем повторно 12 марта 2015 г. Аналогично CISPA, он узаконивает обмен данными интернет-трафика (включая персо-

Не менее сложной задачей для ПП США стала борьба против государственной программы слежки *PRISM* (где американские «пираты» ограничились информационной помощью европейским коллегам) и международных соглашений, подписываемых действующим правительством в ущерб гражданским правам американских интернет-пользователей и граждан других стран (особенно это касается АСТА и недавно подписанного Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, ТТП²⁷ (*Trans-Pacific Partnership, TPP*)). ТТП, как и АСТА, разрабатывалось кулуарно. Хотя оно охватывает значительно более широкий круг вопросов, проблемы авторского права и цензуры в Интернете оговариваются отдельно. Соглашение лишает Интернет в странах-участницах необходимой анонимности, распространяет на них американскую систему копирайта (против которой борются «пираты» в США), обязывает интернет-провайдеров исполнять наказания за нарушения авторских прав и др., в целом предоставляя частным компаниям неограниченные возможности влияния на законодательную деятельность государств-подписантов²⁸. Основные усилия американского «пиратского» движения были сосредоточены на недопущении ратификации Соглашения Конгрессом США.

Таким образом, всего за 10 лет своего существования Пиратское движение в странах Запада добилось ряда заметных успехов, а в Западной Европе еще и набрало определенный политический вес и сумело добиться присутствия в законодательных органах власти всех уровней. В Соединенных Штатах этот период времени для «пиратов» ознаменовался неравной борьбой с законодательной системой и правительством собственной страны. С точки зрения ПП, в США происходит наступление «полицейского государства» на закрепленные демократической Конституцией базовые гражданские права – свободу слова (в цифровую эпоху это, прежде всего, свобода Интернета), неприкосновенность частной жизни и персональных данных (особенно в сети), прозрачность и подотчетность государственной власти – при неспособности (и нежелании) последней противостоять интересам крупного капитала. Пример политического успеха «пиратских» партий Европы, а также смелые разоблачения антиконституционной деятельности «непрозрачных» правительств всего мира в рамках *WikiLeaks* и отдельными американскими госслужащими (Э.Сноуден и др.) вдохновляют и поддерживают «пиратов» США в борьбе за демократические ценности и гражданские права. Большое значение для ПП и сторонников «пиратского» движения всего мира имеет участие в объединениях – таких как «Пиратский интернационал» и «Пираты без границ», которые служат центрами координации их деятельности, выработки стратегий, обмена опытом. Учитывая непрерывный рост количества ПП в мире (в настоящее время, в основном, за счет появления новых локальных партий внутри стран), а также их первые политические успехи (в Исландии, Германии и др. странах) можно утверждать, что Пиратское движение становится заметной альтернативной политической силой в рамках новой фазы развития информационного общества.

нальные данные пользователей) между правительством США и частными компаниями в целях кибербезопасности, при этом защищая представителей бизнеса от возможных судебных исков со стороны пользователей.

²⁷ Международное соглашение, заключенное 5 октября 2015 г. в Атланте (США) 12-ю странами тихоокеанского побережья (США, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Японией, Сингапуром, Малайзией, Вьетнамом, Брунеем, Чили, Перу, Мексикой) после нескольких лет переговоров.

²⁸ Final TPP Text Confirms Worst Fears: Shadowy Agreement Poses a Grave Threat to the Internet and Freedom of Expression. // Fight for the Future, November 5, 2015. URL: <http://tumblr.fightforthefuture.org/post/132605875893/final-tpp-text-confirms-worst-fears-shadowy>.

РОВИНСКАЯ Т.Л.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ЕВРОПЕ: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ*

Экологические политические партии во многих странах возникли изначально как партии «малых дел» – то есть занимающиеся решением конкретной проблемы (в отличие от системных «правых» и «левых» партий). И стали частью общего политического тренда, связываемого рядом политологов с переходом от универсальных идеологий (либерализма, консерватизма, марксизма, призванных объяснить и/или изменить мир) к «молекулярным» (но нацеленным на решение не менее глобальных проблем), и одновременно с появлением целого ряда альтернативных политических партий и движений, нацеленных на изменение сознания людей и трансформацию стратегий общественного развития. Характерно, что именно такие установки, помимо собственно экологической проблематики, выдвигаются на первый план в политических концепциях европейских экологических партий. Этим объясняется повышенный интерес «зеленых» партий к проблемам социального развития, здравоохранения, рынка труда, миграции, отдельных отраслей промышленности (например, атомной) и сельского хозяйства (например, применению химических удобрений и генномодифицированных организмов), к утилизации отходов производства, а также к вопросам войны и мира, использования отдельных видов вооружения (прежде всего ОМУ – химического, ядерного оружия).

Первые экологические партии появились в странах Европы в 1970-х гг. Так в Швейцарии в 1971 г. была зарегистрирована *Grüne Schweiz/Parti écologiste suisse/Partito ecologista svizzero/Partida ecologica svizra* («Зеленая Швейцария»); в Германии (1977 г.) – *Grüne Liste Umweltschutz* («Зеленые списки охраны природы»); в Австрии (1978 г.) – *Die Grünen–Die Grüne Alternative* («Зеленые–Зеленая альтернатива») ну и далее почти во всех существующих европейских государствах. В странах Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания и др.) носителями идеологии экологизма являются прежде всего социал-демократические партии, а на общественном уровне существуют многочисленные «зеленые» ассоциации, играющие роль эффективной группы давления на правительство. В некоторых случаях название «зеленых» присваивали себе и уже существующие партии: например, в Великобритании (1974 г.) – основанная консерватором Тони Уиттекером партия *PEOPLE*, переименованная в 1975 г. в *Ecology Party* и затем в 1985 г. – в *Green Party UK*. Впрочем ни под одним из названий партия не снискала особых политических успехов.

В 90-е годы XX в. деятельность европейских «зеленых» партий существенно активизировалась: экологическая тематика получила широкий отклик среди населения, вследствие чего значительно увеличилась электоральная поддержка этих партий и их представительство в органах власти. В настоящее время участниками экологического движения Европы являются помимо государственных институтов (министерства охраны окружающей среды, государственные программы, экологические фонды и др.), политические партии (в первую очередь, «зеленые»), экологические НПО и неформальные движения, составляющие массовую базу партийных организаций и экологических проектов¹.

* Ровинская Татьяна Леонидовна – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН

¹ Экология и экологическая безопасность. [Ecology and Ecological Safety (In Russ.)]. URL: <http://lib4all.ru/base/B1836/B1836Part65-280.php>.

Новые экологические партии продолжали и продолжают возникать также на рубеже веков и в первые десятилетия XXI в. С одной стороны, в некоторых странах Европы они образуются посредством слияния уже существующих – экологических и неэкологических – партий. Так, в Нидерландах в 1989 г. в результате слияния четырех неэкологических партий (*Communist Party of the Netherlands*, *Pacifist Socialist Party*, *Political Party of Radicals* и *Evangelical People's Party*) образовалась партия *Groen Links* («Зеленые левые»). В Италии в 1990 г. появилась новая экологическая партия *Federazione dei Verdi*, или просто *Verdi* («Федерация Зеленых»/«Зеленые») за счет слияния двух старых экологических партий *Liste Verdi* и *Verdi Arcobaleno*. Во Франции в 2010 г. была создана партия *Europe Écologie Les Verts* («Европа. Экология. Зеленые») путем объединения старых *Les Verts* и *Confédération écologiste–Parti écologiste* с французской «зеленой» группой *Europe Écologie* («Европа. Экология») в Европарламенте, возникшей в 2009 г. В Испании в 2011 г. в результате слияния 35 мелких «зеленых» партий образовалась более крупная *Equo*. С другой стороны, процесс создания экологически ориентированных партий происходит у так называемых «новых европейцев» – тех стран «социалистического лагеря», где таких партий раньше не было. В возникла 2006 г. – *Erakond Eestimaa Rohelised* («Эстонские Зеленые») в Эстонии; в 2009 г. – *Lehet Más a Politika* («Политика может быть другой») и в 2013 г. – *Párbeszéd Magyarországért* («Диалог для Венгрии») в Венгрии; в 2011 г. – *Lietuvos Žaliųjų Partija* («Зеленая партия Литвы»). Очевидно, что этот процесс далек от завершения.

Таким образом, происходит консолидация «зеленых» партий и движений, растет их число и численность сторонников. Однако количество не всегда и не повсеместно переходит в качество. Наиболее ярким примером успеха экологистов в Европе служит политическое восхождение «зеленых» в Германии. Уже несколько десятилетий немецкая экологическая партия (не раз менявшая свое название и состав) является и объектом восхищения, и путеводным маяком для европейского и мирового «зеленого» движения. С самого начала партия действовала активно и последовательно: уже в год своего создания (1977) первая *Grüne Liste Umweltschutz* (ФРГ) приняла участие в выборах и получила одно место в районном собрании депутатов (крейстаге) города Хильдесхайм. Еще до официального объединения в единую партию, в октябре 1979 г. на парламентских выборах в городе Бремен (ФРГ) локальная экологическая партия *Bremer Grüne Liste (BGL)* получила 5.1% голосов и впервые вошла в земельный парламент². В том же 1979 г. на федеральном уровне путем объединения нескольких локальных экологических партий в Западной Германии была создана Партия «Зеленых» (*Die Grünen*³), которая со временем вошла во многие земельные парламенты и в Бундестаг. Начиная с 1983 г., она была представлена в Бундестаге (5.6% голосов и 27 мест в 1983 г., 8.3% и 42 места в 1987 г.⁴). В феврале 1990 г. была создана экологическая партия ГДР *Grüne Partei*. После объединения Германии 3 октября 1990 г. восточных «зеленых» стали называть *Grüne (Ost)*, а западных, соответственно, – *Grüne (West)*. На первых общегерманских парламентских выборах 2 декабря 1990 г. *Grüne (West)* не сумели преодолеть пятипроцентного барьера, набрав лишь 3.8% голосов, поскольку население новых федеральных земель в большинстве своем было озабочено в первую очередь экономическими и социальными проблемами, возникшими в результате объединения страны. В общей сложности «зеленые» получили восемь мест в Бундестаге, объединившись в новую партию *Die Grünen*⁵. Она

² GRÜNE Chronik. 1977–1979. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/1977-1979.html>.

³ www.buendnis90-diegruenen.de

⁴ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>.

⁵ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>; GRÜNE Chronik. 1990. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/1990.html>.

стала позиционировать себя как «экологическая партия реформ» и обозначила «стратегию радикальных реформ, основанную на изменчивости общества». В ноябре 1992 г. произошло объединение «Зеленых» с «Союзом 90» под названием *Bündnis 90/Die Grünen* («Союз 90/Зеленые»): в этом виде партия существует и по сей день (хотя в литературе их как правило именуют просто «Зеленые»). В январе 1994 г. была образована молодежная экологическая организация *Grün-Alternative Jugendbündnis – GAJB* (Молодежный союз «Зеленая альтернатива»). С момента своего создания *Bündnis 90/Die Grünen* активно включилась в политические дебаты по многим животрепещущим вопросам, помимо чисто экологических, в частности, поддерживала пацифистские лозунги – например, в 1993 г. в связи с участием Германии в военном конфликте в Боснии было заявлено, что «международная борьба за права человека не должна осуществляться военными средствами»⁶. Отличительной чертой немецких «Зеленых» является их чрезвычайная политическая гибкость, способность выстраивать успешную стратегию в зависимости от политической конъюнктуры, находить точки соприкосновения и создавать коалиции с другими (в том числе, крупными традиционными) партиями на всех уровнях власти – локальном, федеральном и общеевропейском. Эта способность позволяет им сохранять и усиливать свое влияние, в течение более чем трех десятилетий определять политическую повестку дня в собственной стране и за ее пределами. Поступательное политическое восхождение партии *Bündnis 90/Die Grünen* можно наблюдать по результатам ее участия в выборах, а также ее активности и успехам в межвыборный период.

В 1994 г. «Зеленые» прошли в Бундестаг с гораздо лучшим результатом, чем в 1990 г. (7.3% голосов, 49 мандатов⁷). Представитель партии Антье Фольмер была избрана вице-президентом Бундестага. На выборах в ландтаги некоторых федеральных земель (Гессен, Саксония-Анхальт, Северный Рейн-Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург) партия впервые образовала «красно-зеленую» коалицию с Социал-демократической партией Германии – СДПГ. На выборах 1998 г. «зеленый» блок снова преодолел пятипроцентный барьер и прошел в Бундестаг (6.7% голосов, 47 мандатов⁸), и уже на национальном уровне создал «красно-зеленую» правительственную коалицию с СДПГ. Это позволило представителям «Зеленых» занять несколько важных постов в новом правительстве: председатель партии Йюшка Фишер стал министром иностранных дел и вице-канцлером ФРГ, Антье Фольмер – снова вице-президентом Бундестага, Юрген Триттин – министром охраны окружающей среды, Андреа Фишер – министром здравоохранения. На выборах во многие земельные парламенты и в Европарламент «зеленому» блоку также сопутствовал успех.

После выборов 1998 г. «Зеленые» с новой силой продолжили кампанию за полную денуклеаризацию экономики страны (закрытие действующих и отказ от строительства новых атомных станций). При поддержке СДПГ «красно-зеленой» правительственной коалиции удалось добиться согласия крупнейших энергетических концернов Германии на закрытие 19-ти атомных электростанций в течение ближайших 30-ти лет (11 июня 2001 г. федеральное правительство и атомные концерны подписали соглашение о «последовательном отказе от атомной энергии»). В период между парламентскими выборами в Германии была запущена крупнейшая в мире программа стимулирования производства солнечной энергии. В 1999–2002 гг. «красно-зеленая коалиция» провела экологическую налоговую реформу, предусматривавшую повышение налогов на бензин, электричество и газ (так впервые экологические соображения были закреплены в налоговой системе Германии). В апреле 2000 г. вступил в силу За-

⁶ GRÜNE Chronik. 1991–1993. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/1991-1993.html>.

⁷ GRÜNE Chronik. 1994–1998. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/1994-1998.html>.

⁸ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>.

кон о возобновляемой энергии (*Erneuerbare Energien Gesetz – EEG*), обеспечивший финансовую и научную поддержку и разработку возобновляемых видов энергии (энергии ветра, солнечных коллекторов, биомассы и геотермальной энергии). Имея своих представителей на министерских постах, «зеленые» так же активно занимались проблемами международных отношений (вопрос участия вооруженных сил Германии в международных конфликтах в Косово и Ираке), гражданства и миграции, трудового рынка, здравоохранения, прав меньшинств.

На выборах в Бундестаг 2002 г. «Зеленые» получили 8.6% голосов и 55 мест, что стало наилучшим результатом за все предыдущие годы участия в национальных выборах. «Красно-зеленая коалиция» была вновь поддержана избирателями и снова заняла лидирующие позиции в парламенте. Кроме того, представитель партии впервые в ее истории получил прямой мандат в одном из избирательных округов Берлина. Важной заслугой немецких «зеленых» стало принятие в июне 2004 г. Бундестагом Закона о генной инженерии (*Gentechnikgesetz*), главной целью которого является защита сельского хозяйства от загрязнения генно-модифицированными организмами.

В этот период начался активный выход немецких «Зеленых» на европейский политический уровень. Большое значение имел их успех на выборах в Европейский парламент 2004 г.: 11.9% голосов (удвоение результата 1999 г.) и 13 из 99 депутатских кресел от Германии. Немного раньше, в феврале 2004 г., при активном участии «Зеленых» была создана Европейская зеленая партия (*European Green Party – EGP*).

Парламентские выборы 2005 г. в Германии снова принесли «Зеленым» приличный результат – 8.1% голосов и 51 кресло в Бундестаге (немного меньше, чем в 2002 г.)⁹. Успех пришел также на выборах в ландтаги многих федеральных земель (Баден-Вюртемберг, Бремен, Гессен, Гамбург, Нижняя Саксония и др.), где по результатам выборов фактически сложилась пятипартийная система¹⁰. «Зеленые» перешли в оппозицию к «черно-красному» правительству (ХДС/ХСС–СДПГ), что не помешало им подписать в апреле 2008 г. в Гамбурге на уровне федеральной земли договор о первой «черно-зеленой» коалиции (с ХДС).

В 2000-х гг. «Зеленые» активно проводили ряд общенациональных и международных кампаний, привлекая всеобщее внимание к своим программным установкам. Так в апреле 2006 г., в годовщину аварии на Чернобыльской АЭС, партия начала общенациональную «Климатическую кампанию», растянувшуюся на 2007–2009 гг.¹¹. 8 ноября 2008 г. возле хранилища радиоактивных отходов в городе Горлебен была организована многотысячная антиатомная демонстрация, крупнейшая за 30 лет. Наряду с атомной тематикой, партия продолжала заниматься вопросами социального государства, а также участия Германии в международных вооруженных конфликтах.

2009 г. ознаменовался для немецких «Зеленых» небывалыми электоральными успехами: на выборах в Европейский парламент (июнь) *Bündnis 90/Die Grünen* получили 12.1% голосов, на выборах в Бундестаг (сентябрь) – 10.7% (лучшие результаты за все предшествовавшие годы)¹² и 67 мест¹³. Однако общая политическая конъюнктура сложилась не в их пользу, так как на этот раз консервативная партия (ХДС/ХСС) победила с большим отрывом (239 кресел против 146 у СДПГ и 68 у «Зеленых»). Результат такой расстановки сил не заставил себя долго ждать. Вскоре после выборов новая «черно-желтая» правящая коалиция (ХДС/ХСС–СвДП) стала выступать против выстраданной «красно-зелеными» стратегии отказа от атомной энергетики, заявив о

⁹ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>.

¹⁰ GRÜNE Chronik. 2006–2008. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/2006-2008.html>.

¹¹ www.gruenes-klima.de

¹² GRÜNE Chronik. Ab 2009. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/ab-2009.html>.

¹³ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>.

продлении сроков эксплуатации немецких АЭС. На этом фоне резко усилилась антиатомная кампания «Зеленых» (перекрытие движения поездов с атомными отходами из Франции, многотысячные митинги и демонстрации и т.д.), не приведшая правда к заметным результатам до тех пор, пока в Японии не произошла катастрофа на энергоблоке АЭС Фукусима. В марте 2011 г., после аварии на японском атомном реакторе, федеральный канцлер Ангела Меркель объявила трехмесячный мораторий для устаревшего и неисправного реактора *Krümmel*. А 30 июня 2011 г. Бундестаг, наконец, принял так давно лоббируемое «Зелеными» решение об отказе от атомной энергии в Германии. Это знаковое событие на фоне японской трагедии стало тем не менее результатом более чем тридцатилетней борьбы немецких «Зеленых» за общественно-политический консенсус по данному вопросу.

В целом, несмотря на электоральные успехи и большую поддержку со стороны населения организуемых партией *Bündnis 90/Die Grünen* кампаний, с приходом к власти консерваторов политическое влияние «Зеленых» на федеральном уровне значительно ослабло. В связи с этим партия изменила свою политическую стратегию и сделала ставку на федеральные земли. После того, как в начале 2013 г. *Bündnis 90/Die Grünen* набрала 13.7% голосов на выборах в ландтаг Нижней Саксонии, там была образована «красно-зеленая» коалиция, и с этого момента те федеральные земли, в парламентах которых такая коалиция является правящей, получили большинство в Бундесрате (федеральном законодательном органе, представляющем 16 федеральных земель ФРГ).

На выборах в Бундестаг 2013 г. «Зеленые» получили 8.4% голосов избирателей (на 2.3% меньше, чем в 2009 г.). Такой результат был воспринят как негативный, и по этой причине действующие члены правления и совета партии сложили с себя полномочия. В то же время, на уровне ландтагов ситуация не ухудшилась, а в некоторых землях даже улучшилась. Так, на выборах в ландтаг земли Гессен «Зеленые» получили 11.1% голосов и создали «черно-зеленую» коалицию. Это предопределило проведение успешной экологической политики в регионе.

Вместе с тем, несмотря на то, что количество мест в Бундестаге у «Зеленых» увеличилось (с 47 в 1998 г. до 68 в 2009 г., 63 в 2013 г.), их общий рейтинг в Германии постепенно снизился: если по результатам выборов 1998 г. они находились на третьей позиции после СДПГ и ХДС, то в 2009 г. – уже на пятой позиции после ХДС, СДПГ, СвДП и Левой партии (*Linkspartei, Die Linke*), а в 2013 г. – на четвертой позиции (так как СвДП в Бундестаг не прошла)¹⁴.

С 2015 г. «Зеленые» присутствуют в правительстве девяти из 16 федеральных земель (общее количество мандатов в ландтагах составляет 225¹⁵). В отдельных землях результаты местных выборов бывают ошеломляющими. Так, 13 марта 2016 г. на выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг партия получила 30.3% голосов, впервые за свою электоральную историю. На партийном съезде в 2015 г. был принят документ под названием «Зеленый прорыв 2017» (*Grüner Aufbruch 2017*), содержащий цели и задачи партии на предстоящих выборах в Бундестаг 2017 г.¹⁶ В нем говорилось о том, что партия добилась невероятных успехов во многих областях (охрана окружающей среды, отказ от атомной энергетики, гендерное равноправие, совместимость семьи и профессии, самоопределение людей с ограниченными возможностями, интеграция мигрантов, поддержка социальных инициатив, права меньшинств). На бли-

¹⁴ Ergebnisse der Bundestagswahlen. Bundestag. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.html>.

¹⁵ Sitzverteilung in den deutschen Landesparlamenten. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Sitzverteilung_in_den_deutschen_Landesparlamenten.

¹⁶ GRÜNE Chronik. Neuaufstellung im Bund – regieren in den Ländern. URL: <http://www.gruene.de/index.php?id=17531>.

жайшее будущее был намечен широкий спектр программных задач: от борьбы против промышленного содержания животных и за экологически чистые продукты до нового определения понятия «свободы». Особо подчеркивалось, что стремление к власти является для «Зеленых» не самоцелью, а средством оказывать решающее влияние на вектор общественного развития и его долгосрочную перспективу. Поскольку электоральная поддержка партии еще не настолько велика, чтобы она имела возможность всегда выступать как самостоятельная сила на всех уровнях власти, она вынуждена объединяться в коалиции с другими партиями, однако эти коалиции не способствуют, по мнению активистов партии, общественному прогрессу. Так, для последней «большой коалиции» с СДПГ 2005–2009 гг. было характерно намеренное оттягивание принятия решений по вопросам изменения климата, демографических изменений, сдерживания финансовых спекуляций, увеличения разрыва между богатыми и бедными, пробуждения «цифрового общества». В 2017 г. партия намерена создать концептуальную альтернативу «застоя “большой коалиции”»: политическая деятельность – и внепарламентская, и в правительстве, и в оппозиции – должна определяться тем, удастся ли реализовать поставленные цели. Называя себя «прогрессивной силой левого центра», «Зеленые» предлагают комплексный подход к решению общественных проблем. Партия готова выступать партнером и адвокатом всех сил, работающих ради общего будущего на общеевропейском, национальном (федеральном), земельном и муниципальном уровнях и способных взять на себя такую ответственность в нелегких современных условиях¹⁷.

На европейском уровне позиции немецких «Зеленых» достаточно прочны. С 10 ноября 2013 г. по 28 января 2014 г. Европейская зеленая партия провела предварительные выборы (*Green Primary*) в режиме онлайн с целью выявить первых кандидатов для выдвижения на предстоявших выборах в Европейский парламент 2014 г. В этих праймериз могли принять участие все граждане ЕС старше 16 лет, поддерживающие идеологию «зеленых». По результатам голосования, были выдвинуты два кандидата: Франциска Мария Ска Келлер (Германия) и Хосе Бове (Франция). Келлер (кандидат от *Bündnis 90/Die Grünen*) была депутатом Европарламента предыдущего созыва (2009–2014 гг.) в составе парламентского блока *The Greens–European Free Alliance*, и после продления депутатского мандата на европейских парламентских выборах 2014 г. стала вице-председателем этого блока. Сама партия получила на выборах в ЕП 10.7% голосов, став в немецкой фракции третьей после ХДС/ХСС и СДПГ.

В целом, до сегодняшнего дня немецкие «Зеленые» пользуются наибольшим авторитетом среди партий-единомышленников не только в Европе, но и в мире. Ни одной экологической партии еще не удалось достичь подобного влияния. Одновременно это и самая многочисленная экологическая партия (в настоящее время она насчитывает около 60 тыс. членов)¹⁸, неизменно представленная в Европейском парламенте.

В Европейском парламенте «зеленые» партии и движения представлены с 1984 г. (вторые выборы в ЕП), когда они получили 20 кресел (4.6% - из общего количества 434), образовав парламентскую группу *Rainbow Group – RBW* (Группа «Радуга») в коалиции с регионалистами и другими левыми партиями, не связанными с какими-либо

¹⁷ Grüner Aufbruch 2017: Eigenständig und auf Grundlage unserer Werte. Bündnis 90/Die Grünen. 38. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz. Hamburg, 21.-23. November 2014. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/Gruener_Aufbruch_2017.pdf.

¹⁸ Anzahl der Parteimitglieder der Grünen von 1990 bis 2015. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192243/umfrage/mitgliederentwicklung-der-gruenen/>

международными организациями¹⁹. На третьих выборах 1989 г. «зеленым» удалось самостоятельно получить 30 мандатов (5.8%) из 518 и создать отдельную парламентскую группу *The Green Group in the European Parliament – GGEP* (Группа «Зеленых» в европейском парламенте)²⁰. Однако надо признать, что голосование за «Зеленых» тем более в Европарламент, не перегруженный на тот момент реальными политическими функциями, носило в 1980-х гг. отчасти протестный характер. «Зеленые» аккумулировали в своих программных установках не только экологические, но и, например, пацифистские требования. Кроме того, они выступали в глазах публики альтернативой существующему политическому истеблишменту.

Ситуация поменялась в 1990-х гг., когда многие программные установки «зеленых» партий оказались «похищены» их политическими конкурентами (в основном из числа левых партий) и они уже достаточно вписались в партийно-политическую систему соответствующих стран, чтобы перестать восприниматься как реальная антисистемная альтернатива. На четвертых выборах 1994 г. количество «зеленых» мест в Европарламенте сократилось до 23 (4.1%) из 567²¹, при этом «зеленые» депутаты вошли в состав группы *European Radical Alliance* («Европейский радикальный альянс»)²². Пятые выборы 1999 г. ознаменовались повторным объединением «зеленых» и регионалистов в новую парламентскую группу *The Greens–European Free Alliance – G-EFA* ("Зеленые–Европейский свободный альянс"), существующую и поныне, с общим количеством мест – 48 (7.7%) из 626. В 2014 г. количество мандатов группы в ЕП составило 50 (6.7%) из 751²³. Несмотря на некоторые колебания рейтингов и результатов, в целом наблюдается стабильное присутствие «зеленых» в Европейском парламенте (параллельно с усилением роли самого парламента в европейском законодательстве).

Интересен анализ картины последних евро-выборов 2014 г. по отдельным странам ЕС в плане голосов, отданных за экологические партии, которые входят в парламентскую группу *G-EFA*. Наибольшее число мест в группе принадлежит «зеленым» от Германии (13 кресел); затем с отрывом следуют Великобритания и Франция (по 6 кресел); Швеция и Испания (по 4); Австрия (3); Бельгия, Нидерланды и Венгрия (по 2); Люксембург, Дания, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Словения и Хорватия (по 1). Однако количество занимаемых кресел в Европейском парламенте не вполне отражает популярность экологических партий в отдельно взятой стране. Так, наибольший процент голосов «зеленые» получили в Швеции (четыре мандата составляют 20% общего количества парламентских мест от Швеции); в Австрии, Люксембурге и Эстонии – по 16.7%; в Германии – 13.5%; в Латвии и Словении – 12.5%; в Бельгии и Венгрии – 9.5%; в Хорватии и Литве – 9.1%; в Великобритании – 8.2%; во Франции – 8.1%; в Нидерландах, Дании и Финляндии – 7.7%; в Испании – 7.4%. Ни одного мандата экологи не получили от таких стран как: Ирландия, Италия, Греция, Португалия, Кипр, Мальта, Болгария, Румыния, Польша, Чехия и Словакия²⁴.

Отдельного пояснения требует состав парламентской группы *The Greens–European Free Alliance*. Она состоит из двух различных партий: Европейская зеленая партия и Европейский свободный альянс (*European Free Alliance – EFA*). Первая объединяет национальные экологические партии стран ЕС; вторая, в свою очередь, включает регионалистов, а также партии, представляющие «нации без государств» и поли-

¹⁹ Élections européennes 1984. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-1984.html>.

²⁰ Élections européennes 1989. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-1989.htm>.

²¹ Élections européennes 1994. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-1994.html>.

²² Élections européennes 2009. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-2009.htm>.

²³ Élections européennes 2014. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-2014.htm>.

²⁴ Élections européennes 2014. URL: <http://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-2014.htm>.

тические интересы меньшинств и альтернативные политические силы (в частности, например, «пиратские» партии).

«Европейская зеленая партия» была создана в феврале 2004 г. на Четвертом конгрессе Европейской федерации зеленых партий (*European Federation of Green Parties – EFGP*) в Риме (где присутствовало более тысячи делегатов). В нее вступили 34 экологические партии Европы. Таким образом, «зеленые» первыми сформировали наднациональную политическую партию (в 2004–2006 гг. их примеру последовали другие политические федерации). Процесс объединения имел два предварительных этапа: свободная координация в период 1979–1993 гг., затем создание Европейской федерации зеленых партий (существовала в 1993–2004 гг.) и, наконец, объединение в пан-европейскую партию, что стало его кульминацией²⁵.

Европейская зеленая партия и национальные экологические партии Европы входят в состав всемирного объединения *Global Greens* («Глобальные Зеленые») – партнерства экологических партий и движений всего мира, основанного в 2001 г. в Канберре (Австралия) на Первом Всемирном конгрессе «зелёных», где была также принята «Глобальная хартия Зеленых» (*Global Greens Charter*). Этот документ содержит общие для экологов ценности («экологическая мудрость», социальная справедливость, демократия участия, ненасилие, устойчивость развития, уважение к разнообразию) и стратегические цели (фундаментальная реформа доминирующей экономической модели, борьба с изменением климата, решение продовольственного кризиса, продвижение демократии, движение за мир, защита биологического разнообразия и др.). Тактическими политическими целями объединения является представительство в органах власти всех уровней. Электоральные достижения всех его членов становятся, таким образом, частью общего успеха. В настоящее время в объединении представлено более 90 стран мира и четыре Федерации – Америка, Африка, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион²⁶.

То, что в настоящее время органы государственной и муниципальной власти многих стран Западной Европы проводят экологически направленную политику, противодействие стихийным бедствиям входит в программы действий ОБСЕ и других международных организаций, а Западная Европа по праву считается наиболее успешным регионом мира, с точки зрения экологических стандартов – во многом является результатом политического успеха экологического движения в целом и европейских «зеленых» партий. Несмотря на отдельные периоды спада в деятельности «зеленых» партий и НПО на уровне отдельных стран, регионов и в мире, в целом, факты и цифры говорят о поступательном наращивании их присутствия в законодательных органах власти всех уровней, общем увеличении масштаба их активности. На сегодняшний день, европейские «зеленые» – наиболее «респектабельная» из альтернативных политических сил.

²⁵ European Green Party. History. URL: <http://europeangreens.eu/content/history>.

²⁶ Global Greens. URL: <http://www.globalgreens.org/about-us>.

Научное издание
**Партийно-политические системы и политические идеологии
в странах Запада в начале XXI века:
факторы эволюции и направления трансформации**

Ответственный редактор:

Соловьев Эдуард Геннадьевич

Сборник статей

ISBN 978-5-9535-0493-5

Подписано в печать 26.12.2016.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 16 п.л., 9,7 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 59/2016

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23